

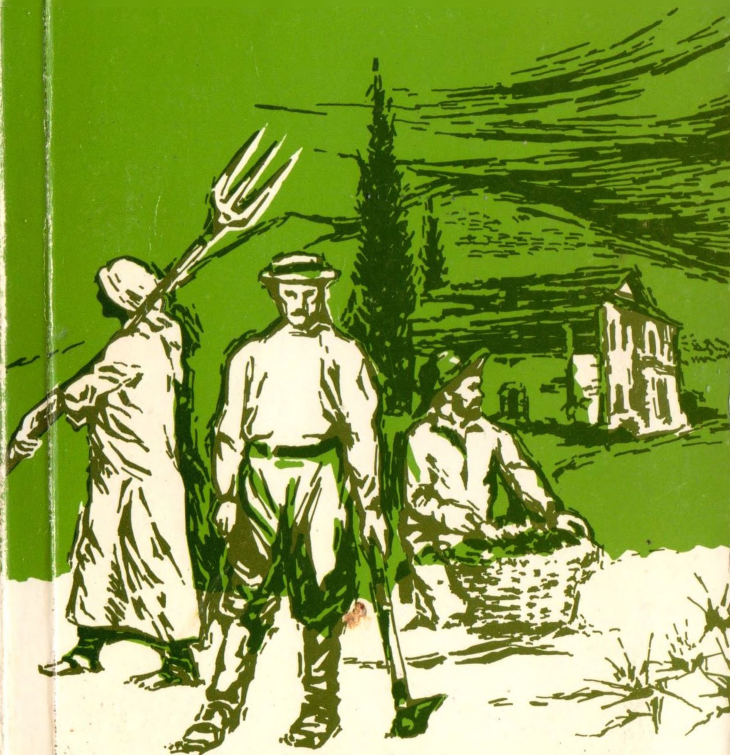

Ицхак Зив-Ав

ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...

Ицхак ЗИВ-АВ

ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...

**Ицхак Зив-Ав
ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...**

Ицхак ЗИВ-АВ

**ГОВОРЯТ,
ЕСТЬ СТРАНА...**

Библиотека-Алия

1989

Printed in Israel

יצחק זיו־אב
אומרים ישנה ארץ

Y.Ziv-Av
They Say There Is a Land

Перевел с иврита *О. Минц*
Редактор *Н. Радовская*
Оформление обложки *А. Резницкий*

ISBN 965-320-036-4

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה
ת.ד. 4140 ירושלים
היצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

OCR Давид Титиевский, сентябрь 2021 г., Хайфа

זכויות חסימה
הוצאת ספרים
764

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Н. Радовская</i>	7
От автора	13
Страна запустения	17
Пойдем впереди народа	61
1882 год — переломный	83
Сила духа и деньги	175
Не хлебом единым	229
Земля, текущая молоком и медом	263
Вслед за первой бороздой	283
Примечания	299

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ицхак Зив-Ав родился в 1907 г. в Смоленске. Отец его, купец первой гильдии Живов, владел несколькими деревообрабатывающими заводами. По Днепру шли груженые товарами суда купца Живова, называвшиеся всегда одинаково: "Герцль" — владелец их не скрывал своих сионистских взглядов. Но до революции семейство Живовых так и не собралось уехать в Палестину. Лишь в 1926 г. Аврахам Живов с женой и 19-летним сыном получил разрешение на выезд из СССР. Ицхак к тому времени успел получить высшее образование и напечатал в смоленской газете "Рабочий путь" свои первые корреспонденции.

Прибыв в Палестину, Аврахам Живов, человек деловой, купил землю в новом сельскохозяйственном поселении Магдиэль. Молодой Живов (Зив-Ав) вскоре стал членом местного совета. Так началась его общественная деятельность, продолжающаяся и по сей день. Впоследствии Ицхаку Зив-Аву выпала честь представлять государство Израиль в Международном объединении сельскохозяйственных организаций. Освоение Эрец-Исраэль, содействие ее развитию и процветанию стало главным делом его жизни. В течение многих лет он является членом правления Национального земельного фонда (Керен каемет ле-Исраэль).

Другое направление деятельности Ицхака Зив-Ава — журналистика. Во время Войны за Независимость он был первым израильским воен-

ным корреспондентом, посылавшим с места событий репортажи о прорыве блокады Иерусалима. Эти репортажи легли в основу книги "Цена свободы". Книга "Ковер-самолет"* появилась после поездки в Аден, где автор встречал еврейских беженцев из Йемена.

Всего Ицхак Зив-Ав написал пятнадцать книг. Кроме того, он сотрудничал в ведущих израильских газетах, вел на радио серию передач "15 минут с Ицхаком Зив-Авом", являлся членом общественного совета и совета редакторов при Управлении израильского радиовещания.

Многолетнее сотрудничество связывает Зив-Ава с Армией Обороны Израиля. В 1947—48 гг., когда отряды Хаганы преобразовывались в регулярные войска, он входил в состав Верховного мобилизационного суда (председателем которого был Леви Эшкол**), а после основания государства возглавил созданный по инициативе Бен-Гуриона отдел при Министерстве обороны, отвечавший за связь армии с гражданским населением и за разъяснительную работу. Кроме того, Зив-Ав являлся советником начальника Генерального штаба и министра обороны по связям с родственниками попавших в плен и пропавших без вести солдат.

Трудно перечислить все, чем занимался этот чрезвычайно энергичный человек на протяжении своей долгой и деятельной жизни. Но главным своим делом Ицхак Зив-Ав считает работу по изучению и описанию истории первопоселенцев — тех героических людей, которые стали вновь осваивать Эрец-Исраэль после двухтысячелетнего запустения. Этой теме посвящены наиболее доро-

*"Ковер-самолет" — название операции, в ходе которой в 1950 г. 45000 йеменских евреев было переправлено на самолетах в Израиль.

**Леви Эшкол (1895—1969) — третий премьер-министр (1963—1969) государства Израиль.

гие сердцу самого автора его книги: "Неизвестная страна", "Навеки наша", "Говорят, есть страна...".

Русский перевод последней из них — перед вами. Книга "Говорят, есть страна..." впервые вышла в свет на иврите в 1980 г. и с тех пор выдержала шесть изданий. В качестве названия Зив-Ав взял строчку из стихотворения известного еврейского поэта Шауля Черниховского. Стихотворение это давно стало в Израиле популярной песней.

По жанру — это сборник очерков, автор публиковал их в течение трех с лишним лет в субботнем приложении к газете "Маарив" под рубрикой "Две минуты о прошлом".

Книга написана страстно, напористо, часто полемически, написана человеком, убежденным в своих взглядах и правоте. В старом сионистском споре (продолжающемся, кстати, по сей день) о том, должно ли заселение страны предшествовать политическому урегулированию или наоборот, — позиция Зив-Ава однозначна: границы государства Израиль определил еврейский плуг. ("И как жаль, что определил так, а не иначе, — с болью пишет автор, — ведь сколько было упущенных возможностей...").

Так уж сложилось, что, говоря об освоении Эрец-Исраэль, обычно имеют в виду прежде всего Вторую алию*. О ней написано много книг и ученых трудов, да и большинство участников ее — люди образованные, интеллигентные — вели дневники, писали письма и статьи по идеологическим вопросам, а позднее, к старости, — мемуары.

А что же было до 1904 года, официально

*Алия (ивр.) — букв. "восхождение"; переселение евреев в Израиль на постоянное жительство; название групп евреев, прибывших в Эрец-Исраэль в разное время. Первая алия — 1882—1903 гг., Вторая алия — 1904—1914 гг., Третья алия — 1919—1923 гг., Четвертая алия — 1924—1928 гг., Пятая алия — 1929—1939 гг.

признанного годом начала Второй алии? И как обстоит дело с Первой алией, участники которой не писали ни книг, ни статей и почти не оставили воспоминаний? Отведенные ей историками 22 года (1882—1904) оказались практически вычеркнутыми из истории. А о тех, кто жил и действовал лет этак за 30—40 до Первой алии, — и говорить нечего. Кто о них помнит? Что сегодня знают об этих удивительно смелых людях, впервые в новой истории Эрец-Исраэль вышедших из обжитых и относительно безопасных городов и начавших обрабатывать свою заброшенную страну, заселять ее пустующие пространства? Чтобы порвать с привычными устоями жизни, смелость и сила духа требовались незаурядные. Это не был нынешний конфликт "харедим" и "хилоним" — религиозных и светских евреев. Не был по той простой причине, что все они были харедим, нерелигиозных евреев в Эрец-Исраэль тогда почти не существовало.

Кто знает об иерусалимском раввине Акиве Шлезингере, который за 23 года до Герцля* написал трактат о будущем еврейском государстве и подвергся за это *херему* — отлучению от общины? Кто слышал про то, что в глубоко религиозной ортодоксальной среде рождались подробнейшие проекты устройства социалистических киббуцов и даже коммун?

Ицхак Зив-Ав постоянно подчеркивает, что он отнюдь не ученый-историк, а, по его собственному

*Теодор Герцль (1860—1904) — основатель политического сионизма, создатель Всемирной сионистской организации. В 1896 г. вышла книга Герцля "Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса", основная идея которой заключается в том, что еврейский вопрос следует решать не эмиграцией из одной страны диаспоры в другую или ассимиляцией, а созданием независимого еврейского государства.

выражению, популяризатор истории. Его цель — рассказать людям про то, о чем они забыли или просто не знали или не хотели знать, про то, "как все это было на самом деле". Ему удалось нарисовать живые картины прошлого, воскресить колоритные фигуры отцов-основателей первых поселений: нищих и богачей, раввинов и торговцев, бунтарей и строгих блюстителей Торы. Рядом с ними на страницах книги оживают образы прославленных филантропов — барона Ротшильда и барона Гирша, английского консула в Палестине Джеймса Финна и лорда Лоуренса Олифанта, каждый из которых внес свою лепту в "сионизм до сионизма".

Рекомендуя книгу русскоязычному читателю, следует отметить, что в оригинале язык ее буквально пронизан реминисценциями из Библии, намеками на события еврейской истории, народными поговорками, которые, в свою очередь, являются цитатами или перифразами из той же Торы. За многие века они столь прочно вошли в повседневную речь, что приобрели характер устойчивых словосочетаний. Автор нигде не выделял их кавычками, не давал пояснений и вообще был удивлен, когда услышал о том, что в русском переводе это необходимо. Для человека, выросшего в еврейском доме и впитавшего дух еврейства с детства, употреблять подобные словесные обороты так же естественно, как дышать, и ему трудно предположить, что другой еврей может этого не понять или не уловить. Об этой особенности авторской речи читатель должен помнить.

Очень возможно, что некоторые читатели русского перевода книги бывали в местах, которые в ней описаны. Не исключено, что после рассказов Ицхака Зив-Ава им, как и мне, захочется посетить их снова, чтобы взглянуть на все иными глазами.

Н. Радовская

От автора

“...Прозорливость и мужество первопоселенцев поражают и восхищают меня. Вся моя надежда, — и от этого, на мой взгляд, зависит будущность нашего народа, — что люди нашего времени воспримут нечто от духа этого поколения”.

Из письма Давида Бен-Гуриона Ицхаку Зив-Аву. 1962 г.

Запоздала народная признательность: Иехуда Раав поднял плугом целину Петах-Тиквы сто лет тому назад, в 1878 году, а до Раава был еще Элазар Роках, внук первого печатника в Эрец-Исраэль — Исраэля Бека. Дед пытался заложить на горе Джермак в Галилее первое еврейское поселение в новой истории Эрец-Исраэль, внук продолжил начинание деда и основал село Гей-Они около арабской деревни Джеуни. Эти люди возродили древний девиз “Пойдем впереди народа халуцами!”* — девиз, который овладел умами много лет спустя после того, как сами они были забыты. За этими выходцами из землячеств старого ишува² последовали в переломном 1882 году переселенцы

*Здесь и далее цифрами обозначены примечания, помещенные в конце книги.

из России, Румынии, Йемена — основатели первых сельскохозяйственных *колоний*³. Их постигла та же участь: они остались в тени. Их роль в истории национального возрождения была забыта.

Таким образом, начальные главы освоения земель Эрец-Исраэль оказались перемещенными на тридцать лет вперед — к Третьей алии. Десятки раз мне приходилось знакомить молодежь с историей первопоселенцев, и всякий раз я начинал с вопроса: "Как называлось первое сельскохозяйственное поселение?" Ответ, который я получал, далеко не всегда был верным. Очень часто мне называли Дганию, Киннерет, Нахалал.

Целые поколения израильтян не знали своих предшественников.

Летом 1962 года я обратился к главе правительства Давиду Бен-Гуриону с предложением провести в школах год усиленного ознакомления с историей первопоселенцев, при поддержке всех средств массовой информации. Не прошло и недели, как я получил письменное согласие Бен-Гуриона. Официально и в общегосударственном масштабе был объявлен "Год предтеч". "Чем больше дань уважения зачинателям, тем только больше чести нашему государству", — писал мне в связи с этим Бен-Гурион. В час примирения с предшественниками⁴ он не поколебался признать это во всеуслышание перед потомками первых поселенцев. Специально поехал в Петах-Тикву и Зихрон-Я'аков и выступил там с речами. "Чем больше я узнаю про первые десятилетия, тем больше у меня уважения и признательности к первым поселенцам, — сказал Бен-Гурион. — Многие годы я был их противником. Однако без того, что совершили основатели Петах-Тихвы и других первых поселений, не было бы и всего того, чего достигли мы". И перед множеством собравшихся Бен-Гурион провозгласил: "Государство было заложено здесь!"

У первых поселенцев иврит еще не стал разговорным языком, да и письменный иврит, несмотря на свое идиоматическое богатство, еще не выработал современной терминологии. *Хаклаут* — сельское хозяйство, *хит'яшвут* — заселение земель, — таких слов вообще не существовало. В письменных памятниках той эпохи речь идет об *аводат адама* — обработке земли и об *ахузат адама* — владении землей. Свое стихийное халуцианство все эти ремесленники, грамотеи, мелкие торговцы, талмудисты черпали из Торы, молитвенников и проповедей редких единомышленников. Время не выдвинуло своего идеолога. Однако новая реальность требовала не только практических действий, но также поиска иных общественных основ. Этот поиск отражен не в теоретических сочинениях — их не было, а в уставах первых поселений. Эти уставы, в совокупности, представляют собой обширный свод тех новаций, которые осуществились уже при втором поколении поселенцев, лучше к этому подготовленных. Мы найдем здесь основы коллективизма — вплоть до "полной коммуны"; формирование твердых правил общежития; создание "обществ" — групп, объединенных определенной целью, еще в *галуте*⁵. Иврит как язык школьного обучения, государственный флаг и национальный гимн, Кнесет (парламент) Государства Израиль — все это восходит к первым поселениям.

Поиск истоков и побудил меня совершить путешествие в забытую эпоху — в которое я приглашаю теперь читателя. Моя книга не претендует на уровень строгого исторического исследования. Обширная хроника освоения земель Эрец-Исраэль разбросана по десяткам книг и сотням брошюр. Я же останавливаюсь на событиях, отбор которых, конечно, субъективен, но которые, по моему мнению, позволяют читателю окунуться в атмосферу эпохи и найти в своей душе какие-то

точки соприкосновения с поколением первых. Этого, я верю, достаточно, чтобы пробудить желание ознакомиться с богатейшими архивами документальных свидетельств и мемуарной литературой. Итак, приглашаю читателя последовать за мной по первым бороздам, проложенным на ниве национального возрождения Эрец-Исраэль в 1878—1908 годы.

СТРАНА ЗАПУСТЕНИЯ⁶

Перед рассветом

Хотя мы обживаем нашу страну заново, да и то лишь столетие с небольшим, стоит знать, что были евреи, которые из рода в род сидели здесь на земле и никогда не утрачивали кровной связи с родиной. В сионистскую эру памятником и подтверждением непрерывности такой связи, сохранившейся на протяжении тысячелетий, служит село Пки'ин. Жители этого горного еврейского села, земледельцы и скотоводы, никогда с ним не расставались и не уходили в галут. Путешественник, побывавший в Пки'ине в XVIII веке, нашел здесь обилие лимонов и сладких апельсинов, а также молоко, масло, творог и мед.

Покинутая, разоренная и тем не менее желанная родина исторгала у евреев не одни только вздыхания и слезы. Веками воспламеняла она их воображение, а еврейские путешественники писали о ее удивительной прелести. Запустению вопреки, они находили землю "доброй, обширной и тучной". Двигаясь из Ливана в Цфат единственным в те времена конным трактом, уже на его обочинах они обнаруживали травы, "способные воскрешать мертвых". "Хотя в стране Израильской дождей вовсе не бывает, все злаки и плоды в ней пригожие на вид и отменные на вкус, а сеют и жнут тут два раза в году, сие — благодаря обилию росы..." Эти гимны природному изобилию — прямая противоположность плачам по разрушению страны. Путников ошеломляет "дерево, каждый из листьев которого побольше высокого человека и которое,

умирая после плодоношения, дает жизнь новому такому дереву”, и они восхищенно созерцают это чудо, не подозревая, что оно довольно распространено и называется банан. При въезде в Иерусалим, а потом у Стены плача разрывают они на себе одежду — в знак траура. И неожиданно обнаруживают, что их счастливые соплеменники — жители Святого города — настоящие горемыки. “Кто весь год с хлебом, тот ходит в богачах”, — пишет рабби Овадия Бертиноро⁷. Его сердце обливается кровью при виде одиноких старух и старых дев: “На одного мужчину — семь лиц женского пола”. Однако и он воспрянет духом, как только выедет за пределы города в направлении Бет-Лехема: “Маслины и виноградники по всей дороге”. А жители Цфата, опустошенного землетрясением, эпидемиями и разбоем? В канонический свод синагогальной службы они ввели особую, собственную молитву: “Великие грехи наши да не доведут нас до того, чтобы из-за куска хлеба оставить возлюбленную землю!”. Когда семь веков назад в Эрец-Исраэль приехал изгнанный из Испании 73-летний Рамбан⁸, он писал сыну: “Чем праведней тут иудей, тем страшнее его нищета”. В Иерусалиме он нашел только двух евреев, у которых в субботу можно было собрать *миньян*⁹. И тем не менее он преисполнен радостного волнения: “Плоды земли вызывают гордость и восхищение. Эта страна все еще способна источать для своих обитателей молоко и мед”.

В 1839 году секретарь и неизменный спутник Моше Монтефиоре¹⁰, врач Элиэзер Халеви предпринимает длинную поездку в Цфат, Акко, Иерусалим и Шхем верхом на осле. По пути он подвергается ограблению и побоям и, оставшись в ужасных отрепьях, вынужден купить платье, “чтобы прикрыть наготу”. Однако все пережитые мытарства и потрясения не мешают ему заметить, что “земля, особенно по выезде из Акко, вся

подобна Божьему саду, обильна водами, и ее жители отличаются здоровьем”.

Халеви пересылает своему патрону письмо некоего Мордехая Соломона, проживающего на юге страны среди арабских крестьян — феллахов. Соломон подробно рекомендует, где и каким образом организовать поселение еврейских землепашцев. Он заверяет: “При усердном ее возделывании Святая земля накормит досыта”. В 1865 году, через тринадцать лет после того, как Мордехай Соломон умер в Иерусалиме во время холерной эпидемии, его сын, Йозель Моше Соломон, основал Петах-Тикву. Не в отца печатник и сочинитель, сын излил душу в стихах:

Исчезла ночная мгла,
Засияла утренняя звезда,
И я услышал, как среди дубов плача
Запела земля Израиля.¹¹

Свое ощущение времени он определил так: “Мы вступаем в эпоху *кум ве-асе* — встань и действуй!”¹².

В Петах-Тикве соединились звенья цепи, связующей нашу древность с эпохой национального возрождения. Верно, что эти звенья были немногочисленными и непрочными. Одни подверглись уничтожению, другие распались сами, не оставив по себе памяти. Однако сам факт их существования подтверждает, что евреи занимались земледелием. При этом следует отметить, что общее количество евреев в стране было небольшим. Первая поименная перепись была проведена в 1839 году, незадолго до второго приезда в страну Монтефиоре. Как указывает профессор Шмуэль Авицур, насчитали 6247 евреев в границах всей будущей подмандатной Палестины. И это не без тайного соображения, что чем большим будет итоговое

число, тем большей окажется материальная помощь.

Эти евреи ютились, главным образом, в четырех святых городах: Иерусалиме, Хевроне, Тверии и Цфате, но многие проживали и по селам, особенно галилейским, что подтверждается свидетельствами путешественников.

В XIX веке приезжий с Крита нашел в Кане близ Нацрата около восьмидесяти евреев. За два столетия до этого другой путешественник, из Италии, перечисляет места жительства 750 еврейских семей. В его списке около 150 сел. Переселенец из России рассказывает о могиле *цаддика*¹³ под Кфар ха-Зейтим и приводит прозвище *цаддика*: "Хозяин маслин". Есть и документальные свидетельства, оставленные самими еврейскими поселенцами. Так, жители Кфар-Ясина, возродившие это древнее еврейское поселение возле Акко, сообщают о своем преуспевании благодетелю в Италию. Представители последнего, выехавшие на место, так описывают их образ жизни: "Мы нашли там с десяток дворов, их хозяева живут в достатке и в большой свободе, сеют, жнут и сдают десятину в пользу бедных". В архиве Монтефиоре сохранилось прошение из Шфар'ама, где значится: "Мы, покорные слуги Ваши, все были землепашцы..."

Пожалуй, самая живая фигура в дошедших до нас сведениях о еврейских поселенцах Эрец-Исраэль — это пастушка Шуламит из рассказа Иехосафа Шварца, первого исследователя Эрец-Исраэль. Шварц рассказывает о евреях Хасбайн, гористой местности, населенной друзьями. "Тамошние евреи — люди сильные, — пишет Шварц, — и такие же отличные землепашцы и ратники, как горцы. Без пики в руках даже их девушки-пастушки в поле не выходят". Свое сообщение о гордых еврейских пахарях Шварц иллюстрирует рассказом о девушке Шуламит: "Измаильтянина, пытавшегося посягнуть на ее честь, Шуламит,

защищаясь, поразила насмерть ударом своего оружия, — и судьи громогласно, перед народом, хвалили ее”. Когда против египетского паши, правителя Акко, был поднят мятеж, он попросил эмира прислать ему на помощь ”людей храбрых и в военном деле опытных. Ему послали около ста иудеев из Дир-ал-Камера и из Хасны, и те взяли крепость, прославив себя”.

Немецкий обозреватель, колесивший по стране за несколько лет до закладки первых поселений, записывает:

”Terra Sancta¹⁴ превратилась почти в пустыню. Некогда плодородные долины поросли сорняком. Леса уничтожены. Сегодняшняя Палестина — это огромная мусорная свалка. Руина, угнетающая своей мощью”.

Город Акко был на положении столицы и административного центра страны. Чтобы попасть в Акко из Яффы, надо было плыть морем. Хайфа в записках середины прошлого века изображается деревней. Вот свидетельства об условиях сухопутного передвижения: ”Мы намеревались отправиться в Яффу, но там нет евреев. А до Цфата из Акко — один день пути. Из Цфата в Иерусалим — пять дней и небезопасно. На дорогах полно гафиров” (так назывались дорожные охранники). Нередко ими были арабы из близлежащих деревень, бравшие с путников мзду за проезд, — по примеру турецких солдат. Вплоть до 1878 года турецкая стража в воротах Иерусалима обладала негласной монополией брать подать со всех приезжих ввиду перебоев с жалованием. Раввины Цфата ввели обычай молиться в синагогах о защите кораблей и путников на море и на суше: ”Убереги их, Всевышний, от разбойников и злодеев и приведи их в Святую землю”.

Еще в середине прошлого века не было надежной связи с внешним миром. Сообщение с ним осуществлялось, главным образом, через Бейрут. Иехосаф Шварц с чувством большого удовлетворения сообщает брату о значительном усовершенствовании в области почтовой корреспонденции: "Прости, если найдешь мое письмо сбивчивым и корявым по мысли и по стилю: спешу отправить его в Бейрут, откуда оно уйдет в Англию на паровом корабле. В последнее время, как тебе, может быть, известно, между Англией и Бейрутом открылось регулярное сообщение. Раз в месяц ходит паровой корабль. Таким путем, через Германию, письма доставляются быстрее и надежнее, чем через Италию". Письмо датировано 1837 годом.

Еще целую вечность положение оставалось таким, словно эта страна находилась на краю света. Кончилась русско-турецкая война, за которой следил весь мир. Иерусалимский паша приказал палить из пушек, жечь потешные огни и с наступлением темноты не запиравать лавок. Ликование было большое, но... запоздало почти на месяц: пока счастливое известие дошло до Иерусалима, миновало ни много ни мало двадцать восемь суток. И еще девять лет пришлось дожидаться всему этому краю, пока первый телефонный кабель не связал его через Константинополь с цивилизованным миром.

Кроме путей, проложенных людьми и животными, в стране не было ни дорожной сети, ни хотя бы отдельных размеченных дорог. Когда в Цфате, при землетрясении 1 января 1837 года, погибло около двух тысяч евреев, оттуда послали гонца в Иерусалим за могильщиками, способными справиться со скальным грунтом. Гонец вернулся только через одиннадцать суток. Живые и мертвые, которых задавило и засыпало, все это время пролежали под развалинами.

...Караван из тридцати верблюдов повез в Иерусалим десятину первого урожая, снятого в Петах-Тикве. Но даже когда появились первые мощные дороги и покатали первые грузовики, верблюды все еще вышагивали среди машин. Популярная песня о верблюде умиляла представителей Третьей алии¹⁵ еще много лет после того, как они распрощались с лошадью и ослом — верными спутниками предыдущих переселенцев. В фольклоре того времени почетное место заслужил и арабский скакун. Но чести войти в историю под своим полным именем удостоилось лишь одно четвероногое: осел по кличке Философ, которого на Ханукку 1884 года привели с собой в арабскую Катру *билуйцы*¹⁶. Философ доставил весь их багаж, а также весь рабочий инструмент — девять мотыг, и поместился за перегородкой в том же сарае, где юные идеалисты из России нашли свой первый приют.

Долгие годы расстояния измерялись не мерами длины, а временем верховой езды. Из Яффы в Иерусалим — полтора дня, или только 14 часов, если не останавливаться на отдых. Из Иерусалима в Рамлу — 9 часов езды; из Цфата в Хайфу или из Тверии в Хайфу — полных два дня. Профессор Авицур рассказывает, что перевозка мебели немецкой школы из Яффы в Иерусалим потребовала ста верблюдов и заняла две недели. Колокол, отправленный из России в огромной бочке для церкви в Бет-Лехеме (Вифлееме), тащили из Яффы в Бет-Лехем волоком по бездорожью сотни русских паломниц.

Ориентирами в пути служили дорожные приметы. Сохранился рассказ Иехуды Раава о том, как он ехал в Петах-Тикву (оставленную на время поселенцами из-за повальной малярии), чтобы собрать с арабских издольщиков причитающуюся

землевладельцу часть урожая. "Я выехал на осле. На всем пространстве от долины Лода до самого Яркона росли только одиночные деревья и кусты. Все они были хорошо известны, благодаря какому-нибудь событию, связанному с ними. Так, например, относительно куста колючей ююбы говорили, что он вырос из кола, вбитого самим Салах-аддином, чтобы привязать коня. Одну веху минуешь — и едешь, пока не увидишь другую. Вокруг одни песчаные горбы или бескрайние топи. Петах-Тикву окружали болотные заросли — лежбище диких свиней и рассадник малярии. Топи Ум-ал-Абес простирались от окрестностей Рош-ха-Аин до нынешней Наполеоновой горы".

И тридцать лет спустя, ко времени, когда Всемирная сионистская организация приступила к заселению Киннерета в нижней Галилее, немного изменилось. Вспоминает один из первых переселенцев Йосеф Барац: "В те времена — в первом десятилетии двадцатого века — невозможно было просто сесть и поехать в Галилею. Железной дороги из Яффы в Хайфу еще не было, а такое средство транспорта, как автомобиль, никому даже и не снилось. В Галилею "поднимались": кто пешим ходом через Зихрон-Я'аков, а кто на лошадях".

Зимой через Иордан — там, где он вытекает из Киннерета, — не было брода. Купленные в этом месте земли Далайки — Ум-Джуни были разделены рекой. Из-за отсутствия зимней переправы вместо одного хозяйства поставили два: Киннерет на одном берегу и Дганию на другом. Когда с началом зимних дождей река разливалась и пересечь ее можно было только на лодке, в лодку переносили груз из телеги, а мулов привязывали к корме. Попав в стремнину, мулы нередко пугались и, бывало, их волокло вместе с лодкой вниз по течению. Являться на переправу в ночное время и вовсе не рекомендовалось: до перевозчика не

докричишься, сколько ни кричи. Тот, может быть, и не спал, но не хотел проверять, кто кричит: свой ли еврей или араб из банды, которая вполне могла залечь в засаде на другом берегу...

“Пески, болота и запустение...” Эти слова, достаточно точно определяющие состояние страны к началу ее заселения, стерлись в наше время и во многом утратили смысл от частого употребления. И хотя они отражают истинное положение вещей в весьма недалеком прошлом, нам приходится делать определенные усилия, чтобы осознать факты, которые сегодня кажутся совершенно невероятными. Первая железнодорожная ветка в Эрец-Исраэль была построена только в 1892 году. Но и шесть лет спустя — в 1898 — в иерусалимской газете “Ха-шкафа”, издаваемой Элизером Бен-Иехудой¹⁷, появилась взволнованная заметка о географическом открытии “одного из досточтимых жителей Иерусалима”: он выдал дочь за молодого поселенца из Метулы и, благодаря этому событию, “нашел кратчайший путь из Яффы в Метулу”. Следует описание маршрута: из Яффы морем в Бейрут — 12 часов; из Бейрута морем в Сидон — 3 часа плавания на баркасе (“Ходит три раза в неделю!” — восклицает автор, в восхищении от такого удобства); из Сидона в Метулу — восемь часов верхом на муле. Удовольствие от пути описывает и сам первооткрыватель: “В дороге мы провели каких-нибудь 23 часа, из них лишь восемь часов пришлось маяться в седле”. Ввиду легкости поездки он рекомендует “родителям и родительницам наших поселян” ездить проводить детей, а заодно “и насладиться горным воздухом, ибо летом нет ничего лучше Метулы”.

Прошло еще два десятилетия. На дворе 1921 год, а в туристическом справочнике географа Иешаяху Переса читаем:

“Из Цфата, через поселения верхней Галилеи, в

Банияс и Дамаск — 26 часов езды на лошади или на муле. Ночлег в Метуле”.

Профессор Михаэль Иш-Шалом издал сборник путевых дневников и дорожных заметок христиан, путешествовавших по Святой земле. Это впечатляющий документ. Тексты полны юдофобии, антисемитской злобы, и вдруг находим признание, которое делает сквозь зубы некий иерарх христианской церкви в адрес иерусалимских евреев: “Проклятая нация, пребывающая в самом постыдном и жестоком закабалении, не столь несчастна, находясь в состоянии ужасающей деградации, сколь счастлива своим счастьем” — счастьем жить в Иерусалиме. Взор наблюдателей застлан ненавистью к “христубийцам”, и тем не менее иногда проскальзывает сдержанное почтение: “Невзирая на все притеснения и пытки, которые они терпят от мусульманских язычников, с Иерусалимом они отказываются расстаться”. Или еще: “На своей земле живут в положении изгоев — и держатся за нее с непобедимым терпением. Научились подчинять себя переменам времени”. И еще такое: “Муки турецкой неволи в Иерусалиме им слаще свободы, которой они могут пользоваться в других местах и странах”.

О мусульманах путешественники-христиане отзываются не иначе как о “еретиках”, “язычниках”, “собаках”, но относятся к ним как к бесспорным хозяевам страны, естественным господам евреев, естественно беззащитных и бесправных. В канун эры нашего национального возрождения английский консул в Иерусалиме и большой друг евреев, Джеймс Финн, записывает: “Христиане чураются всякой связи с евреями. От них бегут, как от чумы, хотя некоторые (из христиан — ред.) и начали в последнее время относиться к ним в известной степени как к людям. Что касается мусульман, то,

если в беседе им приходится упомянуть еврея, они сначала извиняются перед вами и огорожат вас от этого нечистого упоминания словами: "Избавь вас Аллах". Христианский священнослужитель-выкрест рассказывает о петиции евреев Цфата королеве Виктории: отчаявшись спастись от притеснений, они просят назначить в свой город консула, который взял бы их под защиту как подданных английской короны. Однако еще в 1848 году американский морской офицер и исследователь Уильям Линч, констатируя, что "мало-помалу мир свыкается с мыслью о развале Османской империи", предсказывает: "Кроме краха этой силы, ничего другого и не требуется, чтобы обеспечить возвращение евреев в страну". Десять лет спустя немецкий ученый-теолог, исследователь Библии, Феликс Бауве, размышляя над судьбами Эрец-Исраэль, приходит к такому выводу:

"Христиане, завоевав Святую землю, не сумели удержать ее. При них она стала ареной военных действий. Османы превратили ее в пустыню. Ветер пустыни принес арабов, которые ничего в ней не создали... Ни одному народу Небо не позволило укорениться в ней. Господь хранит ее для своего народа Израиля..."

Первая алия нашла малонаселенную страну, опустевшие арабские деревни, разоренные эпидемиями и голодом, феллахов, бродяжничавших в поисках куска хлеба. По сравнению с положением феллахов, отмечает еврейский наблюдатель, даже нищета местных еврейских общин, существующих на иждивении у диаспоры, казалась относительным благополучием. И тем не менее, при всей своей неустроенности, эта страна привлекала переселенцев из еще более ужасных мест. Голодные люди, группами, кочевали с места на место, но зацепиться за землю, осесть на ней, удавалось

лишь немногим. На юго-востоке Ливана пытались обосноваться друзы, были изгнаны и перекочевали в Эль-Металлу (нынешнюю Метулу). Но и оттуда им пришлось бежать в результате неудачи джихада — "священной войны" против турок. В долине Хулы (Верхняя Галилея) поселились беженцы из Судана; их прогнала малярия. В окрестностях Йесуд ха-Ма'алы осели, было, арабы из Марокко, но не обжились, разбрелись кто куда. В середине XIX века, в эпоху Первой алии, в стране было больше пришельцев, чем коренных жителей. Наши старожилы еще помнили имена таких пришлых кланов, прозывавшихся по местам их исхода. Семейства из Баальбека (Ливан) утратили прежние имена, а их прозвище "баальбеки" постепенно превратилось в новое имя; другой клан имел и фамилию — ал-Хурейни, и прозвище "халеби" — по Халебу (Алеппо), городу в Сирии, откуда этот клан перекочевал в Эрец-Исраэль.

Распространено мнение, будто на территории Палестины, или Святой земли (как называли ее, между прочим, только европейцы, но не арабы), — проживало к началу XX века около 600 тысяч арабов. В таком случае, они составляли подавляющее большинство среди местного населения. Но историк Яков Харозен, потомок основателей Метулы, эту цифру опровергает. Харозен ссылается на Наджиба Азури, арабского писателя-националиста, которого если и можно заподозрить в необъективности, то только в пользу арабов. При турках Азури служил заместителем иерусалимского губернатора. В 1905 году он выпустил книгу под названием "Пробуждение арабской нации", в которой сказано, что в местности к западу от реки Иордан проживает 200 тысяч арабов и такое же число евреев: не меньшинство и не большинство! Харозен спорит и с нашей собственной статистикой, доказывая, что в ней занижено число евреев. С другой стороны, арабская пропаганда называет

дутые цифры арабского населения в Эрец-Исраэль, оперируя ими в подкрепление мифа о насильственном вытеснении арабов евреями.

Существует любопытное свидетельство Ицхака Шехтера, одного из основателей Зихрон-Я'акова, который тридцать лет занимался скужкой земель для поселенческих предприятий барона Ротшильда. Однажды Шехтеру попала на глаза бумага, засекреченная английской мандатной администрацией. Документ касался переписи земельных владений, произведенной в северных районах страны в 1873 году по приказу османских властей. Переписчикам, говорилось в документе, не удалось обнаружить притязаний с чьей-либо стороны на множество заброшенных угодий. Они ходили по арабским деревням и предлагали жителям оформить бесхозную землю на их имя, по очень низкой цене, так как, в противном случае, придется продать ее с торгов. Феллахи, однако, не спешили. И огромные площади, по цене одна турецкая лира за пять-десять дунамов земли, перешли в руки двух фамилий: Сурсук и Хури. Несколько лет спустя эти земли были проданы евреям за хорошие деньги.

Поселенческое движение в недрах старого ишува родилось не вдруг. Прошел не год и не два, прежде чем возникли в Иерусалиме группы евреев, которые первыми в новой истории Эрец-Исраэль решили обосноваться на земле. Сам поиск подходящих мест (Иерихон — Хеврон — Доран — Мелабес, где и была позднее основана Петах-Тиква) продолжался ни много ни мало целых пять лет. То же можно сказать и о евреях Цфата: и они не спешили "продать с себя последнюю рубашку", как писал их вожак Элазар Роках, чтобы собрать деньги на покупку земли. Но все-таки именно они предприняли попытку поселиться в

горной области Хоран, и они же заложили Гей-Они — будущую Рош-Пинну...

Первое село

Как уже говорилось, Петах-Тиква не была первым поселением, основанным евреями в новое время в Эрец-Исраэль: просто в те времена она первой выстояла и уцелела. Приоритет принадлежит селу Бен-бли-Шем¹⁸, основанному около 150 лет тому назад на горе Джермак в Галилее. Бен-бли-Шем просуществовал только три года, пока египетское владычество над Эрец-Исраэль не сменилось турецким.

Среди других ранних еврейских сел иногда называют Моцу под Иерусалимом. Верно, что первые два дунама земли были приобретены здесь иерусалимцем Иехошуа Елиным еще в 1860 году, но село Моца выросло лишь тридцать четыре года спустя.

Село на Джермаке основал житель города Цфата Исраэль Бек. Рабби Исраэль, родоначальник известной израильской фамилии Рокахов, был мастером на все руки: и отливщик типографских шрифтов, и печатник, а при надобности и часовщик. Он самостоятельно выучился еще и лекарскому делу, которым интересовался глубоко и серьезно. При полном отсутствии врачей во всем крае многие прибегали к его помощи. Когда в Акко, тогдашнем административном центре, слег египетский правитель Эрец-Исраэль Ибрахим-паша, к нему позвали Исраэля Бека. За одну неделю, проведенную в доме паши, Бек поставил сановного пациента на ноги. Благодарный паша наградил своего исцелителя половиной джермакских земель. Надеясь создать на горе убежище от арабского разбоя и грабежей, незадолго перед тем разоривших Цфат, Исраэль Бек поселил на

Джермаке нескольких жителей Цфата во главе со своим сыном Нисаном, которые начали обрабатывать землю.

Лишь один документ может рассказать нам о тех днях: путевой дневник Иехудит Монтефиоре, который она вела, сопровождая мужа во время его второго путешествия в Эрец-Исраэль в 1839 году. Прибывшие в Цфат из Бейрута высокие гости приняли приглашение посетить село на Джермаке, чтобы почтить своим присутствием семейное торжество Беков — обряд *брит милá* (обрезания)¹⁹ мальчика, родившегося у Нисана. Дневник содержит отзыв об этом посещении. "Высокие чувства этих благородных душ возместили отсутствие изысканных яств", — пишет Иехудит Монтефиоре о жителях села Бен-бли-Шем. Записала она также излияния счастливого деда Исраэля Бека: "Я насадил сады, засеял поля и в первом же году досыта вкусил от плодов земли".

Этой записи в дневнике предшествуют следующие восторженные строки: "По мере нашего подъема в гору в направлении села горизонт отодвигался, пока перед нами не развернулась добрая половина Эрец-Исраэль. У меня перехватило дыхание. Какой чарующий пасторальный вид! Захотелось остаться наедине с Моше, поделиться нахлынувшими чувствами. Глаза у меня увлажнились. Не успела я высушить невольные слезы, как заметила всадника, ехавшего нам навстречу. "Я Нисан Бек, сын Исраэля Бека, староста села", — отрекомендовался он. Плечи у Нисана, как у борца, длинная светлая борода окаймляет узкое лицо. Голубые глаза смотрят мягко, но изучающе. Мы поскакали за ним и въехали в сельцо из шести домов, с конюшнями и амбаром. Селение, хотя и крошечное, опрятно и ухожено, как в Англии. Навстречу нам вышел мужчина лет сорока пяти — пятидесяти: рослый, фигура кавалериста. За ним шли другие, человек десять, может быть и больше.

“*Брухим ха-баим!*” (“Добро пожаловать”) — на священном языке приветствовал нас шедший впереди. Я, разумеется, сознавала, что нахожусь на Святой земле; но здесь, в этом маленьком селении, я пережила еще и чувство исторической причастности к своему народу”.

Счастье Исраэля Бека было недолгим. Его египетский покровитель лишился власти, вернулись турки. Железная рука египетского правления сменилась смутами и опустошительным разгулом, и первое (в новое время) еврейское село в Эрец-Исраэль было разрушено друзьями из Пки’ина. Исраэль Бек и его сын Нисан бежали в Иерусалим.

Бен-бли-Шем — село на Джермаке — возникло за 40 лет до основания Петах-Тиквы, равно как и за 40 лет до основания другого еврейского села, тоже в верхней Галилее, тоже заложенного выходцами из Цфата. Это второе село оказалось столь же недолговечным, как Бен-бли-Шем, и также забыто потомками, несмотря на его оптимистическое название: Гей-Они — Долина Силы Моей...

Первая дипломатическая миссия

Моше Монтефиоре — *сар*²⁰, как уважительно величали его в еврейском народе, завоевавший высокое положение в Англии, отошел на пятом десятке лет от коммерческой деятельности, чтобы целиком посвятить себя служению соплеменникам, угнетаемым в разных концах планеты. Существует предположение, что его шурин, Натан Ротшильд, прошел в английский парламент и стал первым еврейским депутатом благодаря Монтефиоре, который отказался баллотироваться сам. Монтефиоре увлекла совершенно иная задача: никем не избранный и не уполномоченный, опираясь лишь на славу

своего имени, сар Моше откликнулся на каждый призыв евреев о помощи, откуда бы он ни исходил — из России во время погромов, из Турции, когда там усиливались гонения, или из Сирии во время резни в Дамаске. Всякий раз Монтефиоре велел закладывать карету и отправлялся за тридевять земель гасить пламя антисемитизма.

Свою первую поездку в Эрец-Исраэль Монтефиоре предпринял в 1827 году. До конца жизни он проделал еще шесть таких путешествий, последнее — в более чем преклонном возрасте, когда ему было за девяносто. Не существовало ни железных дорог, ни пароходов; для защиты от нападения разбойников сар Моше неизменно возил в карете свиток Торы. Второе путешествие Монтефиоре в Эрец-Исраэль состоялось в 1839 году. Пока он добирался из Лондона до Неаполя, разразилась греко-турецкая война. Плавание по Средиземному морю стало опасным из-за угрозы вооруженного выступления европейских стран, стремившихся предотвратить победу Турции. Из уважения к знатному путешественнику, который, погрузив на борт свою карету, отплыл на пассажирском паруснике в Александрию, английский губернатор Мальты снабдил корабль конвоем: отправил вместе с ним пушечный фрегат.

17 мая 1839 года, спустя шесть месяцев и семнадцать дней после выезда из Лондона, Монтефиоре остановился отдохнуть в тенистой долине в окрестностях Цфата. Как и двенадцать лет назад, во время первого приезда в Эрец-Исраэль, у него было множество идей и проектов, касавшихся закладывания основ промышленности, ремесел и земледелия на Святой земле. На шестой день пребывания в Цфате он выехал в село Бенбли-Шем и впервые в жизни увидел счастливых еврейских землепашцев. Впечатление было настолько сильным, что коренным образом изменило направление его мыслей и преопределило

соображения и поступки Моше Монтефиоре на пятьдесят лет вперед — вплоть до последней минуты его жизни, когда в возрасте ста двух лет он скончался со словами: "Что еще необходимо сделать?"

В Цфате, где евреи просили у него помощи в приобретении земли, Монтефиоре записывает: "Основать земледельческую компанию! Сим надеюсь поощрить тысячи наших братьев на переселение в Святую землю".

Монтефиоре принимает решение ехать в Александрию к Мухаммаду-Али (отчиму Ибрахима-паши, подарившему Исраэлю Беку земли села Бенбли-Шем) и просить правителя сдать ему в аренду большие площади под сто, нет, под двести сел. Монтефиоре готов платить десять, нет, даже двадцать процентов годовых — при условии, что евреи будут освобождены от подати на местах и получат право вывозить на зарубежные рынки плоды своего труда.

13 июля 1839 года Монтефиоре сошел на берег Александрии и в тот же день отправился во дворец. Из дворца он вышел, заручившись обещанием Мухаммада-Али выслать к нему в Лондон особую грамоту — разрешение на аренду. Монтефиоре добился своей цели. На радостях он снял с пальца драгоценный перстень с изображением королевы Виктории и преподнес его правителю Египта.

Моше Монтефиоре, да, вероятно, и Мухаммад-Али, пришедший к власти в результате поднятого им мятежа против турецкого султана, представить себе не могли, что не пройдет и года, как Турция снова будет править в Сирии и Эрец-Исраэль, а дипломатические переговоры приведут к практическим результатам только после Первой мировой войны — то есть почти через столетие.

Монтефиоре не удалось, таким образом, оставить после себя земледельческие предприятия в Эрец-Исраэль, подобные тем, которые были созда-

ны родственниками его шурина Ротшильдами из французской ветви этой фамилии. Однако бесспорно, что своей приверженностью идее поселения евреев на землях Эрец-Исраэль Монтефиоре опередил развитие событий на десятки лет. Когда он умер в июле 1885 года, в Галилее уже стояли Рош-Пинна и Йесуд-ха-Ма'ала; в окрестностях Яффы — Петах-Тиква, Ришон ле-Цион, Нес-Циона и Гедера. А на полпути между Галилеей и Шароном уже был основан Зихрон-Я'аков — промежуточный опорный пункт между северной и южной группой еврейских сельскохозяйственных поселений.

Первый еврейский земледелец

Восемьсот голов крупного рогатого скота, шестьсот коз, сто ослов для тягла, пять верблюдов для перевозки вьюков и три коня "для управляющих, разъездов и надзора" потребовались Мордехаю Соломону, первому крестьянину в истории национального возрождения, чтобы претворить в действительность свои мечты. Ко времени второго приезда Моше Монтефиоре в Эрец-Исраэль Мордехай Соломон жил и держал хозяйство в арабском селе, в районе нынешнего Реховота — одинокий феллах-еврей среди феллахов-арабов. Он получил известие от отца, что Иерусалим посетит "сар Моше", который намерен приобрести сельскохозяйственные угодья и ищет для этой цели евреев, сведущих в крестьянском деле. Нет сомнения, что столь важное и ответственное дело он поручит Мордехаю, более опытного человека ему не найти.

37-летний Мордехай немедленно взялся за дело. Навел справки в окрестностях Иерихона, но вдаваться в подробности не стал: тамошние арабы живут разбоем, их остерегаются даже солдаты Ибрахим-паши. Посмотрел земли на продажу в

окрестностях Газы и тоже забраковал: не из чего строить дома: ни камня, ни древесины. Даже хвороста не наберешь, чтобы разжечь огонь и приготовить пищу. Местные арабы жгут верблюжий помет. Поискал еще и нашел село на продажу близ Рамлы — “в семи часах пути от Святого города”, и об этой возможности известил Монтефиоре подробным письмом, в котором изложил свой план работ и усовершенствований. Этот первый поселенческий проект был весьма привлекательным: посадки фруктовых деревьев и маслин; огородничество и пасечное дело; устройство в долине искусственного водоема для разведения рыбы. Пахотной земли много, и даже скалы имеются — для добычи строительного камня. Продуманы были уже и названия: село предлагалось назвать “Кфар-Моше”, в честь Монтефиоре, а улицу или подворье, если будут строиться на иерусалимский манер, — именем его жены Иехудит. “Имена ваши, — писал Мордехай Соломон, — сохранятся как священная реликвия среди евреев, чей род останется здесь навсегда и вовеки не иссякнет”.

Письмо содержало предложения по организации жизненного уклада поселенцев. Управляющим, по мнению Соломона, надлежит прежде всего определить время работы в поле и время занятий Торой. Эти занятия должны быть совместными и проводиться каждый вечер. Что касается трудового распорядка, то из мужчин следует образовать четыре бригады: одна из них поочередно, по месяцу, несет караул, а три другие работают в поле. Доить коров и пасти скот остается на долю женщин. Соломон не упустил из виду и такие детали, как размер подати натурой иерусалимскому паше: пятая часть урожая зерновых. Кроме того, — считает он — необходимо добиться охранной грамоты турецкого султана, освобождающей людей Монтефиоре от воинской повинно-

сти. В противном случае, "когда настанет срок переписи годных к службе людей, поселенцы разбегутся и земля придет в запустение". Именно это и произошло в селе близ Рамлы, которое Мордехай Соломон советует Монтефиоре купить: жители разбежались и на село были объявлены торги.

Мнение Монтефиоре об этом предложении неизвестно. Письмо было переведено на английский язык, а это позволяет предположить, что оно было доведено до сведения гостя. Иехудит Монтефиоре рассказывает в своем дневнике, что в Иерусалиме они с мужем оказались изолированными от местного населения, "ибо в городе свирепствует холера, косит по четырнадцать-пятнадцать человек в день". "Прежде чем взять листы в руки, — пишет она о письмах и прошениях, поданных Монтефиоре, — мы кладем их на землю для проветривания". Иерусалимцы стекались к шатрам гостей и толпились за веревочной оградой, где их угощали за счет Монтефиоре вином и закусками. Иерусалимский паша послал гостям в подарок пять баранов, а вслед за подарком прибыл и сам для приличествующей высокому гостю беседы, во время которой, как водится на Востоке, не преминул похвалить себя — подчеркнуть собственные заслуги в деле поддержания общественного порядка: "Еще несколько лет назад вы не смогли бы расположиться на Масличной горе без охраны в полтысячи солдат, а сейчас и двух моих стражников достаточно".

Холерная эпидемия помешала встрече еврей-крестьянина из Эрец-Исраэль с евреем-аристократом из Англии. Двадцать шесть лет спустя холера унесла в могилу и самого Мордехая Соломона. Его дело продолжил сын, Йозель Моше Соломон, — в Петах-Тикве.

Консул Финн

Через шесть лет после того, как Мордехай Соломон составил первый проект еврейского поселения, в обессиленный холерной эпидемией Иерусалим прибыл консул Великобритании Джеймс Финн.

Сердце английского консула было исполнено чувством глубокого дружелюбия к евреям, а в голове кипели новые идеи. Он располагал немалыми деньгами на благотворительные цели, но не стал тратить их на мелкие подачки, как было принято, а употребил на покупку земельного участка с полноводными ручьями, что по дороге на Бет-Лехем, недалеко от Соломоновых прудов. Согласно преданию, в этих местах простирались некогда сады царя Соломона. Здесь консул и решил попытаться дать евреям работу, приучить к земледелию, избавить от необходимости и укоренившейся привычки есть даровой хлеб. Когда двадцать лет спустя консул уехал из страны, его имение разграбили арабы. Уцелел лишь один участок, где, как рассказывают, была предпринята первая попытка завести в Эрец-Исраэль пасеку европейского образца. Землю, в конце концов, предложили купить Шимону Берману, мечтателю и прожектеру из Тверии, который кочевал по всему миру, убеждая евреев заняться земледелием, пока не поселился на берегу озера Киннерет. Бермана не удовлетворила площадь участка, и покупка не состоялась.

Джеймс Финн прослужил в Иерусалиме до 1862 года. Летопись национального возрождения о нем не упоминает. Неблагодарные мы все-таки люди! Этот англичанин, владевший, кстати, ивритом, стоял на стороне евреев, против турецких притеснителей и арабских фанатиков. Пытаясь приучить кормившуюся милостыней общину к полезному труду, он дошел почти до банкротства. Когда его

отозвали в Англию — говорят, из-за слишком теплого отношения к евреям, — из Иерусалима к королеве Виктории потекли петиции с просьбой вернуть консула. Евреи потеряли друга и защитника.

Земельный участок, о котором говорилось выше, был приобретен Финном в 1852 году. Он находился недалеко от Старого города, а площадь его составляла около 40 дунамов²¹. Консул основал здесь "Рабочие плантации для евреев Иерусалима". "Как только удавалось раздобыть деньги для оплаты их труда, мы давали работу некоторому количеству бедняков", — вспоминал впоследствии Финн в своих мемуарах. Консул организовал сбор пожертвований. Поступили небольшие суммы из Англии и Индии, один-два взноса из Америки. Приготовили мотыги и плетеные корзины: можно было звать работников. Им предстояло очистить поля от камней, сложить из них ограду и посадить деревья на участке, который называли тогда Керем ал-Халил ("Виноградник друга"), поскольку он некогда принадлежал другу праотца Авраама. Позднее его стали называть Керем-Авраам. В первый рабочий день перед домом консула собралось около 70 евреев, через месяц работало уже 130; им пообещали по три с половиной пиастра на семью.

"Мы не были настолько наивны, чтобы полагать, что эти бледные, истощенные голодом и болезнями существа будут работать, как здоровые арабы-феллахи из окрестных сел, но мы надеялись обучить их полезным навыкам", — писал Джеймс Финн. Речь шла о бедноте, которая "от субботы до субботы" жила на хлебе, делившемся по пятницам синагогальными служками и собранном "у тех немногих, чье положение было лучше". "Голодная смерть была обыденным явлением", — замечает Финн.

В его мемуарах есть такой рассказ: "Однажды я

отправился верхом на плантации. Уже были посажены виноградная лоза и тут, для масличных деревьев было поздновато. Приказчик, еврей из Польши, сидел на солнце за столиком перед конторскими книгами, которые он вел на иврите. В поле и на дорогах мне повстречались и сами работники: оборвыши, в ужасных лохмотьях, но все в приподнятом настроении и распевают на иврите: "Мы работники в поле праотца нашего Авраама". Глаза у меня наполнились слезами. В происходящем я увидел, хотя еще и очень слабое, но предвестие тех славных времен, которые уготованы этому народу".

На закате мальчик, влезши на насыпь из камней, подавал знак кончать работу. "Довольно забавно, но и очень трогательно было смотреть, как старательно они облачаются в свои лохмотья". Однажды консул обнаружил, что люди у него работают на пустой желудок: "голодные — все". От постоянного недоедания иные настолько ослабели, что после работы валялись на землю и "добирались до дому почти ползком". Джеймс Финн приказал приказчику выдавать работникам хлеб и по два яйца, а также "следить, чтобы пищу съедали в его присутствии".

Как и следовало ожидать, вскоре консул натолкнулся на сопротивление со стороны врагов любых перемен в жизненном укладе членов еврейской иерусалимской общины. Началось с того, что к нему стали приходиться с уговорами бросить эту сельскохозяйственную затею, ибо "труд противоречит иудейскому закону и дело евреев — изучать Тору". Затем пустили слух, будто жена консула — скрытая миссионерка, так что все ее добрые дела — лишь средство для обращения евреев в другую веру. Чтобы не допустить выхода людей на работу, применяли силу, а однажды даже плети. "Кнут в роли духовного авторитета", — с горечью записал Джеймс Финн. Имелись, однако, и другие

примеры. Среди работников консула был не один *талмид-хахам*²², и они решили иначе: в пользу труда. Угрозы не заставили их отступить, и когда стало небезопасно идти на работу открыто, они начали пробираться на участок тайком, окольными тропинками.

В конечном счете предприятие консула Финна принесло существенную пользу: в Иерусалиме, с его многовековым застоем, все-таки повеял свежий ветер, зародилось движение за обновление жизни, крепнув по мере того, как увеличивалась нищета и росло стремление освободиться от "хлеба подаения".

Консул Финн заслуживает места в нашей истории еще и потому, что он способствовал возникновению первого еврейского поселения в Иерусалимских горах. Среди еврейских друзей консула был Давид Елин, дед учителя Давида Елина²³, председателя еврейского Национального комитета²⁴ во времена британского мандата. Елин захотел купить землю для своего сына Иехошуа. Финн, обманув турецкие власти, оформил сделку на имя вымышленного иностранца. Таким образом были приобретены первые два дунама земель будущей Моцы недалеко от горного арабского села Колония. Эти земли Тит Флавий некогда подарил солдатам 10-го легиона. Отсюда их название.

"Место замечательно своим чистым воздухом и родниками с вкусной водой без минеральных примесей, — вспоминал Иехошуа Елин в старости. — Нет краше его во всей Иерусалимской округе, отчего сюда и ездят на все лето богатые измаильтяне отдыхать в шатрах от жары". Турки были взбешены появлением в этих местах хозяина-еврея. Взбешен был и крупнейший из местных шейхов. Но ничего поделать они не могли: евреи пользовались покровительством английского консула. В течение трех лет, пока Финн не покинул

страну, было тихо. Как только он уехал, на хутор был устроен набег. Камня на камне не оставили от него арабы. Только один человек не бежал с пепелища: брат жены Иехошуа Елина Шаул Хабагдади. Человек крутого нрава и выдающегося мужества, Хабагдади прожил здесь, несмотря на постоянную опасность, угрожавшую его жизни, до своего последнего дня. Его упорство было не напрасным: в начале двадцатого века на этой земле было основано еврейское поселение Моца.

Еврейям едва не досталось и место, где ныне расположено так называемое "Русское подворье" — Миграш ха-руси — в Иерусалиме. Продавец-араб и покупатель-еврей уже готовы были ударить по рукам, как вдруг возник спор о ширине въездной дороги на участок, полагавшейся покупателю бесплатно. Еврей потребовал расширить дорогу так, чтобы на ней могли разойтись два верблюда, груженные вьюками. Араб же соглашался на дорогу только для одного вьючного верблюда. Цена за участок была сто наполеондоров — пустяковая даже по временам середины прошлого века. Сделка тем не менее расстроилась. Не прошло и трех месяцев, как участок купили русские.

Героем этой так неудачно закончившейся истории был также Джеймс Финн: он давно убеждал Елина выйти на простор, поселиться вне стен Старого города с его наглухо запертыми по ночам воротами. Тот уперся на своем условии относительно ширины въезда на присмотренный участок и так — из-за "трех локтей"²⁵ — не только упустил его сам, но и лишил будущие поколения права владения одной из центральных площадей сегодняшнего Иерусалима.

Увлеченность Джеймса Финна еврейскими делами не кончилась для него добром. Погрузившись с головой в свое начинание, он продолжал давать евреям работу: чтобы пахали, боронили и сажали

деревья, складывали ограды и переделывали их по-новому — лишь бы найти занятие праздным рукам, а когда запаздывали пожертвования и нечем было платить, брал деньги займы на свое имя — пока вконец не запутался и не был отозван, после чего, как уже говорилось, арабы разрушили его хозяйство до основания.

Карл Неттер у иерусалимцев

Число евреев, живших на Святой земле сто лет назад, было ничтожно малым — тысяч десять. Более половины из них проживали в четырех городах: Иерусалиме, Хевроне, Цфате и Тверии. К ним-то и приехал французский еврей по имени Карл (Шарль) Неттер, молодой коммерсант, вступивший в переговоры с османскими властями о сдаче ему в аренду на 99-летний срок земельного участка близ Яффы. В Эрец-Исраэль его командировала организация Альянс²⁶. В Иерусалиме Карл Неттер пригласил евреев собраться на площади в еврейском квартале у домов общественного призрения: была у него идея, возможность осуществления которой Неттер хотел проверить путем прямого разговора с иерусалимцами.

Вот что писал будущий основатель *Микве-Исраэль* в отчете, отосланном в Париж центральному комитету Альянса:

”Счастлив отметить, что за все время моего пребывания в Иерусалиме я не встретил трудоспособного еврея, который попросил бы подать ему на жизнь. Зато просьбами дать работу меня осаждали толпы. Просителей было столько, что мне пришлось публично разъяснить цели своего приезда”.

”Когда я поднялся на крышу, у меня сжалось сердце при виде такого количества несчастных...” Стоит заметить, что, хотя точно восстановить картину столетней давности сегодня невозможно,

этот эпитет — "несчастные" — встречается во множестве писем из страны в течение долгих лет и в описаниях периода первых поселений — тоже. "Я задал собравшимся вопрос, — продолжает Неттер, — Альянс хочет знать: в самом ли деле среди вас есть люди, готовые переменить свое иждивенческое существование на трудовую жизнь? Я напишу отчет, а "Коль Исраэль хаверим" сделает все необходимое... Основательное предприятие не строится в один день: мужество и терпение, братья! Еще немного, и для вас наступит новая эпоха".

Стояло лето 1868 года. В стенах Иерусалима уже раздавались новые голоса. Людям становилось невтерпеж сидеть сложа руки и проводить ночи за запертыми на засов городскими воротами. Карл Неттер так описывает реакцию на свою речь:

"Сказанное мною вызвало взрыв радости. Когда я спустился с крыши, меня окружили со всех сторон. Старики и юноши не скрывали слез и старались поцеловать мне руку. Они восклицали: "Да услышит Бог твои слова!"

Указав, что из 2500 мужчин города работой или торговлей занято менее 400 человек, Карл Неттер предложил Альянсу создать в Эрец-Исраэль "заведение нового типа для обучения земледелию молодого поколения евреев". "Объявите во всеулышание, что еврей способен к земледельческому труду," — писал Карл Неттер и продолжал, словно охваченный пророческим духом: "Приняв мое предложение, вы, тем самым, приготовите убежище для еврейских масс, которым придется бежать от злобы других народов". В 1870 году был получен *фирман* — разрешение султана — на создание "земледельческой школы" около Яффы и Неттер отправился руководить строительством. Для него выкопали землянку, в которой он жил, пока не сколотили первый барак. Охваченный энтузиазмом, Неттер дал близлежащим холмам имена праотцев Авраама, Ицхака, Якова и

праматери Сарры, а долинам — имена Шмуэля, Ривки и Рахели. Но когда пришло время торжественного открытия главного корпуса, оказалось, что придумать название для самого училища Неттер забыл. Он обратился за советом к одному иерусалимскому портному — знатоку Священного писания. Была суббота. Полдень. Портной посмотрел в *парашат ха-шавуа*²⁷, затем раскрыл Книгу пророка Ирмияху на семнадцатой главе, которую тоже полагалось читать в ту субботу, и указал на стих тринадцатый: "Ты, Господи, надежда Израиля, — *микве Исраэль*". Новое училище, — пояснил портной свою мысль, — в определенном смысле, тоже связано с надеждами народа. Неттер согласился с ним и велел выбить на камне надпись: "Микве-Исраэль". А газета "Ха-леванон" (печатавшаяся в Париже, после того как в Иерусалиме ее редакция была закрыта по приказу османских властей) с гордостью сообщила: "Название "Микве-Исраэль" сметал портной, и отныне всякий, кто вступит в зал перед входом в классы, увидит слова, взывающие со стены: "Ты, Господи, надежда Израиля, все оставляющие Тебя посрамятся".

Первым питомцем школы стал двенадцатилетний сирота, попавшийся на глаза Неттеру во время его прогулок по Иерусалиму. Спросив мальчика: "Что бы ты хотел делать?" и услышав в ответ: "Выращивать арбузы", — Неттер взял сироту с собой. Впоследствии этот мальчик, Бехор Алхадэф, закончил училище, поехал во Францию совершенствоваться в садоводческом искусстве, вернулся в Эрец-Исраэль, разбил в Яффе замечательный парк по заказу русского дворянина Платона Устинова (деда известного киноактера Питера Устинова), обучал цветоводству поселенцев Петах-Тиквы и Ришон ле-Циона, затем поселился в Галилее, где пытался выращивать растения для изготовления пряностей на полях Йесуд ха-Ма'алы, и там же закончил свои дни.

Злой дух необжитых пространств

Первый еврейский квартал вне стен старого Иерусалима назывался *Нахалат-Шив'а* — поселение семерых. Участок был куплен у арабских феллахов Йозлем Моше Соломоном, по общепринятой тогда цене — полгроша за аршин. "Феллахам не снилось такое счастье", — вспоминал он в своих мемуарах. Покупка, однако, натолкнулась на одну большую трудность: возникли опасения, что в случае гласной сделки и записи участка на еврейское имя домовладельцы-арабы увидят в домовладельцах-евреях конкурентов и, стараясь этого не допустить и отпугнуть потенциальных хозяев, начнут всячески притеснять своих еврейских жильцов. Пришлось пуститься на хитрость. Еврейка Эстер Горовиц, свободно говорившая по-арабски, переделалась в арабское платье, в таком виде явилась к мусульманскому судье и получила разрешение оформить покупку на свое имя.

Так, благодаря женщине, была пробита первая брешь в стене: евреям удалось приобрести участок за пределами Старого города. Произошло это в 1866 году.

В самой иерусалимской общине это предприятие было воспринято как неслыханная дерзость. Разразилась целая буря. Соломон так и пишет: "буря". "Нас сочли за помешанных, которые сами лезут в петлю. Раввины тоже были против нас, на том основании, что нельзя подвергать жизнь опасности и не следует уповать на чудо". Привыкли иерусалимские евреи жить под охраной крепостных стен, замков и засовов.

Прошло еще три года, и, наконец, жеребьевкой определили, кому достанутся первые два дома в *Нахалат-Шив'а*. Один из двоих, вытянувших жребий, был рабби Йосеф Ривлин. Он решил переселиться немедленно, вопреки невероятному страху его земляков перед разбойниками в окрест-

ностях Иерусалима. Рассказывают, что родные Ривлина, пытаясь излечить его от "мании пустынь" и изгнать из него злого духа, прибегли к заговорам и ворожбе. По другим рассказам, рабби Йосеф, который как раз в это время собирался жениться, счел невозможным поступить против завета о честности в отношениях между супругами -- "да не скроют он от нее и она от него", — и чистосердечно признался в своем намерении переселиться на вольный простор, вне стен Иерусалима. Опасаясь за дочь, ее родители пытались расстроить, что молву, но невеста выказала характер под стать жениху и последовала за ним.

В доме, состоявшем из двух комнат "со всеми службами", Ривлин поселился вначале один — молодая жена переехала к нему позже. Каждое утро друзья ждали его у городских ворот, чтобы собственными глазами увериться в том, что он жив и здоров. Ривлин, служивший в Иерусалиме писарем, по-нынешнему управляющим делами своего землячества, однажды нашел на своей конторке записку приятеля: "Безумец! Убьют тебя!..". В другой раз в Нахалат-Шив'а явился из Иерусалима знакомый — проведать рабби Йосефа. Ривлин нарочно задержал его у себя до того часа, когда в Иерусалиме запирали ворота. Гость провел ночь, спрятавшись под кроватью хозяина, утром произнес благодарственную молитву за спасение жизни и никогда не простил рабби Йосефу его проделки. Было это в 1869 году.

Моше Монтефиоре, покровитель иерусалимской общины, тоже прилагал усилия к тому, чтобы вывести евреев на простор из мрака заплесневелых переулков. В 1857 году он построил на пожертвование богатого американского еврея Иехуды Тура подворье за стенами Иерусалима, названное по имени жертвователя, а затем и текстильную фабрику. Но дело не пошло. Тогда Монтефиоре попробовал использовать фабричные постройки

под больницу — все напрасно: евреи страшились выйти из стен города и "остаться в таком глухом, пустынном месте, как Масличная гора". О каком излечении там может идти речь? Йосефа Ривлина как писаря землячества заставили нанять для проживания на подворье Иехуды Тура иерусалимских нищих. Последние, однако, проводили там лишь дневное время, а с наступлением сумерек прокрадывались назад в город. Подворье, жилое-нежилое, стояло как обитель призраков. Держалась одна Нахалат-Шив'а.

Но в запуганном Иерусалиме усиливалось брожение. Через три года после основания Нахалат-Шив'а Йозель Моше Соломон поехал искать новые земли. Он сделал это по поручению группы из пятидесяти иерусалимских евреев. Они мечтали о развитии земледелия в стране, где, говоря их словами, "премного угодьев, а жители ленивы; день придет и мы добьемся земель, лежащих втуне". Свою группу они назвали "Товарищество по заселению Эрец-Исраэль". По улицам Иерусалима расхаживал Йосеф Ривлин и убеждал евреев селиться за стенами города. Йозель Моше Соломон вспоминает: "Даже наши противники мало-помалу начали оказывать нам помощь в строительстве новых кварталов. После того, как сто молодых евреев в два дня раскупили паи на строительство квартала Меа-Шеарим, стали застраиваться все новые и новые участки. Как я и говорил, любое дело на благо ишува влечет за собой другое и покрупней первого. Дело строительства этих новых иерусалимских кварталов — вот что позднее повлекло за собой закладку поселения Петах-Тиква".

Несбывшиеся начинания

Небольшая улица в Тель-Авиве названа именем

рабби Исраэля Бека из Цфата. Эта честь оказана ему как первому печатнику в Эрец-Исраэль. О том же, что в 1837 году — за 40 лет до закладки Петах-Тиквы — Исраэль Бек основал первое еврейское село, никто не вспомнил. Забыты и два других имени, связанные с началом освоения земель: рабби Шимона Бермана, основателя первого в Эрец-Исраэль поселенческого союза, и рабби Шмуэля Шульмана, добившегося, казалось, невозможного — султанского фирмана, разрешающего евреям селиться на государственных землях. Берман умер в Твери в 1884 году нищим, одиноким стариком. Единственным утешением ему могло служить лишь то, что к этому времени в стране было с полдюжины еврейских сельскохозяйственных поселений. Шмуэль Шульман, добившийся вышеупомянутого фирмана на земли в окрестностях Иерихона, в 1885 году, то есть уже в "эпоху барона" (так в стране называли годы, когда основывались сельскохозяйственные предприятия барона Ротшильда), не нашел желающих реализовать это разрешение султана. Шульман вернулся к себе в Цфат ни с чем. Он умер в 1900 году. Никто не помнит о нем.

Шимон Берман прибыл в Эрец-Исраэль в 1870 году. На корабле он встретил попутчиков — семнадцать немцев, принадлежавших к католическому духовно-рыцарскому ордену тамплиеров, или храмовников. Это свое название орден получил потому, что в раннюю пору своего существования, во времена крестоносцев, находился рядом с местом, где некогда стоял иерусалимский Храм. Немцы направлялись на жительство в села под Яффой и Хайфой, построенные членами их ордена два года назад на землях бывшей американской колонии. Берману они объяснили, что переселяются в Святую землю, чтобы своими

глазами увидеть приход Мессии, ибо каждый, кто этого удостоится, — спасется. "Смотри, — гои животы свои готовы положить, а евреи в Сион не стремятся!" — с горечью записывает Берман в дорожную тетрадь. Берман обращается в Микве-Израэль к Карлу Неттеру с просьбой выделить тысячу дунамов для поселения двадцати семей, но безуспешно. Он ищет землю в окрестностях Иерусалима. Там ему предлагают купить небольшое и бедное хозяйство, оставшееся от имения консула Финна, но для села этой площади недостаточно. Возвратившись в Яффу, Берман отправляется оттуда в Хайфу морем — самым надежным в те времена путем, а из Хайфы верхом добирается до Тверии. И здесь, к своей радости, обнаруживает, что в городе уже наслышаны о нем, благодаря пришедшему из Европы номеру газеты "Ха-маггид" ("Проповедник"), в которой раввин Цви Калишер²⁸ напечатал письмо Бермана из Иерусалима, где последний описывал перипетии своей поездки. Приезд Бермана вызвал большое оживление в городе, и вскоре в поселенческий союз — "Товарищество по заселению Святой земли", идею создания которого он давно вынашивал, записалось полтораста человек.

В двух часах ходьбы от Тверии нашлось и место для поселения. "Почвы благодатные и ландшафт чарующий, — писал Берман, — две тысячи семей могут зажить здесь счастливой жизнью". То были земли Маджала, нынешнего Мигдала. Однако союз просуществовал недолго. Помощь из диаспоры, на которую рассчитывали, не пришла. "Нет больше у евреев чувства национальной солидарности", — сокрушался Шимон Берман.

Рабби Шмуэль Шульман пошел дальше Бермана. Его идея была не только новой, но и неслыханно смелой: можно обойтись и без капитала на покупку земли, — если добиться фирмана, который разрешил бы евреям селиться на султан-

ских землях. Шульман тоже основал союз, привлек в него около трехсот человек, преимущественно сефардов и выходцев из стран Западной Европы, и, заручившись их подписями, отправился в Стамбул. Три года он безуспешно обивал пороги султанского двора и уговаривал старейшин еврейской общины Стамбула посодействовать ему. Помог случай. Шульман имел художнические наклонности и любительски занимался графикой, делая свои работы не тушью или карандашом, а с помощью литер разных типографских шрифтов. Решив использовать свой приезд в Стамбул, чтобы снять здесь оттиски с листов и попытаться их распространить, он обратился за разрешением к министру образования. Османский визирь был настолько поражен невиданной техникой работ Шульмана, что понес показать листы самому султану. Султан повелел пригласить художника на аудиенцию и, будучи в милостивом расположении духа, удовлетворил просьбу гостя: разрешил поселить евреев, пятьсот семей, на государственных землях в Иорданской долине. У Шульмана закружилась голова. Дар был и в самом деле щедрый. Но вскоре шило вылезло из мешка: власти поставили жесткое условие -- поселенцы должны перейти в подданство Османской империи. Земли султана не могут быть отданы в руки иностранцев. Это условие разом уничтожало весь успех, которого удалось добиться рабби Шмуэлю Шульману. "Фирман" остался без применения.

Подготовить евреям дорогу

Процесс еврейского национального возрождения знает немало случаев помощи и содействия со стороны доброжелателей-иноверцев. Наша история благодарно отметила сэра Лоуренса Олифанта: этот английский аристократ, проживавший в

Хайфе, считал помощь евреям, возвращавшимся в Эрец-Исраэль, священной миссией и ходатайствовал в этом духе перед султаном. В самом еврейском народе призыв сэра Лоуренса вернуться на землю предков вызвал мощный отклик. Переоценив возможности Олифанта, на него возложили очень большие надежды. Многочисленные еврейские общества в царской России послали в Эрец-Исраэль своих людей, которые, словно библейские лазутчики в современную эпоху, принялись обследовать страну на предмет переселения. Небезынтересно отметить, что автор "Ха-Тиквы"²⁹ Нафтали Имбер был секретарем Олифанта.

Сэр Лоуренс Олифант — не единственный христианин, поддержавший борьбу евреев за возрождение страны. Были и такие, что не только оказывали помощь со стороны, но и принимали в этой борьбе личное участие.

1853 год

Одним из первых, кто пришел к выводу, что путь освобождения евреев проходит через возвращение их к занятию земледелием в Эрец-Исраэль, был Михаэль Боаз Исраэль, он же Уорд Крейсон, квакер и преуспевающий фермер из окрестностей Филадельфии. Тайно приняв иудаизм, он оставил в Америке жену и шестерых детей и приехал в Святую землю с назначением на пост первого американского консула в Иерусалиме. Чтобы показать евреям пример, он сам поставил в Эмек-Рефаим ферму. Михаэль Боаз Исраэль проповедовал идею завоевания Эрец-Исраэль силами еврейских войск при поддержке христиан. В письме в газету "Оксидент" этот неофит, *гер цёдек*³⁰, выразил мысль, актуальную по сей день: "Главный вопрос, который стоит перед еврейским народом, сводится к одному: создать ли в стране промыш-

ленность и сельское хозяйство — или из года в год тратить огромные деньги на содержание целой армии иждивенцев”.

Квакеры преследовали Уорда Крейсона из-за океана. Когда же его жена узнала о том, что он перешел в еврейство, она возбудила дело о разводе и, предъявив суду доверенность на ведение дел, которую муж оставил ей, уезжая за океан, добилась перевода всего их совместного имущества на свое имя. Заокеанские происки лишили Крейсона и его дипломатической должности. Михаэль Боаз Исраэль женился на иерусалимской еврейке, сменил европейское платье на плащ сефардского раввина, подружился с другим сторонником евреев — английским консулом Джеймсом Финном и, подобно ему, убеждал евреев заняться земледелием. Последние оставались глухи к его речам. Так, испив до дна чашу разочарований, Михаэль Боаз Исраэль скончался после четырех лет жизни на Святой земле. Иерусалимцы похоронили его с почетом на Масличной горе, а затем имя Михаэля Боаза Исраэля кануло в небытие на сто с лишним лет, пока на его историю не наткнулся исследователь, просматривавший старые американские газеты.

1852 год

В те годы существовало в Америке христианское эсхатологическое общество, которое поставило себе целью “подготовить евреям путь к возвращению, привлечь их сердца к крестьянской жизни на земле своих предков и показать им в этом пример”. Его участники исходили из убеждения, что “близятся сроки, когда осуществится предсказанное пророком Даниилом”³¹. Общество было основано в Филадельфии и просуществовало около десяти лет. Его члены действительно уехали в Эрец-

Израэль. В американских газетах было напечатано такое их сообщение: "Вот уже два года, как мы создаем для множества еврейских семей возможность полезного труда, избегая при этом всяких миссионерских попыток обратить их в христианство".

Душой этой группы христиан была жена филладельфийского торговца Каролинда Майнер, происходившая из семьи сектантов-субботников³². Майнер лично возглавила переселение своих единомышленников в Святую землю. Здесь же она и умерла, не старой еще, 46-летней женщиной. Эпитафия (по-английски) на уничтоженном впоследствии могильном памятнике гласила: "Апостол развития среди евреев промышленности и труда. Свершила все, что могла".

Село, где покоится прах Каролинды Майнер, находилось неподалеку от Яффы — в том месте, где сейчас ремесленное училище "Шевах": при въезде в Яд-Элияху и квартал Шхунат-ха-Тиква. Своему селу американцы дали прекрасное название — Маунт Хоуп (Гора Надежды). Из-за страшной нужды село просуществовало только шесть лет. С Каролиндой Майнер свел доброе знакомство один из видных евреев Яффы раввин Иехуда Халеви. Вместе с ней он строил планы поставить в Маунт-Хоуп дома и для евреев. На помощь Майнер пришел также Моше Монтефиоре. Монтефиоре и его жену Иехудит привез в Маунт Хоуп, по-видимому, тот же раввин Иехуда Халеви, у которого была встреча со знатными гостями из Англии по поводу продажи принадлежавшей Халеви апельсиновой плантации. (За купленной Монтефиоре плантацией закрепилось его имя, которое много лет спустя перешло к кварталу, построенному на ее месте — "шхунат Монтефиоре".)

Едва сводя концы с концами, американцы, тем не менее, старались дать евреям хоть какую-

нибудь работу, делились с ними своим скудным хлебом, пока в один из январских дней 1858 года Маунт Хоуп не подвергся нападению бедуинов. Набег сопровождался грабежом, убийствами и насилием. Измученные люди бежали из своего разрушенного села. Сенат США ограничился тем, что выразил возмущение по поводу происшедшего. И только американский раввин Лиссер поместил в своей газете надгробное слово в память "слабой, одинокой женщины", выразив при этом надежду — увы, не сбывшуюся, — на то, что "если страна будет снова заселена, то в ней будет достойно увековечено имя миссис Майнер".

1867 год

Со времени разрушения Маунт Хоуп прошло девять лет. И вот уже другие американцы, поселившиеся на Святой земле, пишут евреям Поневежа в ответ на их вопросы: "Усердно трудясь в поте лица своего, мы питаемся в нашей колонии плодами этой земли, пшеницей и овощами, и тем довольствуемся. В нашей колонии представлены разные веры и языки, однако наша любовь к евреям сильнее любви к представителям других религий. Евреи, которые приедут сюда, найдут много земли, пригодной для возделывания".

Эти американцы, в количестве 135 человек, принадлежали к "Церкви Спасителя" — маленькой секте из Новой Англии, руководимой Джорджем Джоном Адамсом, бывшим актером, про которого ходили слухи, что в нем течет еврейская кровь. Адамс стал проповедником и привел свою паству в Святую землю, ожидая скорого возвращения в нее евреев со всех концов света и пришествия Иисуса Христа. Сектанты, в своем большинстве ремесленники, купили в Яффе участок у моря. Около тридцати человек умерли, не вынеся тяжелого

климата. Другие вернулись на родину без гроша в кармане, но часть из них осталась. Согласно письму, напечатанному в газете "Ха-маггид" за подписью Хаима Гамбургера, который не скрывает своего намерения "не подрывать дух желающих поселиться в Святой земле", — поселок американцев "радует глаз, они посеяли и преуспели и долей своей весьма довольны". Однако колония долго не простояла. Американцы не выдержали. Их земля перешла в собственность тамплиеров, и немцы, в отличие от американцев, преуспели на самом деле. Германская колония была известна, между прочим, своими отличными постоянными дворами. Один из них имел вывеску "Гостиница двенадцати колен", и каждая из его комнат была снабжена табличкой с именем одного из двенадцати колен Израилевых. Подобно своим предшественникам, американцам, первое поколение немецких переселенцев верило в скорое возвращение евреев в Сион.

К 1882 году, когда будущий основатель Ришон ле-Циона Залман Давид Левонтин поехал к главе общины тамплиеров профессору Гофману за советом, немцы успели основать четыре колонии и, по впечатлению Левонтина, все четыре обещали "преуспевать и процветать". Профессор заверил гостя, что члены его ордена "веруют в истинность прорицания пророков о том, что евреи возвратятся в свои пределы". Колонию в Шароне, сказал Гофман, тамплиеры и основали в доказательство правоты пророка Исайи, по слову которого "и будет Шарон пастбищем для овец". "Гофман посоветовал мне, — записывает Левонтин, — начать со строительства синагоги или школы, ибо мы народ, который дал миру Библию".

На землях немцев, не устоявших перед болотной лихорадкой, со временем будет основан Нахалал, а в Шароне вырастут кварталы еврейских государственных учреждений. В годы Второй мировой войны англичане выслали из

подмандатной Палестины третье поколение последователей Гофмана: тамплиеры с необыкновенной легкостью скатились к нацизму. На воротах шаронской колонии, как рассказывает учительница Иехудит Харарит, они повесили табличку: "Евреям и собакам вход воспрещен".

”ПОЙДЕМ ВПЕРЕДИ НАРОДА...”

**”Первопоселенцы   вряд ли есть звание
почетней”.**

Третий президент Израиля Ш.З.Шазар.

Семнадцать безвестных из Гей-Они

Пока люди из окружения рабби Меира, главы иерусалимских раввинов, пять лет кряду выбирали место, чтобы осуществить, наконец, свою мечту и основать еврейское село, их опередили семнадцать жителей Цфата. На сколько лет раньше, в точности неизвестно: по некоторым предположениям, выходцы из Цфата основали на землях Джеуни второе еврейское село в истории национального возрождения за шесть лет до закладки Петах-Тиквы. Имя, которым они нарекли свое детище, — Гей-Они, — было созвучно арабскому названию места: Джеуни. В то же время оно выражало дерзание и гордость. На иврите это означало, как уже было сказано ранее, "Долина силы моей".

Село Гей-Они возникло раньше времени. Никто не поддержал тридцать семей, общим числом четыреста душ, порешивших уйти из города и осесть на земле. Их нещадно преследовали люди, которые распоряжались финансами старого ишува и ведали распределением денег, поступавших из диаспоры. "Того, что они нам чинили, не творила даже инквизиция в Испании", — с горечью писали поселенцы в иерусалимской газете "Ха-хавацелет". Из горного Цфата спустилось в Гей-Они семнадцать семей из тридцати — сто пятьдесят один человек. "Свои дома в городе мы оставили, продали с себя последнюю рубашку. Сейчас живем так: на двадцать душ со всем скарбом 16 квадратных аршин". Глинобитные арабские хижины, которые они нашли на месте, окон не имели,

вместо двери — дыра в стене, в щелях гнездились змеи и скорпионы. Зимой хижины заливало. "На ночь ложимся друг на друга, — горько жаловались они в газете, — бросаем жребий, кому лечь вниз и час провести на полу в воде, а кому лечь сверху. Наутро просыпаемся чуть свет, окоченевшие, как трупы, мы сами и детишки наши, а согреться нечем. Голод всю душу иссушил. Разбредаемся по горам собирать лошадиный и коровий помет, а голод грызет... Малые просят кусок черствого хлеба..."

Однако семнадцать безвестных мысленным взором видели перед собой "плодородную, тучную землю". В июне 1875 года — еще до того как были куплены земли Петах-Тиквы, — они обратились через газету "Ха-цфира" с патетическим призывом ко всем, "у кого щедрое сердце". В этом письме, исполненном горячей веры в судьбоносное значение своего предприятия, они просят помочь им ссудой в две тысячи франков на семью — чтобы построить дом, купить плуг и обзавестись парной упряжкой быков. Ссуду они обещают вернуть в течение пяти лет, выплачивая ее натурой — по одной пятой части долга ежегодно. "Не просим мы ни милостыни, ни подарков". Уже несколько лет стараются они удержать "отменную землю", которую купили, — и вот, "дни утекли, годы прошли, и никто не помог. Пропадают наши души от тягот и голода ужасного".

Они все еще не хотят отступить. "Все усилия лечить наш народный недуг напрасны, коли мы сами не пробудимся и не прилипем к оплоту труда", — пишут они давно забытым теперь архаичным слогом. Вместо того чтобы сказать о национальной задаче и других высоких вещах, как мы сделали бы сейчас, они выражаются по-своему: "Мы не щадим живота своего, чтобы идти халуцами впереди народа нашего". Они не предвидели в ту пору столкновения двух народов,

населяющих Эрец-Исраэль, и объясняли в газете, что купили лишь половину земель Джеуни не только по недостатку средств: "Поразмыслив, какой путь нам избрать, мы порешили: нехорошо жить в одиночестве, где вокруг жуть и страх". И так, в надежде на добрососедские отношения с арабской деревней Джеуни, что на вершине горы, они предпочли поселиться на склоне рядом с ней.

Только один человек пришел им на помощь: внук Исраэля Бека Элазар Роках. Молодой бунтарь восстановил свой город Цфат против руководства старого ишува. В возрасте восемнадцати лет, будучи уже пять лет женатым человеком, Роках выступил против главы еврейского суда и даже обозвал последнего "змеей". За такую дерзость его пытались убить. Роках был вынужден бежать в Бейрут. Все его усилия поддержать Гей-Они оказались напрасными. Помощь так и не пришла. Село развалилось, его жители рассеялись. Как пришли безвестными, так и ушли. Их земли были проданы переселенческому обществу Давида Шуба из Румынии. При виде краха, представившегося его глазам в Гей-Они, и в надежде на лучшее будущее для этого места, Шуб произнес стих из псалма Давида: "Камень, который отвергли строители, стал главою угла". И переименовал село в Рош-Пинну — "краеугольный камень". Гей-Они оказалось вычеркнутым из истории Эрец-Исраэль. Честь зваться "первыми" перешла из Галилеи в Шарон — к Петах-Тикве.

Поиск начинался... с Иерихона

Название "Петах-Тиква"³³ пять лет кочевало по стране, перед тем как укорениться навсегда на болотах приморской низменности. Группа иерусалимцев, мечтавших основать поселение с таким названием, начала в 1872 году с земель на берегу

Иордана. Речь шла об участке, назначенном османскими властями к продаже с публичных торгов за отказ пользовавшихся землей феллахов платить подати. Кроме группы евреев, участком заинтересовались иерусалимский богач Хуссейни и патриарх армянской церкви из Египта, который подыскивал земли для своей общины. Обоих убедили в торгах не участвовать. Хуссейни пошел на это после того, как евреи пообещали ему уступить десятую часть заинтересовавшего его земельного участка бесплатно. Армянский патриарх отказался от участия в торгах потому, что идея возвращения евреев к крестьянскому труду воодушевила его самого. Однако теперь, когда иерусалимцы избавились от соперников, они поспорили между собой. Спор был о том, в каком качестве выступить на торгах — как подданные Османской империи или как иностранные граждане. Остановились на втором варианте, и это было роковой ошибкой. Вопрос — разрешить или запретить покупку — решался в Стамбуле пашами-взяточниками. Со своих подданных всегда можно было получить мзду, в то время как на иностранцах, находившихся под покровительством собственных консулов, нажиться было нельзя. Стамбул ответил отказом. Султан, "охраняя земли отечества от передачи в чужие руки, соизволил добавить 500 турецких фунтов и приобрести их в свою личную собственность".

Потерпев неудачу, иерусалимцы повели переговоры о покупке земли под Хевроном. И почти уже пришли к соглашению, как вдруг сделка расстроилась. "Не состоялась она, — прокомментировал позднее Йозель Моше Соломон, — по причинам, изложить которые перед публикой мы не можем и не желаем": по-видимому, из-за вмешательства со стороны своих же соплеменников.

Когда не удалось приобрести участок возле Хеврона, иерусалимцы повернули в сторону Рамлы

и попытались приобрести земли Дорана. Но и тут группу преследовало невезенье. На сей раз вмешалась семья Рокков, яффских богачей, ведшая свое происхождение от крестоносцев. Земля ускользнула от иерусалимцев и на сей раз. Впоследствии на ней встал город Реховот.

Только через пять лет упорных поисков удалось найти место, которому можно было дать название: Петах-Тиква. Название, придуманное для земель в Иорданской долине, укоренилось в мрачной низменности на заболоченных берегах Яркона.

Заговоренные земли Мелабеса

Долина была словно предана проклятью. За селом Ум-ал-Абес, которое евреи называли Мелабес, по старым реестрам землепользования числилось около 100 тысяч дунамов, но так было в незапамятные времена. Может быть, еще тогда, когда появился на берегах Яркона Хамед из Наблуса (арабское название Шхема). Перебив часть местных жителей, а другую согнав с места, Хамед посадил на их земли свой обширный клан вместе с рабами и стадами. Но и это было полтора столетия назад. Лихорадка, болотная и тропическая, вскоре привела к тому, что могил в деревне Ум-ал-Абес стало больше, чем шатров. Под конец она прикончила и самого Хамеда.

Земли на окраинах владения прирезывали себе кусок за куском соседние деревни. А когда род Хамеда окончательно захирел, налетел на него с гор клан Хермо, порубил всех и пронес на штыке по окрестностям тряпку, смоченную в крови последней жертвы.

Болота опустели снова. Все более сокращаясь, по мере того как соседи отхватывали от них новые и новые куски, земли лежали втуне, пока их не занял Хамед-египтянин, ратник Ибрахима-паши,

завоевателя края. С помощью сорока работников он какое-то время удерживал в своих руках 15 тысяч дунамов, не более, но лихорадка начала расправляться с его батраками, а потом накинута и на него. К тому же Хамед-египтянин понял, что ему не устоять против натиска соседних деревень. И тогда он взял и продал остаток своих земель яффскому ростовщику, христианину Тияну.

Так попало имя Тияна на страницы нашей истории. Ибо проклятые земли Мелабеса судьба уготовила евреям: их пленили родники у развалин Антипатриды³⁴, и на пространствах мрачной долины встала Петах-Тиква.

История основания Петах-Тиквы увековечена в песнях и стихах и известна каждому израильскому школьнику. На болота Яркона поехали из Иерусалима трое: Йозель Моше Соломон, Иехошуа Штампфер и Давид Гутман. Ввиду дурной славы этих мест, они взяли с собой в качестве эксперта врача-грека. Когда приехали на место и осмотрелись, доктор взобрался на крышу полуразвалившейся хижины, брошенной ее обитателями, долго обозревал небо и, спустившись, сказал: "Даже птицы берегутся этого места и сюда не залетают".

Сын Йозеля Моше Соломона Тувия рассказывал впоследствии, что выслушав приговор врача, трое иерусалимских евреев долго молчали, избегая глядеть друг на друга. Немая сцена продолжалась несколько минут. Потом Йозель Моше Соломон тихо, но твердо сказал: "А все-таки!.." — "Да, попробуем!" — откликнулся Иехошуа Штампфер. Давид Гутман разрыдался и заключил Соломона и Штампфера в объятия.

Так, наперекор всему, начало свой путь первое сельскохозяйственное поселение в Эрец-Исраэль, которому удалось выжить.

Огни Ханукки

Дожди запаздывали. Напрасно с немой мольбой вглядывались в небо поселенцы Петах-Тиквы. Слегка покропило и перестало. Прождав еще два дня, решили больше не откладывать: запрягли быков и отправились пахать.

Их было шестеро: Давид Гутман, Давид Регнер, Натан Грингарт, Иехошуа Штампфер, Элизер Рахав и, младший среди шестерых, сын Рахава — Иехуда. Всем не терпелось взрезать свой первый пласт, и они сменяли друг друга за плугом, а Иехуда, который провел самую первую борозду на краю поля, чтобы отметить кромку пашни, шагал за пашущими, точно опытный наставник.

Честью провести вторую борозду почтили рабби Давида Гутмана. В летописи Петах-Тиквы имени Гутмана сопутствует слово *гвир*. В библейские времена оно означало: "правитель", "господин"; на средневековом иврите служило почетной приставкой к имени важного человека, а в новое время, на лексиконе местечковых бедняков, так звали местного богача. Чаще всего человек этот был богат лишь по меркам повальной еврейской нищеты, но одно то, что гвир сумел вырваться из ее рокового круга, было немалым чудом само по себе и заслуживало большого уважения. Что касается Гутмана, то, как человек бездетный, он вкладывал свои сбережения в общее дело строительства колонии.

Третьим за плугом шел Иехошуа Штампфер. Никто из участников первой пахоты не записал ее подробностей на свежую память. Позднее, когда Иехуда Рахав засядет за воспоминания, он напишет о том, как Иехошуа, встав за плуг, заплакал от волнения, произнес *шехехейану*³⁵ и сказал: "Счастливые мы люди, что сподобились идти по первой борозде, которую проложил еврейский плуг на земле пророков". Иехошуа Штампфер был родом из Венгрии. Юношей отправился он в Эрец-

Израэль и почти весь путь проделал пешком. И теперь, когда еврейский плуг впервые после двух тысячелетий врезался в землю Эрец-Израэль, рабби Иехошуа остро чувствовал, что присутствует при историческом событии.

Первая пахота состоялась в 1878 году на шестой день праздника *Ханукки*³⁶. В окнах еврейских домов горели огни в память о чуде возжигания Храмового светильника.

Секрет плуга

Лишенные опыта непосредственного общения с природой, не говоря уж об отсутствии всякого крестьянского опыта, горожане-иерусалимцы присмотрели для первой пахоты поле, почву которого они приняли за чернозем. Прошло время, прежде чем обидные неудачи научили их, что черная земля не родит и что пахать стоит только на почвах изжелта-красного цвета.

Потом выяснилось, что для здешней земли не годится и европейский плуг. Нарезанные его лемехом комья не рассыпались, а отвердевали, как кирпичи, потому что моментально теряли влагу. Новоявленным земледельцам пришлось оставить стальной плуг и вернуться к утыканной гвоздями сохе, которой пользовались их соседи-арабы: она дробила этими гвоздями почву, не выворачивая, т.е. не подставляя ее под солнце и горячий ветер. В 1883 году — пять лет спустя после первой пахоты на землях Петах-Тиквы — появился первый оригинальный плуг местного производства, сохранивший принцип работы примитивной арабской сохи. Его изготовил шестнадцатилетний кузнец из Ришон ле-Циона Ицхак-Лейб Топоровский. Профессор Шмуэль Авицур считает плуг Топоровского первым изобретением эпохи освоения земель и

значительной вехой в развитии сельского хозяйства в Эрец-Исраэль.

Плуг получил широкое распространение и два названия, указывавшие противоположным образом на его происхождение: земледельцы-евреи называли его "арабским", в то время как у феллахов-арабов он считался "еврейским плугом". К плугу Топоровского позднее приварили два сошника вместо одного, а с появлением первых тракторов довели их число до девяти.

Истинные жители своей земли

Такое важное событие, как переселение группы евреев на новое место для занятия сельским хозяйством, прошло в еврейском мире незамеченным. Во всяком случае, на закладку Петах-Тиквы не откликнулась ни одна еврейская газета ни в Эрец-Исраэль, ни в диаспоре. Так повели себя и "Ха-леванон" — газета, в которой сотрудничал сам Йозель Моше Соломон, и "Ха-маггид" — газета, пропагандировавшая в диаспоре идею заселения Эрец-Исраэль, и "Ха-хавацелет" — иерусалимская газета, выступавшая против любых попыток выйти за пределы стены, окружавшей Старый город. Известия о Петах-Тикве начали просачиваться на страницы еврейской печати лишь много месяцев спустя. Вокруг них началась ожесточенная полемика: преуспеют ли евреи на новом поприще или их ждет поражение.

Тем временем семьи Давида Гутмана, Иехошуа Штампфера и Иехуды Рахава справили на новом месте первый *седер*³⁷. На лошадях привезли из Яффы жен, с ними приехали яффские евреи, приглашенные *гвиром*³⁸ Гутманом, чтобы составить миньян. Давид Гутман обратился к собравшимся за праздничной трапезой и сказал: "Мы — первые птицы, несущие свет утренней зари"; а

молодой Иехошуа Штампфер выступил еще более пылко: "Дикая целина вокруг нас — свидетель самопожертвования халуцов ишува... Господь видел, как шел я сюда пешком из Венгрии дни и ночи напролет".

И тут же за праздничным столом кому-то пришла в голову мысль отправить в Иерусалим десятину первого урожая. Земля уродила щедро. Согласно еврейскому закону, забытое на поле или упавшее с воза оставили для бедных, а край поля, для этой же цели, не убирали вовсе. Отделив десятину и добавив к ней пожертвования на вдов и сирот, сообщили в Иерусалим, что выезжают караваном из 30 верблюдов, как в древние времена. На мешках с десятиной большими буквами было написано: Петах-Тиква.

Вспоминает сын Йозеля Моше Соломона — Тувия:

"Вся иерусалимская община, толпой, высыпала из города в направлении к Меа-Шеарим, чтобы увидеть это зрелище: как в первый раз со времени разрушения Храма евреи привезут свою десятину. Процессия была встречена радостными кликами: "Мир вам, братья наши, феллахи!".

В одном из домов квартала Меа-Шеарим, в соответствии с еврейским законом, была устроена торжественная трапеза. И автор воспоминаний заключает: "Привоз десятины заткнул рот противникам сельской жизни... Они теперь узрели и убедились, что окрест нет никаких страхов и ужасов".

Ничто не омрачало счастливые дни праздника Песах — первого на земле Петах-Тиквы. Соседи-арабы ежедневно приходили поздравлять еврейских поселенцев с их праздником. "Дни мира и дружбы", — записал Тувия Соломон. А его отец Йозель Моше, возвратившись из Петах-Тиквы, куда он ездил навещать друзей, превозносил

выгоды земледелия и рассказывал иерусалимцам о благополучии поселенцев.

Тогда-то слышались в Иерусалиме негодующие голоса: ведь какой был шанс, да прошел мимо них! Почему их не включили в первую группу поселенцев?! В ответ на такие жалобы Давид Гутман, старейшина поселения и гвир, отдавший Петах-Тикве свое состояние, прикупил еще десять тысяч дунамов земли. Вместе с Гутманом на векселе, выданном бывшему владельцу, поставили подписи Йозель Моше Соломон и Натан Грингарт. Петах-Тиква вдруг выросла до неузнаваемости.

Когда три основателя колонии получили *кушаны* — османские документы на право владения земельной собственностью, Давид Гутман пригласил хозяев новых участков на субботний ужин (по-видимому, в своем иерусалимском доме ред.). Выступая перед ними с субботней проповедью, рабби Йозель Моше Соломон сказал: "Со временем владельцы сменяются, изменит свой вид и земля: сегодня — пшеница и ячмень, завтра, может быть, виноградник и фабрика. И если она не сохранится в наших руках, что из того? Она останется в руках наших братьев!"

Давид Гутман не умел говорить красно. Он предложил новым поселенцам погостить в его доме. Те с радостью согласились. Двинулись в долгий путь, одни на ослах, другие пешком. Затем менялись по дороге. Приветствуя новопривывших, староста поселения сказал со значением: "Сегодня вы стали истинными жителями нашей земли".

Мечта еврейских бедняков

Одна из групп поселенцев вошла в летопись Петах-Тиквы под прозвищем *ярконим* — ярконцы. Что это были за люди? Почему отделились они от *рамагим* — жителей взгорья, как называли

основателей поселения, осевших на более высоком плато? Зачем спустились они вниз на болота в пойме реки Яркон и едва не погибли во время речного разлива? "Они вели жалкую жизнь в великой нужде и нищете, — рассказывает газета "Ха-маггид", — смерть косила всех подряд, не щадя ни женщин, ни детей".

Их история — это история бедняков, которые, бежав от беспросветной нужды в Иерусалиме, попали из огня да в полымя. Они стали жертвой праздника Петах-Тиквы, гордившейся своим первым урожаем и отправившей в Иерусалим караван верблюдов с десятиной — напоказ всем.

К Петах-Тикве были прикуплены новые площади из земель того же яффского ростовщика Тияна. Отчет об этом приобретении отправил в Лондон Иехизель Михаэль Пинес, представитель поселенческого фонда "Мазкэрет Моше" в Лондоне, названного так в честь Моше Монтефиоре, которому в 1884 году исполнилось сто лет. "Участков на продажу множество. Земли, хотя и куплены дешево, весьма плодородные и лежат у реки Уджи³⁹, чьи воды приводят в движение много мельничных жерновов", — докладывал Пинес в Лондон в приливе энтузиазма. Иерусалим пришел в движение. Искать новых поселенцев не было нужды. Приток желающих обзавестись на свои скудные сбережения куском собственной земли резко увеличился. Отцы поселения дали объявление об "основании товарищества по обработке земельных угодий близ Петах-Тиквы, в которое будут приняты 100 членов".

Им обещали построить двадцать домов уже в течение первого года. "Каждые пять семей, — значилось в объявлении, — построят за свой счет один дом, и одна семья из пяти въедет в него". Другими словами, поселенцам предлагалось образовать кассу взаимопомощи для строительства жилья. Объявление предупреждало также, что те,

кто получит кров не сразу, все равно "обязаны во время пахоты и жнивья выходить в поле". Устав основателей был весьма суровым.

Отцы Петах-Тиквы предостерегали новичков, что не стоит селиться в болотистой пойме Яркона. Никто их не послушал. Подгоняемые миражом близкого благополучия, прибывшие из Иерусалима семьи устремились вниз, в долину. Ее густая, яркая растительность, возможность рыбной ловли заворожили выходцев из города, и они махнули рукой на предупреждения о том, что в этой зелени притаилась смерть. Иерусалимские горемыки, почитавшие *раматим* (жителей взгорий) богачами, были убеждены, что те хотят обвести их вокруг пальца и потому твердят: "Туда не ходите, вы плохо кончите!". Настроившись против *раматим*, они решили даже не дожидаться, когда придут документы на землю и начнет действовать касса взаимопомощи. Как рассказывается в газетном сообщении того времени, "одни поставили маленькие шалаши, другие расположились прямо на земле, под открытым небом, обходясь без всякого жилья и, по-видимому, нисколько не задумываясь о завтрашнем дне". Самые усердные сложили будки из глиняного кирпича-сырца, которые вскоре стали для них западней.

Зимние ливни отрезали новых поселенцев от взгорья. Яркон вышел из берегов. Забили родники. Долину затопило. Глиняные будки развезло, и грязь завалила двери. "Ярконцы" очутились взаперти среди ночного холода и сыплющегося града. Кое-как выйдя наружу, они связались веревками и, неся детей на руках, предприняли попытку выбраться. Под ногами, однако, уже не было твердой почвы: вода превратила всю местность в грозную топь. Не удалась и вторая попытка, сделанная на вторые сутки проливных дождей и речного паводка. Когда же вода начала, наконец, сходиться, поселенцы увидели, что все их усилия закрепиться

на берегах Яркона пошли прахом. "Зыбь да жалкие опустевшие развалюхи там, где стояли их домики. Уцелевший скарб разграбили и унесли арабы", — с горечью писала о случившемся газета "Ха-маггид".

Турки идут!

Власть в Южной Сирии, как называлась тогда Эрец-Исраэль, принадлежала туркам-османам, которым, однако, приходилось делить ее с иностранными консулами. По условиям неравноправного международного договора, который в середине прошлого века побежденная Турция вынуждена была подписать под нажимом европейских держав, после того как по империи прокатилась волна кровавых межрелигиозных и межплеменных столкновений, все иностранные граждане, проживавшие на ее территории, подпадали под абсолютную и исключительную юрисдикцию консулов своих стран. Привилегии, предоставленные гражданам иностранных государств, неожиданным образом облегчили и положение евреев. Консульская защита давала немалые преимущества тем, на кого она распространялась. Турецкая полиция была не вправе арестовать иностранного подданного — "даже убийцу", как говорили старожилы, чтобы подчеркнуть курьезность положения. Иностранца нельзя было отдать под суд без согласия его консула. В то же время, из страха перед дипломатическими осложнениями, полиции вменялось в обязанность начинать дело против собственных, турецких, подданных по первой жалобе иностранца на то, что на него напали или ограбили. Естественно, что многие жители страны старались заручиться паспортом любого государства, лишь бы это не был паспорт Османской империи.

В создавшейся ситуации выдача паспортов превратилась у некоторых консулов в источник

недурного личного дохода. Да и сами страны, которые они представляли, были непрочь увеличить число своих граждан в Османской империи. В результате к услугам маленького еврейского ишува имелось пестрое множество консульств, начиная с таких самых важных и сильных, как консульства Англии, Франции, Германии, Австрии и России, и кончая консульствами Черногории, Абиссинии, Персии и Валацшского княжества в Румынии. Местные власти тушевались перед иностранными представительствами до такой степени, что некоторые консульства завели собственную почтовую службу. Было, например, известно, что почта австрийского консульства самая надежная, удобная и выгодная из всех: марки, если купить про запас несколько листов сразу, продаются со скидкой, а для тех, кто опоздал опустить свою корреспонденцию вовремя, то есть к отплытию почтового баркаса, существует другой, доставляющий ее прямо на корабль, бросивший якорь в Яффской гавани.

Сами консулы держали личную охрану из дюжих молодцов, злоупотреблявших властью и влиятельностью своих хозяев. Звали этих мастеров кулачной расправы "кавасами". Австрийский вице-консул Шимон Роках любил не без хвастовства рассказывать, что всякий раз, когда он дарил своему кавасу деньги, тот благодарно предлагал: "Не надо ли кого прикончить? Только скажите!". Про одного такого "уполномоченного", посланного выволить из-под ареста подданного страны, которую представлял его консул, ходила быль, скорее похожая на анекдот: этот кавас набрался наглости угрожать самому каймакаму османскому губернатору, причем пообещал, что если задержанного не выдадут ему через десять минут, против губернатора будет выслан швейцарский... флот. Самое удивительное в этом рассказе то, что губернатор уступил, хотя знал о Швейцарии

несколько больше, чем неграмотный кавас.

Такова была обстановка, в которой протекала жизнь еврейского ишува. Очень характерной в этом смысле была история со строительством домов в Иехудии.

Идеальные времена первого этапа заселения Петах-Тиквы давно сменились изматывающими тяжелыми буднями под знаком болотной лихорадки, ухода поселенцев и их попыток вернуться, но так, чтобы на сей раз расположиться на холме, стоявшем в некотором удалении от болот, там, где ныне расположен Савион.

Ранее, на старом месте, думали строиться по образу черкесских хозяйств (черкесы бежали с Кавказа от русского царя под покровительство турецкого султана): дом, хлев и гумно внутри большого двора, обнесенного стеной с тяжелыми воротами на запорах. Теперь от идеи укрепленных дворов отказались, но, так или иначе, чтобы строиться на новом месте, требовалось получить разрешение. Однако добиться такового от Стамбула, который этим ведал, не было никаких надежд. Пришлось пойти на хитрость, и Йозель Моше Соломон провел османские власти. Действуя через голову паши, с помощью ходатаев, он получил в иерусалимской управе разрешение на строительство в иерусалимском квартале Иехудия. На основании этого разрешения Соломон привел рабочих строить Иехудию... на холм в районе Петах-Тиквы... Работали день и ночь, чтобы успеть подвести дом под крышу до появления властей: по турецким законам полиция не могла разрушить дом самовольного застройщика, если крыша была готова. Торопились изо всех сил и сами рабочие, зная, что, если хозяина застанут за незавершенным строительством, их посадят.

Йозель Моше Соломон успел. Но иерусалимский паша узнал о его проделке. Соломона, австрийского подданного, и Давида Гутмана, германского

подданного, оформивших землю на свое имя, чтобы можно было воспользоваться, в случае необходимости, консульской защитой, вызвали на суд в Яффу. Судья, хороший знакомый Соломона, предупредил его, что паша уже до суда успел вынести решение, а именно: дома снести силами турецких солдат и за счет самих владельцев. Паша также приказал объявить это решение окончательным и не подлежащим обжалованию. Уже выделена была рота солдат, готовая к исполнению "судебного" постановления.

Соломон с Гутманом обратились к германскому консулу в Яффе. "Как он осмелился?!" — подразумеваемая иерусалимского пашу, гневно воскликнул тот. Уговорились, что консул будет ждать их на почтамте, чтобы, как только будет объявлено решение суда, протелеграфировать генеральному консулу в Иерусалим и потребовать срочного вмешательства — до того, как солдаты приступят к сносу.

Так оно и было. Генеральный консул помчался к паше. Правитель Иерусалима вскипел и даже поднял голос, но тут немец с силой хватил тростью по столу пашы: "Домá немцев собираетесь разрушать? Вы думаете, мое правительство молчаливо проглотит уничтожение германского населенного пункта?!"

И паша отступил: разрешил "немцам" из Петах-Тиквы обжаловать приговор. Консулы сели обсуждать, куда лучше подать на пересуд: в Дамаск, в Бейрут или в Иерусалим? Остановились на том, что поближе и на виду: на Иерусалиме.

Но и турки не дураки: принялись тянуть дело, из месяца в месяц откладывая его рассмотрение. Деваться некуда, пришлось поселенцам взять адвоката и положить ему месячное жалованье. Более того, они постоянно держали у здания суда пролетки, на случай, если суд вздумает выехать на место происшествия. Судьи не ехали. Они потребо-

вали — и получили — вместо пролеток породистых верховых лошадей. Старик-кадий (судья), возмущенный несправедливостью, не дожидаясь слушания дела, написал заключение в пользу евреев. Он утверждал, что в османском кодексе вообще нет такого уголовного наказания, как снос построек. Старика тут же уволили и лишили судейской должности. В конечном счете на обжалование пришел отказ. Дело приняло характер международного инцидента, и генеральный консул вмешался лично, опираясь на мнение уволенного судьи, известного своей честностью и умом. Вопрос разбирался еще много месяцев, прежде чем консулу можно было сообщить, наконец, своим неприкосновенным подданным о решении в их пользу: дома будут стоять, как стояли. Османский паша вынужден был уступить.

”Братство и труд”

Из состояния упадка вывел Петах-Тикву уже упомянутый ранее рабби Иехиэль Михаэль Пинес — центральная фигура на поприще поселенческой работы в ее раннюю эпоху. Пинес отрядил из Эрец-Исраэль первого посланца в Россию за новыми переселенцами.

Это был рабби Авраам Копельман, человек высокопорядочный, но несколько странный, ”витающий в облаках”. Копельман был вдовцом и отцом пятерых детей. Его жестоко преследовали фанатики, за то что своего младшего сына он отдал в сиротский приют ”вольнодумца” доктора Герцберга. Из Иерусалима в Россию, вослед Копельману, были посланы порочащие его письма. Тем не менее ему удалось сколотить группу переселенцев в Белостоке — городе, который, благодаря деятельности раввина Шмуэля Могилевера, стал духовным центром движения Ховевей

Цион⁴⁰. Именно белостокцы заслужили в летописи Петах-Тиквы почетное звание восстановителей поселения. Они не только пустили здесь корни, но и принесли с собой веяние новой жизни, построив свой быт на новых общественных принципах.

Поставив дома и потратив год на приобретение земледельческих навыков, они учредили общий фонд для закупки инвентаря, ввели правила взаимопомощи, обязали каждого участника товарищества ограничивать себя, не тратя более заработанного, — “дабы сумел он кормиться исключительно собственным трудом”, и в том же духе установили еще одно правило, самое суровое: обходиться в хозяйстве без подсобных рук. “Работу каждый должен делать сам! — таков один из принципов экономики, и у нас это категорическое правило”.

Не устарело и никогда не устареет и имя, которое белостокцы дали своему товариществу: “Братство и труд”.

1882 ГОД — ПЕРЕЛОМНЫЙ

“Даже если придется грызть камни, с места мы не сойдем”.

*Малка Ааронсон, одна из основательниц
Зихрон-Яакова.*

В неведомую страну

Через шесть недель после своего приезда в Яффу 26-летний Залман Давид Левонтин собрал в гостинице Хаима Беккера, где останавливались приезжающие в страну евреи, таких же, как он сам, посланцев переселенческих обществ, занятых поиском подходящей земли. Так больше продолжаться не может, доказывал Левонтин. На новичков, точно пчелы на мед, налетают местные еврейские спекулянты, предлагают усадьбы, парки и виноградники, а посланцы теряют деньги прежде, чем лопаются все эти мыльные пузыри. Он советовался с опытными людьми, с Йозлем Моше Соломоном и Давидом Гутманом, отцами Петах-Тиквы. Большой путь был у них за плечами. Начинали в одиночестве и дожили до массового поселенчества. Осторожную рассудительность сменило кипение жадных страстей. В этой обстановке, полной напрасной суеты и неразберихи, Левонтин видел один-единственный выход в создании общества единомышленников, "людей своего круга", — как говорил он.

Так, 19 марта 1882 года, возник "Комитет халуцов Йесуд ха-Ма'алы". Правда, колонию, ими созданную, они назовут другим именем — Ришон ле-Цион, но и прежнее название Йесуд ха-Ма'ала — не пропадет, а окажется на берегу озера Хула в Галилее. Учредители комитета намеревались руководить закладкой новых поселений: планы, как видим, были большие. В комитет вошел молодой инженер Йосеф Файнберг, незадолго

перед тем прибывший в страну. Пройдет время, и Файнбергу придется по делам своего поселения поехать в Париж. Там он познакомится с богатым аристократом, который даст несколько тысяч франков на устройство колодца с питьевой водой в Ришон ле-Ционе, поставив при этом условие, чтобы его имя осталось неизвестным. Позднее выяснится, что анонимный жертвователь — барон Эдмон Ротшильд. Он станет "отцом ишува".

Левонтин и Файнберг, взяв с собой переводчика и слугу, выехали верхом в сторону Газы, на юг страны, искать подходящие земли. На эту поездку они отвели восемнадцать дней. Из Газы они отправились в район "колодцев Ицхака" и по дороге почти договорились о покупке огромного земельного участка, достаточного, по их расчетам, для поселения пяти тысяч семей: "Другую такую равнину в Палестине трудно найти".

Однако радость была недолгой. Из России телеграфировали, что один из главных компаньонов отказался от участия в сделке. "Комитет халуцов Йесуд ха-Маалы" напугала отдаленность участка. Затея с основанием новой колонии повисла на волоске. Положение спасло то, что в компанию вошел Цви Левонтин, родственник Залмана Давида Левонтина. Последний вместе с Файнбергом снова отправился на поиски — на сей раз в окрестности Рамлы, чтобы, по совету двух знатных яффских евреев, сеньора Йосефа Навона и вице-консула Хайма Амазлега, осмотреть земли Аюн-Кары. К Левонтину и Файнбергу присоединились Ханкин и Фрайман, и четвером они решили заночевать на месте, чтобы познакомиться с климатическими условиями. "Проведя всю ночь в горах, мы убедились в том, что здесь очень хороший воздух. Наутро вернулись в город. Собрались остальные товарищи, пришел господин Навон, и мы выдали ему доверенность на оформление покупки". Путешествие завершилось

успешно. "Мы купили двух лошадей, телегу и тростниковые маты для палаток". Купчая крепость на земли Аюн-Кары, где встанет Ришон ле-Цион, была подписана через день после того, как подобная сделка была совершена в Цфате: там были приобретены земли для будущей Рош-Пинны. 15 ава, ровно через четыре года после закладки Петах-Тиквы, из Яффы вышла подвода с группой поселенцев, отправляющихся закладывать Ришон ле-Цион на песчаных дюнах. За подводой следовала другая группа с верблюдами и мулами. Последними ехали верховые. Честь возглавлять процессию, правя первой подводой, досталась Лейбу Ханкину, который пожертвовал в пользу общества десять рублей серебром. Верблюды и мулы везли палатки и рабочий инструмент. Залман Давид Левонтин, вдохновитель всего этого дела, и его толмач ехали верхом. Двигаясь по бездорожью, поселенцы постепенно оторвались друг от друга, заночевали там, где их застигла темнота, и лишь наутро снова собрались вместе. Поставили первые три палатки, и Цви Левонтин, старший из всех по возрасту, прочитал молитву, плача от волнения. Плакали слезами радости и все вторившие ему.

В уставе нового поселения первым значился пункт, относительно которого было сказано, что он не может быть изменен или пересмотрен: "Члены поселения обязуются всеми силами содействовать идее заселения Эрец-Исраэль и жить по законам Горы и народа Израиля". Перед поселенцами ставилась высокая задача: "Послужить примером нашему народу в деле заселения Эрец-Исраэль и возрождения еврейской нации". Жизнь, правда, уставам не подчиняется, и Ришон ле-Цион тоже не оказался исключением из правила, однако и по прошествии ста лет нынешние жители городка, не помнящие или не знающие первоначальной его истории, все-таки вправе сказать, что

Ришон ле-Цион выполнил наказ своих основателей "действовать во имя идеи заселения Эрец-Исраэль". Как и всякое общество, поселение знало и пики и спады, времена энтузиазма и депрессии. Ему пришлось испытать на себе гнет местной чиновничьей опеки, незаслуженно скомпрометировавшей намерения и самое имя Биньямина Ротшильда. Материально зависимые, вынужденные уступать, поселенцы не раз бунтовали против управляющих барона.

В Ришон ле-Ционе иврит стал языком обучения, а на праздничных детских шествиях развевался бело-голубой флаг -- будущий флаг государства Израиль. До сих пор продолжается спор о том, кто все-таки первым его придумал и поднял: ришонцы или Михаэль Гальперин⁴¹ на открытии Нес-Ционы ("Чудо Сиона") -- рабочего поселка, устроенного по соседству с поселением.

Задолго до Пятого сионистского конгресса был основан в Ришоне Земельный фонд -- *Керен каемет*, и его представитель Иехошуа Ханкин вернул в еврейские руки большие земельные площади в Эрец-Исраэль. И первое общее представительство поселений юга страны -- Объединение поселений Иудеи -- тоже основано в Ришоне. Оно стало ядром Объединения еврейских поселений Эрец-Исраэль, учрежденного в Петах-Тикве после Первой мировой войны.

Множество пунктов первого устава поселения Ришон ле-Цион изжило себя, было изменено или забыто, но "установление, которое не может быть ни изменено, ни пересмотрено" -- содействовать заселению Эрец-Исраэль, живо и актуально в наши дни так же, как в 1882 году, когда оно было сформулировано в Яффе "Комитетом халуцов Йесуд ха-Ма'алы".

Основатели Петах-Тиквы и Ришон ле-Циона не случайно выбрали для закладки своих поселений месяц ав. В этот месяц народного траура по

разрушению Храма и утрате национальной независимости было положено начало национальному возрождению. Через год после закладки Ришон ле-Циона, и тоже 15 ава, в Цфате был подписан контракт на земли Йесуд ха-Ма'алы между переселенцами из Мезерича и заместителем французского консула рабби Шмуэлем Абу, который передал поселенцам свои угодья в долине Хулы. Один из основателей Йесуд ха-Ма'алы, рабби Фишель Соломон, сказал, что намеренно выбрал эту дату для покупки, ибо замечено уже еврейскими мудрецами, что "не было лучших дней, чем пятнадцатое ава". Предшественники Фишеля Соломона, по-видимому, придерживались того же мнения.

Петах-Тиква, Рош-Пинна, Ришон ле-Цион, Йесуд ха-Ма'ала. Та же идея. Тот же путь ее воплощения. Словно само Провидение пожелало, чтобы в месяц, когда был разрушен Храм, наметился важный поворот в судьбе еврейского народа — к работе на земле в своей стране.

Символика оборачивалась реальной действительностью.

Их было всего шестьдесят

Первую алию часто отождествляют с движением билуйцев. Исторически это неверно, хотя они и приехали в страну в поворотном 1882 году. В этот год в Эрец-Исраэль прибыли тысячи евреев из Восточной Европы и из Йемена. Одно за другим возникали земледельческие поселения; еврейский ишув менял свое лицо. Маленькая группа билуйцев, раздираемая к тому же внутренними противоречиями, не наложила своей печати на характер Первой алии. Откуда же легенда? И почему заслужили они благодарную память потомков?

Из более чем пятисот человек, называвших себя

в России билуйцами, всего около пятидесяти прибыло в Эрец-Исраэль. В большинстве своем это были российские студенты. Привлеченные их энтузиазмом, к ним присоединились еще человек десять уже в Палестине. Ядро группы состояло из убежденных идеалистов, покинувших отчий кров и университетские аудитории во имя осуществления своей идеи. Им было очень трудно, этим интеллигентам. Около двадцати из них не выдержали невзгод и мытарств и навсегда покинули Эрец-Исраэль. Остальные осели на земле и завели хозяйство, как все в соседних поселениях. Так почему же все-таки, когда говорят о Первой алии, вспоминают билуйцев?

Вначале возникшее в Харькове общество называлось "Дави" — по начальным буквам стиха из Книги Исход: *Дабер эл бней-Исраэль ва-йелху* — "Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли". Название вызвало насмешки, мол сами не идут, уговаривают, чтобы шли другие. Тогда-то группа постановила, что довольствоваться проповедями и пропагандой недостаточно: надо показать личный пример. Члены общества обязаны сами переселиться в Эрец-Исраэль. Вследствие этого название было изменено на "Билу" — аббревиатуру стиха из Книги Исаяи: *Бейт-Яков, леху ве-нелеха* ("Дом Иакова! Вставайте и пойдем!"). Новое название призывало к действию. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений в серьезности их намерений, провозглашалось, что "организация "Билу" создана для основания еврейских поселений в Сирии и в Эрец-Исраэль", то есть в той части Османской империи, которую отождествляли с исторической родиной еврейского народа. Билуйцы считали политико-экономическое и национально-духовное возрождение еврейского народа задачей мирового значения, в которой могут принять участие и неевреи. Посему, согласно уставу, членом их

организации мог стать всякий — “без различия сословий и вероисповедания”.

Каждый билуец обязывался отработать три года в сельскохозяйственной коммуне, которую они намеревались основать в Эрец-Исраэль, где труд будет “не ради личного обогащения, а на благо народа и всего ишува”. Так было записано в уставе. В следующем поколении идеи билуйцев стали достоянием сионистского рабочего движения.

Далеко-далеко вперед смотрели эти молодые люди. Один из них, Зеев Дубнов, писал из Эрец: “Наступит замечательный день, когда, с оружием в руках, евреи объявят, что они — хозяева своей родины”. Билуец Яков Хазанов рисовал в мечтах такую картину: в освободительной войне — а в том, что она будет, сомнений не было, — его призывают к оружию. На войне он теряет ногу. За плуг становится его сын, а сам он, в старости, возвращается в университет, как когда-то. Только теперь — привратником, приветствующим тысячи еврейских студентов, пришедших на гору Скопус. Окруженный молодежью, он будет рассказывать ей о первых днях Гедеры. Хазанову не суждено было дожить до осуществления этой мечты: он простудился на тяжелой работе в своем амбаре и умер от воспаления легких.

...“Вперед, ребята!” — гарцуя на коне, подзуживал генерал-губернатор Одессы православных погромщиков. Этот первый в его жизни погром 1870 года мальчик запомнил на всю жизнь, до своего последнего дня в Ришон ле-Ционе. Через 11 лет, уже будучи студентом, — одним из первых трех евреев, поступивших на сельскохозяйственный факультет Варшавского университета, — он пережил второй погром, продолжавшийся два дня подряд.

В старости он писал: “Как вся еврейская молодежь 70-х годов, я был далек от евреев и еврейства — мы поклонялись другим богам и

святыням". Первый погром возвратил его к еврейству, второй — при виде "рабской униженности и презренной кротости" избиваемых — превратил его в сиониста.

Такова история второго рождения Менаше Меировича, молодого агронома, примкнувшего к студентам-билуйцам. Борьбу за власть над умами и сердцами еврейской молодежи вели между собой два направления: одно выступало за "эмиграцию", другими словами, за бегство из царской России "на берега Миссисипи", по образному выражению создателя эсперанто Людвиг Заменхофа, позднее отдавшего свои симпатии идее Эрец-Исраэль; второе, палестинофильское, поддерживало билуйцев. Настроения "палестинцев", как назывались сторонники Эрец-Исраэль, нашли свое выражение в призыве Моше Лейба Лилиенблюма⁴²: "На историческую родину!".

Меирович присоединился к уехавшей ранее группе билуйцев уже в Стамбуле. В дороге молодые люди страдали от безденежья, что мешало им вести неистовую и принципиальную дискуссию, которой суждено было иметь продолжение в эпоху Герцля: что предшествует чему — переселение в страну и освоение ее любой ценой или политическая борьба за международную хартию, подтверждающую права евреев на Эрец-Исраэль. В Стамбуле билуйцы пытались получить от османских властей разрешение на въезд трехсот еврейских студентов в область Южной Сирии, куда евреев уже не впускали. Любезные улыбки высшего турецкого начальства вселяли надежду. Когда же молодые люди поняли, что надеяться не на что, они решили попытаться пробраться в Эрец-Исраэль через Египет. После десятисуточного плавания в штормовую погоду они высадились в Александрии, где встретили уехавшего ранее билуйца Боруховича... в мундире британского полицейского. Оказалось, что, по причине волне-

ний в Александрии, англичане готовы принять на службу любого желающего. Борухович успел завязать полезные связи, которые позволили ему снабдить всю группу египетскими паспортами.

”Друзья мои билуйцы! Приветствую ваше желание поселиться в Катре. Купить для вас упряжку быков или лошадь со сбруей, — денег на это у меня, даст Бог, хватит”. Такую записку доставил билуйцам в их жалкий сарайчик в пардесе (цитрусовой плантации) Антона Иова в Яффе их товарищ Яков Могилянский из Иерусалима. Пешком проделал он весь путь, неся краткое послание Иехиэля Михаэля Пинеса, секретаря фонда ”Мазкерет Моше” и представителя Ховевей-Цион. Сам Могилянский, по инициативе Пинеса и с согласия Элизера Бен-Иехуды, поступил в ешиву, чтобы стать раввином в будущем поселении билуйцев. Усталый, промокший до нитки, но счастливый исходом своей миссии, Могилянский воскликнул, протягивая записку товарищам: ”Мы спасены!.. Есть земля!”. Так началась Гедера.

Землю для билуйцев — 2500 дунамов — Пинес приобрел, приняв ответственность за выплату долга лично на себя.

Все имущество первых билуйцев состояло из досок, заготовленных для барака, одного осла, одного ружья, девяти мотыг — на каждого по одной, и 410 франков. С этим они отправились основывать поселение в самой гуще арабских деревень. Яффа провожала их с изумлением: ”Неужели в городе не могли найти себе места для могил?”

В Ришон ле-Ционе решили заночевать, но двоих отправили вперед дозорными. Остальные семеро были так возбуждены, что встали еще до зари,

двинулись в путь в предрассветных сумерках и с первым солнцем присоединились к своим товарищам. Авангард салютовал прибывшим выстрелами в воздух и поднес им хлеб и воду. Шел 1884 год. Была Ханукка. Цуккерман и Гуревич, в этот первый вечер на своей земле, набрали колючек и, вместо двух хануккальных лампадок, зажгли два костра. О жилье для группы, как оказалось, заблаговременно позаботился все тот же Пинес: билуйцы нашли готовый барак. Большого не позволяли общественные средства, которыми он располагал. И хотя Пинес добыл у турок разрешение на строительство целых 2000 кв.м жилья, использовать эту редкую возможность не удалось: таких денег в кассе Ховевей-Цион не было. А когда их, наконец, удалось собрать, истек срок, установленный властями для строительства, и разрешения пропали. Так или иначе, билуйцы на долгие годы поселились в бараке. Его описание оставил нам Дов Ариэль Лейбович: "Дощатый домик, пять метров в длину, пять метров в ширину, вдоль стен широкие нары, которые мы сработали сами. Плита. Посредине большой стол. Походить, размять ноги было негде". В таких условиях жили десять человек. Для осла по кличке Философ Яков Шломо Хазанов соорудил примыкающий к одной из стен барака сарайчик.

На второй год, благодаря помощи Ховевей-Цион, билуйцы обзавелись лошадьми и плугами. Надо было ставить конюшню. Чтобы не ушло много дерева, вырыли в известковом холме яму: 25 на 5 м. Но едва принялись за крышу, как нагрянули соседи-арабы, приведшие с собой турецкую полицию, которая уничтожила всю работу. Под оскорбительные замечания толпы яма была засыпана.

То была не первая стычка с соседями. В первый раз арабы явились угрожать евреям, когда те начали строить курятник: площадью два с полови-

ной метра на полтора и высотой не более полутора метров. Арабы, ютившиеся в мрачных землянках, приняли будущий курятник за еще один дом. В тот раз билуйцы их прогнали, выйдя навстречу "с лопатами и кирками". Теперь, после того как они столкнулись лицом к лицу уже с представителями власти, билуйцы отправились за советом в Яффу к сеньору Аврахаму Моялу⁴³. Знатный житель Яффы, искушенный в местных правилах и законах, ободрил гостей: "Выкопайте яму снова, авось Бог поможет и вы успеете перекрыть ее кровлей до того, как это обнаружат". Так и было: работали всю ночь напролет, пока не перекрыли, и, когда арабы привели полицию, последней осталось лишь обмерить конюшню да предупредить, что любая пристройка к ней будет разрушена.

Билуйцам полегчало: сарайчик Философа отдали Хаиму Хисину и его жене, приехавшей из Ришон ле-Циона. Еще несколько девушек ожидали там возможности переселиться в Гедеру. Первой из них привезли невесту билуйца Лейбовича и поместили ее... в курятнике.

На третий год все еще теснились в бараке, в пристройках, прилаженных к его стенам и к крыше конюшни. Но всем было ясно, что с этого места надо уходить: оно было на виду у арабов, каждое движение билуйцев просматривалось. Тогда выбрали под жильё "гору высокую и широкую" — центр нынешней Гедеры.

Воду приходилось доставлять издалека. Только через четыре года — с денежной помощью Ротшильда — был выкопан первый колодец. Не раз пили воду из вади — пересыхавшего летом ущелья. "Я попробовал пить эту мутную грязь, но тотчас же с отвращением перестал", — записал в

дневник приехавший к билуйцам Хаим Хисин. А вот что писал в газете "Ха-мелиц" Иехиэль Михаэль Пинес: "Гедеровцы не неженки, довольствуются мутной жидкостью, в которой не только песок, но и многое другое. Однако по сравнению с тем, что они пьют зимой, и эта вода для них — как живая, проточная вода Ливана. О воде и о питье я тут говорю только по привычке, потому что на деле речь идет о жиже, которую приходится скорее есть -- в ней больше глины, всякой дряни и заразы, чем влаги. Меня в дрожь бросило при виде того, как люди, созданные по образу и подобию Божьему, вынуждены утолять жажду нечистотами, которыми и звери полевые побрезговали бы... Ходят, как тени, исхудали -- увидав их, всякий возопит: "Это ли селение и такова ли награда?!"

И тем не менее, по-видимому, прав был тот же Пинес, верный покровитель, друг и наставник билуйцев, когда сказал: "Молодые люди нашли свой путь в жизни".

Цфат — "Мекка иудеев"

Главным городом нового еврейского государства дон Йосеф Наси⁴⁴ намеревался сделать Тверию. Египетский паша Ибрахим, правитель края, избрал в качестве административного центра Акко. Все пути вели в Галилею. В том числе пути развития еврейской религиозной мысли. "Мекка иудеев есть Цфат", — еще в XVI веке заметил некий дервиш (мусульманский монах). Врага еврейского квартала в Цфате, такого же добровольного гетто, как в Тверии и Хевроне, влекли к себе великих деятелей иудаизма.

В первой половине XIX века крупнейшими городами страны считались Акко и Газа. "Газа град прелестный и обширный, как Иерусалим", — с удивлением отмечал известный законоучитель

рабби Овадия Бертиноро, путешествуя по Святой земле. Каждый из этих двух городов насчитывал около десяти тысяч жителей. И все-таки не они притягивали к себе евреев, а Цфат: этот город находился в самом центре событий еврейской жизни, как верно заметил проникательный дервиш.

После неудач с первыми еврейскими поселениями, основанными рабби Исраэлем Беком и его внуком Элазаром Рокахом, Цфат дал новых халуцов, которые пересекли Иордан, чтобы заложить селение Бней-Иехуда в Хоране. Но и оно разделило участь сел Бен-бли-Шем и Гей-Они. Поселенцы не получили никакой поддержки, кроме скромной суммы в английских фунтах от сэра Лоуренса Олифанта, да незначительной, а к тому же и запоздалой, помощи от Ховевей-Цион. К экономическим трудностям добавились притеснения османских властей и болезни. Село было оставлено. И все-таки Цфат сохранил за собой центральное место в развитии еврейских поселений в Галилее. После некоторого застоя история возобновила свое движение.

Из Мойнешти (Румыния) в Цфат через Бейрут — по обычному маршруту тех дней — прибыли посланцы первой в диаспоре организации, созданной для переселения в Эрец-Исраэль. Разведать местные условия поручили Давиду Шубу и Давиду Букштетеру. Две недели плыли они из Стамбула в Бейрут, затем почти неделю тряслись на ослах по сидонскому тракту и горным тропам Галилеи, прежде чем добрались до цфатской окраины, где выжигали древесный уголь и где, рядом со свалкой, находилось нечто вроде городской станции возчиков и погонщиков ослов. Здесь же служки общины взимали с приезжих подушный сбор, после чего их предоставляли самим себе, пока над

чужаком не смилостивится какой-нибудь добросердечный житель и не позовет его к себе в дом.

Как в Галилее появилась Рош-Пинна

Эти земли достались выходцам из Румынии не по воле слепого случая. Их посланцы исколесили страну вдоль и поперек: Тверия, Верхняя и Нижняя Галилея, Хайфа, Иерусалим, Шхем, Дженин, Яффа. Осматривали, расспрашивали, наводили справки и пришли к заключению, что нет места лучше Гей-Они. Чтобы не взвинтить цены на землю, действовали осторожно. "Мы переоделись в местные одежды, — описывает Давид Шуб, — и, приобретя во временное пользование двух ослов, отправились на них в путь без лишнего шума. Не как, к примеру, посланцы из Галиции: те явились в Тверию верхом на конях и тотчас прошел слух про важных евреев с несметным капиталом, прибывших скупать земли".

Посланцы из Мойнешти не спешили на своих ослах: Эй-Зейтим, Бет-Джан, Джермак, Таршиха, Шфар'ам. Каждый из арабских шейхов расхваливал перед ними земли своей деревни. Посланцы искали лучшее среди всего, что можно было купить. В Хайфе часовщик Шмуэль Ингер, который в свое время вместе со Шмуэлем Шульманом предпринял неудачную попытку основать село под Тверией, отвел гостей из Румынии к главе ордена тамплиеров немцу Шумахеру. Тот снабдил их полезными советами и пожелал успеха. Деревень на продажу было сколько угодно и на любой карман.

Шуб отправился в Иерусалим за советом. Там его ждало разочарование. Он искал климат получше и хорошую питьевую воду, а его пугали примером Петах-Тиквы, которая, после краха на болотах Яркона, стояла брошенной, так что даже

сама память о ней почти изгладилась в маленьком ишуве. Исраэль Дов Фрумкин, редактор газеты "Ха-хавацелет" и соперник поселенческой группы Йозля Моше Соломона, как раз собирался в поездку — тоже присматривать земли. Давид Шуб присоединился к нему.

Осмотрели равнинные земли на всем пространстве до Яффы. В Яффе Шуб свел знакомство с молодым евреем из России, Залманом Давидом Левонтином, который пытался объединить усилия посланцев поселенческих обществ в России и Румынии и создать компанию под названием "Халуцим Йесуд ха-Ма'алы". Пути Шуба и Левонтина сошлись ненадолго: Шубу не понравились земли ни в Шароне, ни в Иудее. Тогда-то, подводя итог своим поискам, он написал строки, определившие судьбу переселенцев из Мойнешти: "Зная, что мои земляки — люди, привычные к прохладному горному воздуху и ключевой воде, и не найдя ничего подобного на равнине, где в каждом из осмотренных мною мест есть какой-либо недостаток, ввиду которого возможность еврейского поселения исключена заранее: например отсутствие родников, что вынуждает рыть на окраинах глубокие колодцы (а кто знает, будет ли в них вода) — я принял решение возвратиться в Галилею".

Так, из-за своего неверия в перспективы освоения приморской равнины, Шуб возобновил поиски ключевой воды в Галилее. Сначала он повел переговоры относительно земель деревни Хиттин под Тверией, но, в конечном счете, его соблазнили три родника в Джеуни, от которых впоследствии не было никакого проку. Так Гей-Они перешло в собственность переселенческого общества из Румынии.

"Приехав в какое-то место неподалеку от Рош-Пинны, мы увидели там землю красного цвета, цвета крови. И мы заплакали и сказали: это кровь

наших братьев, пролитая здесь, она все еще видна”, — так было написано в письме посланцев из Мойнешти, полученном их организацией. Письмо зачитали на собрании, люди заплакали и закричали: “Поедем и унаследуем эту землю!”. Следует заметить, что Давид Шуб, изъездивший всю страну, пребывал в восторженном состоянии и расписывал ее красоты в своих донесениях в Румынию самыми розовыми красками: “Гул живой воды... Три источника... Сады и плантации... Северные ветры, прохладные и полезные для здоровья”.

Он мог бы быть поосторожней. При встрече с действительностью переселенцы пережили настоящий шок. Прибыв в составе 228 человек на место будущего поселения, в покинутое село Гей-Они, они нашли там неопишное запустение. Иные заговорили даже о том, что лучше уж уехать назад в Румынию. Ошеломляющим контрастом с местом, предназначенным для их нового жилья, зеленела невдалеке арабская деревня Джеуни — словно румынское село. Созвали собрание. Мнения разделились. Меньшинство пошло на попятную, большинство склонно было к тому, чтобы остаться. Тогда руководители группы растворили *арон ха-кодеш* — походный киот со свитком Торы — и провозгласили: “Евреи! Тот, кто боязлив и робок сердцем⁴⁵, пусть встанет перед Священным ковчегом и честно признается при всем народе — да, я возвращаюсь в галут жить среди гоев!”. После такого мощного воздействия с сомнениями было покончено. Вскоре жизнь потребовала от переселенцев такой крайней меры, как обобществление личных денежных средств и создание общественной кассы. Лишь шестеро не согласились с этим и вернулись в Румынию.

Рассказывает Давид Шуб:

“Перед тем как приступить к работе, я предложил, чтобы каждый назвал сумму, которую он

привез с собой, хотел выяснить, достаточно ли семья обеспечена материально, чтобы продержаться до первого урожая... И тут оказалось, что не хватает денег у большинства, а есть еще и такие бедняки, которым уже теперь не на что жить. Еще в Румынии я установил минимум, необходимый для семьи из пяти душ: две тысячи франков золотом, не считая платы за землю... Некоторые из прибывших действительно имели от двух до четырех и даже пяти тысяч франков, однако у многих было гораздо меньше двух тысяч. Каждый из этих людей "прикинул" в свое время, что, коль скоро у других есть по две тысячи и больше, можно с ними ехать и ему, даже если у него и не хватит немного до требуемого. А нашлись и такие, которые рассудили про себя, что, ежели денег вдоволь у всех, то не пропадет среди них и один бедняк и вреда от него никому не будет. Хватило бы на дорогу — а там, в Эрец-Исраэль, ведь найдутся добрые души... Я понял, что если позволить каждому заботиться только о самом себе, общество разделится на зажиточных, середняков и бедняков. Результаты будут плачевными, и дело кончится крахом. Собственными силами не устоять даже людям с большими деньгами. Я предложил обрабатывать землю, по крайней мере в течение первого года, сообща, товариществом, и чтобы все, как бедные, так и богатые, сдали свою наличность выборному казначею. Необходимо избрать комитет, который займется строительством домов, распределением полевых работ и ведением общего хозяйства. Все, богатые и бедные, будут участвовать в работе, и каждый получит свою долю при распределении дохода. Земля же будет поделена на равные участки. Такой порядок должен быть принят единогласно, а кто боится и робок сердцем, пусть уходит из товарищества, чтобы не смущать других. С моим предложением согласились все, кроме шести семей, которые

отказались принять условия и возвратились в Румынию. Потом они жалели об этом”. Председателем первого комитета стал Мордехай Мотеле Кац.

Пройдет время, и колонистам придется обратиться за помощью к Торе. “Мы очищали землю от камней, — рассказывает Залман Бендель, — дробили их и... обнаруживали все новые и новые камни. Комары, мухи, блохи терзали тело, кожа наша превратилась в сплошную рану. Измученные лихорадкой и кожными воспалениями, мы смазывали тело маслом и кислым молоком и продолжали работать. Работали, не давая себе пощады. Многие надломились. Раздался старый плач по “рыбе, которую в Египте мы ели даром” (Числа, 2:5). Мы пришли в ужас. Собрались в синагоге и поклялись на Торе Господу Богу и Святой земле на верность до последнего дыхания, а кто клятву преступит, пусть постигнет того отлучение от народа Израилева и позор до скончания веков”.

...В полуразрушенных арабских мазанках опустелого Гей-Они Шуб нашел двух бедняков-евреев, двух братьев, которые, забросив свое поле, кормились тем, что на полях соседей-феллахов подбирали, вместе с нищими арабами, колосья, оставшиеся после уборки. Эти двое, последние из семнадцати безвестных семей, некогда спустившихся в Гей-Они из Цфата, символически как бы соединили погибшее селение с новым, которому предстояло выстоять.

В то же самое время и в Яффе, и в Иерусалиме также происходили события, которым суждено было изменить ход истории. В яффскую гавань начали прибывать билуйцы.

А с другого конца света, из Йемена, шли через безводные пустыни евреи с мечтой обрести в Святом граде Иерусалиме царя из рода Давидова.

В Яффе молодому Залману Давиду Левонтину удалось объединить усилия посланцев разных еврейских организаций России, искавших земли для заселения и конкурировавших между собой на этом поприще. Русский еврей Реувен Лерер, заключив сделку с неким немцем, обменял свое имение в России на его земельный участок в Эрец-Исраэль. Переселившись туда, преисполненный радужных надежд Лерер назвал новое имение Нахалат-Реувен — наследие Реувена. Так было положено начало еврейскому поселению в Вади-Ханин — Долине роз. Шел 1882 год.

Вторая группа переселенцев из Румынии запаздывает с выездом и, когда достигает берегов страны, ей уже не позволяют высадиться: османские власти запретили переселение евреев в Эрец-Исраэль. Судно скитается от одной гавани к другой, его пассажиры — первые нелегальные репатрианты — тайно высаживаются на берег. И тут оказывается, что в Рош-Пинне, куда они направлялись, чтобы присоединиться к первой группе, нет больше свободных земельных участков. Переселенцам приходится пойти в другом направлении. Так возникает Зихрон-Я'аков — первое связующее звено между еврейскими поселениями севера и юга страны. Упрямая история, однако, возвращается снова в Галилею. На этот раз в долину Хулы, где начинает свой тяжелый путь поселение Йесуд ха-Ма'ала.

Рош-Пинна, Ришон ле-Цион, билуйцы, алия из Йемена, Нахалат-Реувен, Зихрон Я'аков, Йесуд-ха-Ма'ала — все они укрепились в 1882 году. События этого года превратили усилия евреев осесть на земле Эрец-Исраэль в необратимое движение.

Семейство Абу и алжирский эмир

Со старой фотографии смотрят на нас Яков Хай Абу, обладатель почетного звания *хахам* (законоучитель у сефардов), консул Франции в Цфате и Твери, и кавас. У каваса, стоящего с серебряным жезлом в руке впереди консула, вид куда более импозантный и внушительный, чем у его господина. Рядом со слугой влиятельный консул кажется хрупким и невесомым, как высушенный лист в гербарии, но это впечатление чисто внешнее.

Еврейская пресса конца девятнадцатого века пишет о фамилии Абу часто и в почтительном тоне, а один из исследователей истории евреев в Галилее замечает сдержанно, что "члены семьи Абу, занимавшие высокие посты, пользовались репутацией людей, которые при всякой беде своих соплеменников всегда принимали их сторону". Отцы Рош-Пинны избрали консула Якова Абу в почетные председатели первого комитета поселенцев, а Ицхака Абу — в почетные члены этого комитета. Многим известно, что традиционное ежегодное шествие со свитками Торы к гробнице Шимона Бар-Йохая⁴⁶ на горе Мерон начинается от дома семьи Абу, но лишь немногие знают, что именно семейство Абу сохранило могилу от забвения и полного разрушения.

Родоначальник фамилии, хахам Шмуэль, приехал в Цфат из Алжира через Индию. Ему пришлось покинуть Алжир после того, как в 1847 году было подавлено антифранцузское восстание эмира Абд-ал-Кадира. Сам Кадир вначале содержался под стражей в одном из французских замков, а затем был выслан из страны. Он поселился в Дамаске, где преуспел в делах и стал одним из богатейших в Сирии людей. Эмир Абд-ал-Кадир отличался добрым отношением к евреям.

Во время дамасского "кровавого навета", когда местную еврейскую общину обвинили в употреблении крови неевреев для приготовления мацы, он стал на сторону евреев.

Шмуэль Абу, доверенное лицо эмира, был причастен к восстанию 1847 года, но избежал французского плена и, как мы знаем, уехал в Святую землю. Обосновавшись в Цфате, то есть на относительно небольшом расстоянии от Дамаска, где проживал эмир, Шмуэль Абу восстановил свои прежние отношения с Абд-ал-Кадиром. Часто навещая эмира, Абу ездил в Дамаск верхом, и всякий раз, пересекая Иордан по мосту Бнот-Я'аков, он останавливал коня, чтобы полюбоваться на зеленые берега озера Хулы. Шмуэль Абу знал, что только пастуки рисковали спуститься со своими стадами на эти берега, дышавшие болотными миазмами. "Кто раз переночует на этих проклятых землях, — говорили в Цфате, — тот год будет страдать от лихорадки и черной мочи и ему останется лишь уповать на милосердие небес".

Но, что бы ни говорили в Цфате, хахам Шмуэль не мог устоять перед очарованием дивного ландшафта и мысли о возможностях этого места заслонили таящиеся в нем опасности. Мечтая приобрести эту землю, он убедил эмира помочь ему получить от султана разрешение на покупку и добился своего: приобрел около двух тысяч дунамов. Он начал агитировать еврейскую молодежь Цфата спуститься к озеру и поселиться на его берегу. Смельчаков ждала награда — бесплатные участки на землях Шмуэля Абу. Страх, однако, был столь велик, что желающих не нашлось. Только два брата Мизрахи, Шломо и Шмуэль, откликнулись на призыв. Они поселились в долине и возделывали свои наделы задолго до того, как земли возле Хулы были куплены у консула Абу переселенцами из Мезерича, основавшими здесь поселение Йесуд ха-Ма'ала. Упорство двух брать-

ев заслужило признание переселенцев, которые приняли их в члены своего товарищества. Рабби Иехиэль Михаэль Пинес писал о них в адрес Ховевей-Цион: "Быть может, полезно было бы для дела принять еще двух уроженцев страны". Но не только эти двое — многие из местных евреев примкнули к переселенцам: Йесуд ха-Ма'ала оказалась местом, где сошлись три еврейские этнические общины.

Земля, пожирающая своих детей

Два года жизни в сенном сарае размером десять на двадцать пять метров, где люди ютились вместе со скотом, истощили терпение поселенцев Йесуд ха-Ма'алы, а строиться было нельзя: турки не давали разрешения. Что делать?

И тут у Исраэля Ашкенази возникла идея, в результате которой Йесуд ха-Ма'ала приобрела особенность, отличавшую ее от всех более поздних поселений. "Раз уж забрели мы в этот край, то и жить будем, как бедуины", — решил Ашкенази и отправился к бедуинам на северную оконечность озера разведывать их быт: как живут, чем кормятся и промышляют. Приняли его радушно, завели беседу. Увидев бедуина, занятого плетением циновки из озерного тростника и камыша, гость спросил, не могут ли и его обучить этому искусству. Его научили и даже дали провожатого к месту, где стоит брать материал. "Почему бы не поучиться у бедуинов?" — вернувшись в колонию, убеждал поселенцев Ашкенази. А рабби Фишель Соломон, организатор и основатель поселения, в подкрепление идеи процитировал из Книги пророка Осии, где сказано: "Еще поселю вас в шалашах". У рыбака-еврея из Цфата взяли лодку, нарезали тростник, перевезли сноп за снопом в поселение, а затем отправились за Иордан напилить стояки в

роще богатого араба. За это поселенцы отработали хозяину день в его поместье: денег у них не было. Так Йесуд ха-Ма'ала стала похожа на древнее стойбище. В тростниковых шалашах не жили ни в одном поселении — ни до, ни после нее.

(По прихоти судьбы именно благодаря этим шалашам Йесуд ха-Ма'ала привлекла к себе внимание барона Ротшильда. Через несколько лет после хождения Исраэля Ашкенази к бедуинам барон посетил Рош-Пинну, где ему подали прошение о денежной помощи колонистам Йесуд ха-Ма'алы. Ротшильд оставил просьбу без ответа. Некоторое время спустя, объезжая север Галилеи, барон остановился полюбоваться горами и их отражением в озерном зеркале Хулы. И тут он заметил какое-то первобытное становище. "Что это такое?" — спросил он в недоумении у своей свиты. Ему объяснили. Упорство и мужество колонистов вызывало уважение, и в результате Ротшильд решил принять Йесуд ха-Ма'алу под свою опеку.)

Невозможность строиться из-за отсутствия разрешения вынудила поселенцев жить в шалашах долгие годы. Солнце не проникало в эти жилища, наполовину врытые в землю и не имевшие окон. В шалашах поселенцы устроили свои семьи, привезенные из Цфата, а сами по-прежнему ночевали у полуразрушенного сеного сарая — единственной постройки, которую они нашли на месте и в которой держали скот. Просыпаясь от холода под открытым небом, бежали в сарай на съедение полчищам блох и снова на воздух. Но и в шалашах заедали блохи и муравьи, и женщины страдали не меньше своих мужей.

Второе поколение поселенцев будет вспоминать рассказы родителей о том, как они страдали от насекомых, но странным образом не сохранит

памяти о самой страшной беде — болотной лихорадке.

Между тем лихорадка буквально терзала галлейскую колонию. Со временем страна сложит песни во славу Гедеры — как сражалась она с малярией хинином — единственным доступным тогда средством, да еще своей упрямой жизнерадостностью. Точно так же боролась за существование колония на берегу озера Хулы, только очень мало вестей от нее доходило до ишува. Может быть, потому, что в Йесуд ха-Ма'але жили на положении робинзонов. "Словно отрезанные от жизни, от всего мира, — писал Моше Смелянский, — в месяц по одному письму или номеру газеты, свежего человека не увидеть, аборигены же, бедуины, бродят в костюмах Адама, словом, полудикари".

Университетские исследователи лихорадки прозвали болота Хулы "дубровинскими": дело в том, что само поселение находилось на некотором расстоянии от болот, зато вплотную к ним примыкали шестьсот пятьдесят дунамов Йоава Дубровина, русского крестьянина, принявшего иудаизм. Почти на самых болотах поставил он крепкое хозяйство на русский манер. Болотная лихорадка не давала передышки Дубровину и четверем его сыновьям. Не успевал один оправиться от нее, как она валила другого. Из восьми дубровинских лошадей одну постоянно держали под седлом на конюшне, чтобы можно было скакать за лекарством в любую минуту. Лихорадка свирепствовала, но не могла положить конец работе, песням, воодушевлению, царящим в семье Дубровиных.

Йесуд ха-Ма'ала не знала не только врачебной помощи, но и лекарств из обыкновенной аптеки. Врача поселенцы впервые увидели у себя лишь после того, как Ротшильд взял их под свою опеку. Но и врач не сразу распознал, что это за недуг, который бросает людей из жара в озноб, так что

больной горит под холодной простыней и трясется от холода под пуховой периной. Впервые увидав у больного красную, как кровь, мочу, поселенцы сочли, что человек надорвался — умирает оттого, что "внутренность лопнула", и, так и оставшись в неведении об истинной причине смерти, похоронили его. Поселение, существовавшее без сносного жилья для живых, не имело и кладбища для покойников. Первую жертву лихорадки, молодую жену Шабтая Лейкермана, положили на верблюда и отвезли в Цфат на еврейское кладбище.

Смерть зачатила в Йесуд ха-Ма'алу, косила без жалости. С началом дождей они уже вслух гадали, кто у нее на очереди. Не протянули двух месяцев и братья Лейкерманы, скончавшиеся один за другим с разницей в несколько часов. Года не прошло, как умер их отец. Мендель Фельдман похоронил семерых детей. Последнего из них смерть взяла прямо из-под хупы — свадебного балдахина. Как рассказывает Ривка Гринкер, хупу, по заведенному в поселении обычаю, ставили возле синагоги в самом центре села. Торжество было всеобщим, надевали праздничное платье, женщины провожали песнями и плясками невесту. Молодые уже стояли под свадебным пологом, когда жениха начало знобить, и поселенцы своим наметанным глазом тотчас увидели примету близкого несчастья. С согласия раввина и родственников жениха и невесты прекратили обряд — чтобы в день свадьбы не обречь невесту на вдовство. Жених умер в ту же ночь перед рассветом. "Отец милосердный, Ты взял у меня шестерых, рыдала я перед Священным ковчегом. Сегодня я повела под хупу моего последнего: приди же Ты на наше веселье!" — причитала мать, но затворились врата небесные. Кто-то однажды подвел итог, и оказалось, что в Йесуд ха-Ма'але на три десятка семей десять вдов.

Болотная лихорадка неожиданно стала причиной преследований, арестов и вымогательства со

стороны османских властей. Как-то в поселение пришел молодой еврей и нанялся на полевые работы. Никому еще не известный, он заболел и, в припадке лихорадки помутившись разумом, зарезался в поле. Когда его повезли хоронить в Рош-Пинну, молва успела превратить самоубийство в насильственную смерть.

В юбилейном сборнике, выпущенном местным муниципальным советом по случаю 75-летия Йесуд ха-Ма'алы, читатель найдет следующие строки: "Посетив кладбище, где число могил больше числа ныне здравствующих, легко убедиться во власти рока".

Собирание диаспоры

Пастушкú Иехуде Баразани было пятнадцать лет, когда он оставил стада своего отца и примкнул к евреям, отправлявшимся в Святую землю. Два месяца шел он с ними из Курдистана в Цфат, зачарованный легендами о рабби Шимоне Бар-Йохае. Эти легенды, проникнув в далекий Курдистан, и сорвали Иехуду с места. В Цфате его потянуло к поселенцам, которые жили внизу, в долине около озера, и держали скот, как в хозяйстве его отца. Иехуда спустился в Йесуд ха-Ма'алу, поселился среди небольшой группы переселенцев из Польши и со временем завел собственное хозяйство.

За Баразани последовал другой выходец из Курдистана, Йона Мизрахи. Он тоже обосновался в колонии и преуспел. Его сына Ахарона соседи-арабы все еще называли "курдом", хотя он родился уже в Йесуд ха-Ма'але. У евреев же Ахарон заслужил прозвище "пчелиный царь" — за пасеку, которую он поставил.

В целом, однако, поселение прозябало по-прежнему. При отсутствии всякого кредита, хозяй-

ства, существующие только на личные средства, шли к скорому разорению. В ответ на отчаянные призывы, обращенные к Хиббат-Цион в расчете на получение помощи из ее оскудевшей кассы, организация командировала в Йесуд ха-Ма'алу своего представителя, активного деятеля сионистского движения гвира Клонимуса Высоцкого (из семьи владельцев чайной фирмы). Прибыв в Яффу, Высоцкий добрался оттуда верхом до Хайфы, но ехать дальше отказался, сославшись на полное истощение сил. На совещании, созванном по этому поводу, он перепоручил свою миссию Аврахаму Моялу из Яффы, человеку известному в ишув⁴⁸. Добравшись до поселения, Моял пришел в ужас: нищета, представившаяся его глазам, не поддавалась описанию. В одном шалаше он нашел семью из тринадцати душ. На всех имелась одна ложка. Пища состояла из молочного супа с рисом — после целого дня работы в поле.

С наступлением вечера Йесуд ха-Ма'ала погружалась в непроглядный мрак: чтобы случайно не запалить шалаши, боялись пользоваться керосином. (Лишь на пятый год своего существования, с появлением первых домов, построенных после того, как Ротшильд принял Йесуд ха-Ма'алу под свою опеку, в ней стали по вечерам зажигать свет. Когда засветилась первая керосиновая лампа, под желтеющим в темноте окном собрались поселенцы, почти уже забывшие, что это такое. "А дети, сроду не видавшие такого чуда, радовались больше всех", — вспоминает Давид Шуб.)

Аврахам Моял решил, что у Йесуд ха-Ма'алы нет будущего, дело пропащее, придется махнуть рукой. Да и трудно было прийти к иному выводу. Может быть, самое наглядное представление о том, как мытарствовались поселенцы, дает завещание крестьянина Шимона-Бера Гидолтера. Отец наказывает сыну: "Бога ради, не оставь заботой Али Махмуда Ишамуа и Сулеймана Абу Али. В

скудные времена они подкармливали нас: тайком подкладывали еду в хижины, дабы избавить нас от стыда". Так в Йесуд ха-Ма'але повторилась история Реувена Лерера из Вади Ханин, где араб, работник Лерера, тайком принес своему голодному хозяину мешок муки и оставил его на пороге дома.

В отчаянии от всего увиденного Аврахам Моял предложил Ховевей-Цион пойти на крайнюю меру: переселить жителей Йесуд ха-Ма'алы в Петах-Тикву. Там, в подходящей для них среде, они, может быть, встанут на ноги.

Но мученики из Йесуд ха-Ма'алы пришли в ярость от предложения Мояла. "Только после нашей смерти вы сможете лишить нас наших земель". Несмотря на свое положение и вопреки ему, стояли они на своем — и настояли.

Представители разных этнических общин, собравшиеся в этом поселении, практически изолированном от остального ишува, продолжали борьбу за жизнь. Йесуд ха-Ма'ала не знала этнической розни, и, возможно, это было самым главным ее достижением. Тяжелые условия заставляли "поляков", "курдов" и сефардских евреев из Яффы держаться вместе.

Устой колонию, правила общежития заложили ее основатели-ашкеназийцы. Хозяйство развили сефарды, уроженцы Эрец-Исраэль. В результате попечительства Ротшильда Йесуд ха-Ма'ала получила двух специалистов, выпускников сельскохозяйственного училища Микве-Исраэль: садовник Бехор Алхадеф начал культивировать на землях Йесуд ха-Ма'алы растения для приготовления пряностей, а Мишель Папу спроектировал систему осушения заболоченных почв Хулы с помощью глубоких дренажных канав и расширения русла Иордана — задолго до того, как Керен каемет осушил эти болота, превратив долину в благословенное место. Но кто сейчас знает об этих людях?

”Львица”

”Лавиá”, львица, называли ее. В этом прозвище отразились удивление, почтение и опаска — отношение, которое вызывают к себе только люди высокой пробы. Рахель Ашкенази, верхом на своей белой кобыле, не уступала лучшим наездникам Галилеи. Не женщина, а шайтан, львица из Йесудаха-Ма’алы.

Горячая кровь этой дочери Цфата привела ее на озеро Хула. Ее отец, Нахум Левиссон, знаменитый златоуст, проповедник Божьей милостью, разъезжал по разным странам в качестве представителя цфатской общины. Из поколения в поколение рассказывали в Цфате о еврее с величественной осанкой, который произвел такое сильное впечатление на королеву Викторию, что она возвела его в кавалеры английского рыцарского ордена. Правда, после того как Нахум Левиссон скончался во время одного из своих путешествий, его заслуги никак не помогли вдове: она осталась без всяких средств к существованию и растила пятерых детей на пшенной каше и чечевице.

Старший, Арье-Лейб, унаследовавший непоседливый дух своего отца, еще мальчиком ушел из Цфата и бесследно пропал. Лишь много лет спустя он объявился в Англии — воспитанник шотландских миссионеров, священник, окончивший курс в Оксфорде. И младший брат Арье-Лейба и Рахели, родившийся уже после смерти отца и нареченный его именем — Нахум, уехал искать счастья в Европу. Братья случайно встретились, и Нахум повторил путь Арье-Лейба — окончил Оксфорд и стал священником. Мать вырвала обоих сыновей из сердца и отсидела по ним *шиву*⁴⁹, как по покойникам. Братья, однако, никогда не отрекались от своего еврейского происхождения и позднее нашли способ пересылать матери в Цфат денежную помощь. Не порвали они и связи с Эрец-

Израэль, неоднократно наезжая в страну.

В Первую мировую войну братья завербовались в британскую разведку на Ближнем Востоке. Во время одного из разведывательных ночных полетов они посадили аэроплан на полях Йесуд ха-Ма'алы, где жила их сестра Рахель, вышедшая к тому времени замуж за Ашера Ашкенази — старшего сына Израэля Ашкенази. Она снабдила их сведениями о расположении турецких войск, с которыми воевали англичане. Ночную встречу не удалось сохранить в секрете. Один из родственников Рахели рассказывал о строгом предупреждении, сделанном ей администраторами барона Ротшильда: "Поостерегитесь, не то плохо кончите!". Рассуждая о том, как далеко могла бы пойти Рахель, если бы получила образование, ее деверь вздыхал: "Как жаль, что нога ее никогда не переступала порога школы..."

Но львицы в школах не воспитываются и сытой, благополучной жизни тоже не знают. Жизнь в Йесуд ха-Ма'але не могла дать Рахели больше, чем тот скудный хлеб, на котором она выросла в доме своей матери. Раз в несколько месяцев, отправляясь в Цфат за покупками, Рахель ночью выезжала верхом на осле, а назавтра проделывала весь обратный путь пешком, шагая подле нагруженного кладью животного. В Йесуд ха-Ма'але довольствовались малым: летом ходили босиком, а зимнюю обувь покупали на несколько номеров больше. Платья, на вырост, шила мать, а чулки вязала бабушка. Детей в поселении будили рано: когда отец вставал запрягать быков в поле, а мать раздувала угли, чтобы вскипятить воду для утренней кружки кофе. Уголь для плиты отец пережигал сам. Летом также сушили "коровьи лепешки". После просушки их складывали в кучи, а зимой использовали для отапливания дома.

Исчезнувшая "Роза Иордана"

Началось с мечты о большой усадьбе на берегах Хулы. Под нее было куплено 2800 дунамов земли, но дело не пошло, и тогда родилась другая идея: построить на землях несостоявшейся усадьбы большую гостиницу под громким названием "Гранд-отель". Проект дома для приезжающих у моста Бнот-Я'аков был заказан в самом Париже. Но и эта затея лопнула, и прошло с тех пор очень много лет, прежде чем в другой форме и в киббуцном варианте идея отеля осуществилась в киббуце Аелет ха-Шахар.

План гвира Мордехая Ицхака Любовского, владельца солидного имения в России, совместить земледелие в Эрец-Исраэль с гостиничным делом потерпел фиаско. Любовский разорился.

Мост Бнот-Я'аков и до сих пор остается самым удобным мостом через Иордан. Подъезд к нему проходит по незаболоченным местам, а сам мост стоит на отметке лишь на 50 м выше уровня моря. "Бнот-Я'аков" — означает "дочери Иакова": это название мы переняли у арабов, которые приписывают нашему праотцу Иакову не одну дочь Дину, а нескольких дочерей. Согласно арабскому преданию, в том месте, где стоит мост, искали дочери Иакова своего пропавшего брата Иосифа. Их слезы, оросив берег и ложе реки, превратились в черный базальт, и воды Иордана забурили. Мордехай Ицхак Любовский, который успел к тому времени изъездить и обойти всю страну — от Дана до Беер-Шевы, был очарован. Обладая, по видимому, лирическим складом души, Любовский назвал это место *Шошанат ха-Ярден* — Роза Иордана. Дело было в 1883 году, год спустя после основания Рош-Пинны. Со временем музы посетят здесь другого лирика, странствующего поэта Нафтали Имбера, и он напишет "Ха-Тикву".

Силен был Любовский и упрям. Не поколебался

пойти на разрыв с семьей ради Эрец-Исраэль (дети его эмигрировали в Америку), не отчаялся оттого, что не выгорело дело с усадьбой, а принялся искать заграничных компаньонов, чтобы открыть гостиницу, не сдался и тогда, когда из этой затеи тоже ничего не вышло. Любовский решил основать на своих землях новое поселение, оставив себе лишь десятую часть площади, наравне со всеми другими будущими поселенцами.

За помощью в этом деле он обратился к единственному известному ему авторитету — основателю Рош-Пинны Давиду Шубу. Шуб взялся организовать и вторую колонию, на том, однако, условии, что долг за земли будет выплачен Любовскому только через восемь лет. Шубу удалось продать за границей несколько участков. Вырученные деньги пошли на ссуды тем рабочим Рош-Пинны, которые были согласны переселиться на новое место, чтобы купить материал для строительства домов (своими силами), сельскохозяйственный инвентарь и пр. Как и в истории с Рош-Пинной, свое второе детище Шуб также назвал по-новому: вместо Шошанат ха-Ярден появилась *Мишмар ха-Ярден* — Стража на Иордане.

От перемены имени удачи не прибавилось. Раньше Любовский мытарствовал один, теперь мучилось целое поселение. Переселенцы из Рош-Пинны возвели стены глинобитных домиков, но крышу крыть было нечем: караваны, которые должны были доставить из Хайфы кровельное железо, все не появлялись. При первых же зимних ливнях стены осели и рухнули. После этого их сложили из базальта. А когда уже можно было, наконец, поздравить себя с новым жильем, выяснилось, что не уродила земля. И все-таки переселенцы не оставили своих полей. Нашелся кто-то,

согревший их сердца восхитительной надеждой на железную дорогу: когда ее проложат, она пройдет совсем рядом, и Мишмар ха-Ярден больше не будет отрезан от остального ишува.

Пришлось обратиться за помощью. Она сочилась по капле: несколько сот франков, присланных членами Ховевей-Цион по случаю праздника Песах; двадцать семь рублей, переведенные из Берлина фондом "Эзра" главе Ховевей-Цион Лилиенблему для отсылки в Мишмар ха-Ярден "на предмет основания книгохранилища". Лилиенблом вышел из себя: "Люди в хлебе нуждаются! Это насмешка над честными тружениками". Так оно и шло, пока не явился Ротшильд, помог, а затем передал поселение в ведение Еврейского колониционного общества барона Гирша⁵⁰. Последовали пятьдесят лет труда и нужды. Затем во время Войны за Независимость сирийцы разрушили Мишмар ха-Ярден до основания. Жителей угнали в плен. Вернувшись, они рассеялись по стране, забытые людьми и Богом. О минувшем напоминает один только скромный памятник с именами павших, установленный фондом Керен каемет, да фундамент разрушенного крестьянского дома при дороге, поднимающейся на плато Голан в направлении моста Бней-Я'аков. Надпись на памятнике гласит: "Путник, уважай честь и покой этого места!"

Эйн-Зейтим — село Масличное

В 1891 году Дов Бер Шляпин основал в Минске общество по восстановлению села Эйн-Зейтим, известного в еврейской истории тем, что оттуда евреи не уходили в галут, а жили там из поколения в поколение. В 1552 году еврейский путешественник насчитал "около сорока еврейских хозяйств в селе, где имеется также своя синагога, а в ней

двадцать шесть свитков Торы". От названия села происходит и фамилия Зейтуни, довольно распространенная среди израильских сефардов. Позднее, однако, село было евреями оставлено. За пятьдесят лет до инициативы Шляпина один из раввинов Цфата свидетельствовал о том, что Эйн-Зейтим больше не существует, его синагога разрушена, а "свиток Торы нашли гой и привезли его в Цфат".

Общество по восстановлению села Эйн-Зейтим минчане основали на манер акционерного: каждый его участник ежемесячно вносил определенный денежный взнос. На эти деньги была выкуплена земля и насажены первые виноградники. Договорились, что временно, пока переселенцы не ликвидируют свои дела в России, поля Эйн-Зейтим будут обрабатывать жители Цфата. И действительно, как рассказывается в воспоминаниях одного из основателей Рош-Пинны Залмана Бенделя, "сыны Цфата трудились с садовыми ножницами в руке и с саблей на поясе". Арабы не давали покоя: они считали Эйн-Зейтим святым местом, т.к. там были захоронены еврейские цаддики, чьим могилам они поклонялись, приписывая им магическую силу. Немногие переселенцы, прибывшие из Минска, временно остановились в Цфате. Оттуда они ездили в Эйн-Зейтим обрабатывать свою землю. Там их окружала плотная атмосфера ненависти. По наущению арабов османские власти запретили евреям строиться в селе. Несколько бывших минчан приспособились жить в пещерах. Однажды, забрав из цфатской больницы покойника, арабы положили труп в поле недалеко от села и обвинили евреев в убийстве. К счастью для переселенцев, обследовавший покойника врач-христианин исключил насильственную смерть. Таким образом, ни ложное обвинение в убийстве, ни запрет строиться не возымели действия — и тогда арабы добились того, что евреям запретили садить виноградную лозу и возделывать уже имеющиеся виноградники.

Коса, однако, нашла на камень: евреи начали выходить работать в поле по ночам. Увы, земля не вознаградила их за опасный труд: виноградники зачахли. И все-таки маленькая группа евреев держалась за свою землю до самого 1929 года — года арабского мятежа и еврейских погромов. В этот жуткий год Эйн-Зейтим разделил участь еврейского Хеврона, Моцы, Рамат-Рахель, Хулды и других еврейских поселений. Вернувшиеся в Эйн-Зейтим одиночки жили там до 1936 года — до очередного погрома. В 1936 году еврейское село Эйн-Зейтим перестало существовать.

Сто лет забвения

Согласно официальным справочникам, поселение *Маханáим*¹ основано в 1939 году. В действительности эта дата относится не к основанию, а к восстановлению поселения. Основан же Маханаим на 40 лет раньше хасидами из Галиции; их сменили кавказские евреи; последними, кто пытался закрепиться там, были рабочие Цфата. Все они как бы "выпали" из израильской истории. Можно сказать, сто лет неблагодарности...

Идея переселиться в Эрец-Исраэль и основать земледельческое поселение родилась среди тарновских хасидов в Галиции в 1892 году. Число семей, желающих участвовать в этом, постепенно сократилось с восьмисот до одиннадцати... В 1899 году эти одиннадцать семей отправились в Эрец-Исраэль. Галицийские хасиды в полной мере испытали на себе враждебность турецких властей. Из Яффы, где они высадились, их отправили обратно на корабль. Та же история повторилась в Бейруте. Тогда хасиды решили попытать счастья в Александрии, где им действительно удалось сойти на берег. Оттуда они совершили длинейшее нелегальное путешествие в Сирию, в город Александретту —

”верхом, пешком, истомленные и изможденные”. Бедуинская одежда не спасла их от тюрьмы в Джедиде — правда, от жандармов удалось откупиться. В конце концов, измученные, они добрались до Цфата. Оставаясь все время нелегальными поселенцами, хасиды не снимали с себя арабскую одежду и в своем селе. Некоторые из них не выходили из Маханаима даже в соседнюю Рош-Пинну, пока не научились говорить по-арабски, как евреи — уроженцы Галилеи.

Город Цфат провожал их песнями и плясками до самого Маханаима. Вместе с ашкеназийскими евреями шли сефарды, так что во время проводов ”столица Галилеи опустела совершенно”. Однако на месте действительность оказалась совсем нерадостной.

Три семьи из одиннадцати вскоре уехали. Зато к оставшимся примкнули трое местных евреев, имевших опыт работы на земле. Начались серые годы нужды. Тарновское общество ”Ахават-Цион” обеднело и утратило былую энергию. Врач Зигмунд Битковский, вызвавшийся руководить поселением, вернулся в Галицию. Хасиды сидели без гроша. Однажды в Маханаим явился торговец кровельным материалом, потерявший всякую надежду получить с поселенцев деньги за поставленный им товар. Он снял с крыш черепицу и увез. Маленький еврейский ишув тоже не замечал их существования.

Десять лет мучились тарновские хасиды, а затем разъехались кто куда. Тем временем земли отошли в ведение Еврейского колонизационного общества, которое поселило в Маханаиме десять семей с Кавказа. Татские евреи, стремясь сохранить родной уклад, купили скот, но стадо пало от засухи. Их жизнь здесь была не легче, чем жизнь их предшественников из Галиции. Память о своих земляках с Кавказа, которые некогда явились в верхнюю Галилею, а затем пропали, еще хранят

старики черкесского села Кафр-Кама. Маханаим опустел снова. Казалось, прав был Ахад-ха-Ам⁵², писавший, что "может быть, лучше не позориться с колонией, основанной с таким легкомыслием, и предоставить ее своей судьбе". К счастью, здесь, как и в некоторых других случаях, история не послушалась Ахад-ха-Ама. Через несколько лет была предпринята третья попытка восстановить Маханаим: здесь поселилась группа рабочих из Цфата. Правда, дело провалилось и на этот раз, теперь уже из-за раздоров между самими поселенцами.

Когда наконец в Маханаим пришли члены группы Иодфат⁵³, они нашли там могилы нескольких первопоселенцев и еще могилу Михаэля Гальперина, мечтателя и строителя с юга страны, об оригинальнейшей фигуре которого ходят легенды: о его неизменной сабле, о бело-голубом флаге и даже о том, как храбрый Гальперин вошел в клетку со львом...

Как уже говорилось, шел 1939 год — начало официальной истории поселения Маханаим. Как будто до этого ничего и не было...

"Союз братства" в Ал-Муталле

Иехошуа Осовицкий, управляющий поселением Ришон ле-Цион от имени администрации барона Ротшильда, был вынужден с позором оставить место из-за острого конфликта с поселенцами и наемными рабочими. Его перевели в Рош-Пинну, и здесь, в Галилее, Осовицкий проявил себя с наилучшей стороны. Занимаясь заселением страны, он, согласно наказу барона, выкупал еврейские земли "от моря до моря". Осовицкий ходил в Башан, на Голаны, добирался до подножия Хермона, где жили друзья. Османские власти уважали его и считались с ним. Еврейские

поселения в Башане и на Харане держались, пока ими управлял Осовицкий. Когда же его внезапно отстранили от дел, поселенцам на восточном берегу Иордана стали угрожать арабы. Неотвратимо приближался конец еврейскому присутствию и на Голанах. Важнейшее начинание потерпело крах. Тем не менее Иехошуа Осовицкий успел "застолбить" территорию, позднее образно названную *Эцба ха-Галиль* — Галилейский палец — по форме, которую принимает здесь северная граница государства. На этой земле встали Метула, Тель-Хай, Кфар Гил'ади. Так, благодаря Осовицкому, наделы двух древних израильских колен, Дана и Нафтали, были сохранены за государством Израиль.

В Ал-Муталле жили друзья, спустившиеся туда с гор центрального Ливана в поисках лучшей жизни. Они наводили страх на долину Мардж-Аюн и всю южную часть Ливана, где жили арабы-христиане. Караваны из Сидона не осмеливались пересечь долину и двигались трудным обходным путем через горы. Проехать верхом по землям Ал-Муталлы дерзнула только леди Эстер Стенгоф — лондонская чудачка, построившая в Ум-Джунии дворец и державшая там белых лошадей в ожидании, когда ее провозгласят царицей евреев... Изумленные друзья решили, что это шайтан, прикинувшийся женщиной.

Эти-то земли и решил приобрести Осовицкий. Случай представился, когда их официальный владелец Джабур-бей, живший в Сидоне, пришел в полное отчаяние от своих дружеских издольщиков. Те отказались отдать сборщикам бея треть урожая, согласно договору, и прогнали их. Осовицкий поехал в Сидон и вернулся от Джабур-бея с купчей крепостью в руках. Новому хозяину теперь

надо было самому войти в логово льва. Он вошел, и его смелость была вознаграждена.

Следует отметить, что покупка у сидонского бея двенадцати тысяч дунамов земли вовлекла Осовицкого в клубок судебных тяжб, из которых он выпутался только через шесть лет, когда османский суд в Мардж-Аюне решил дело в пользу евреев. Правда, Осовицкий не стал дожидаться решения суда, так же как не посмотрел на угрозы друзей Ал-Муталлы, хотя те и призывали кровь на голову всякого, кто ступит на их землю. В один прекрасный день друзья увидели двух всадников, вооруженных греческими ружьями. Их кони были великолепны, в богатой сбруе — захватив с собой телохранителя Лейбке, Иехошуа Осовицкий прибыл вести переговоры с самим шейхом Ал-Муталлы.

Прием гостей проходил по всем правилам восточного гостеприимства. Но о чем шла речь между Осовицким и шейхом и как протекала их беседа — свидетельств не сохранилось. Зато шейх — и это известно — понял, что земли Ал-Муталлы отныне принадлежат не сидонскому бею, а величайшему из людей, приближенному королей в Париже, и что теперь именно ему причитается натуральная подать в размере одной трети урожая. Выяснилось также, что гость — человек великодушный, и что, по великой своей доброте, он решил предоставить эту подать в распоряжение старейшин Ал-Муталлы, с тем чтобы они употребили ее на помощь жителям своей деревни. Поля, обрабатываемые друзьями, останутся за ними по-прежнему. Земли же, на которых ранее работали люди сидонского бея, перейдут к работникам парижского вельможи — по вероисповеданию иудеям.

Как рассказывает Яаков Харозен, специалист по истории Галилеи, шейх обещал Осовицкому, что "евреям будет оказан прием, как дорогим брать-

ям". И в самом деле, "союз братства и дружбы" состоялся — правда, за большие деньги...

Уже в сопровождении друзской охраны, выделенной ему в знак добрых братских отношений, Осовицкий поскакал в Хасбайю, где проживала маленькая еврейская община, и предложил молодежи идти селиться в Ал-Муталлу. Вербовщики были посланы также к евреям Пки'ина и Шфар'ама. На призыв Осовицкого откликнулись и несколько жителей Цфата.

Поселенцы начали возделывать виноградники сидонского бея, а вскоре стали засеивать и поля, арендованные у друзов, перешедших на службу к администрации барона. Конечно, далеко не всем друзам так повезло: работать за деньги. Но и те, что остались на своей земле, научились прекрасно ее обрабатывать, пользуясь советами еврейского агронома. "Союз братства" действовал исправно. Друзы принимали евреев на жительство и в свои дома. За чашкой кофе и наргиле текли мирные беседы. Евреи начали строить в Ал-Муталле хижины и бараки. Из Сидона был приглашен раввин и стала действовать синагога. Все обстояло наилучшим образом.

Но так продолжалось недолго.

Союз евреев с друзами Ал-Муталлы окончился, когда друзский султан Эль-Этраш, герой их позднейших легенд, поднял восстание против турецкого владычества. Ради участия в объявленной их вождем священной войне, джихаде, друзы побросали свои поля, хотя урожай обещал быть богатым. Вслед за мужчинами вскоре ушли и их семьи. Восстание было подавлено с крайней жестокостью. Ратники Эль-Этраша рассеялись по стране. Некоторые из них, оборванные и истощенные, вернулись в Ал-Муталлу. Но поздно: в селе уже жили евреи.

Времена братства миновали. Теперь друзы совершали набеги на Метулу, как с 1896 года стала

называться Ал-Муталла. Под прикрытием ночной темноты они обстреливали дома, устраивали засады на полях, угоняли скот, поджигали зерно и однажды убили на гумне метульца Моше Масона. Нападения друзов не прекращались в течение целых десяти лет, пока не откупились от них золотыми наполеондорами из баронской казны. Только через шесть лет смогли поселенцы поставить себе дома: до этого они жили в друзских постройках близ водопада, на подветренном склоне горы. Постройки были сложены из необработанных камней, скрепленных глиной. Их кровли — своего рода шедевр примитивного строительного искусства — были обмазаны постепенно затвердевающей массой: смесью тростника, колючек, глины и навоза. Накануне зимних дождей на крышу наносился новый слой. Поселенцы, научившись у друзов, выравнивали и уплотняли его с помощью специального каменного валька. Помещения кишели грызунами, насекомыми и даже змеями. Когда начались друзские набеги, в домах пришлось держать и скот. Съестные припасы подвешивали под потолок — чтобы уберечь от животных. "И не только от них", -- вспоминает не без улыбки Шалом Файн — сын одного из первых жителей Метулы. Родителям приходилось убирать продукты подальше от своих вечно голодных детей...

Жили на пшеничных кашах, куда намешивали для сытости все, что росло в поле: горох, просо, чечевицу. Каждая семья сама пекла хлеб из своего запаса. В сумерках, при свете плошек, женщины и дети очищали зерно от сорняков. Молоть везли в арабские села Южного Ливана на водяные мельницы, построенные на порожистых горных реках Литани и Хацбани. Приготовляли опару, месили тесто и выпекали хлеб отцы семейств или старшие сыновья. Были семьи, которые не могли позволить

себе такое излишество как соль: там ели пресный хлеб.

Печи также научились класть сами. Топили хворостом, колючками и лепешками сушеного навоза. "От дыма у нас слезились глаза, но кто мог тогда помыслить, что может быть по-другому? — вспоминает Файн. — Жили, как друзья, учились у них, перенимали их навыки. Убедившись, что и евреи живут, как они, друзья перестали чуждаться нас. Началось сближение, а с годами сложились и подлинно добрососедские отношения". "Вся страна забурилась бы, если б современных поселенцев поставить на один только день перед испытаниями, которые вынесла Метула", — сказал в день 75-летия Метулы тогдашний председатель Кнессета Кадиш Луз.

Еще одна несбывшаяся мечта: Харан и Башан

В конце прошлого века евреи владели землей (около 100000 дунамов) и в центральной части Башана, где были основаны два поселения: *Бней-Иехуда* и *Тиверет-Беньямин*. Оба просуществовали недолго: нужда заставила поселенцев уступить заложенные земли барону. И до 1941 года стояла там ферма Ротшильда, вызывающая восхищение. Кто-нибудь слышал о ней? Кто-нибудь знает о ее существовании?

Спустя шесть лет после неудачи с Гей-Они еще одна группа жителей Цфата решила попытаться — на сей раз к востоку от Иордана.

В книге пророка Осии сказано: "И соберутся сыны Иехуды и сыны Израилевы вместе... и выйдут из земли переселения". Новое поселение назвали *Бней-Иехуда* — Сыны Иехуды. Поначалу группа насчитывала около тридцати семей. Это были уроженцы страны, молодые люди в возрасте

от 20 до 30 лет — "здоровые, сильные и способные к работе. Жены их готовы помогать мужьям в поле", — писал о них корреспондент газеты "Хамаггид". Материальное положение поселенцев было, однако, незавидным: когда близ развалин древней еврейской крепости Гамла⁵⁴ удалось купить 3500 дунамов земли с более чем десятью источниками пресной воды, лишь двадцать семей смогли внести в общую кассу положенные 200 франков.

Хозяйство было решено вести на коллективных началах. Когда приступили к полевым работам, на место перебрались отцы шести семей и еще пять семей в полном составе. Поселились в большом доме, где каждой семье было выделено по комнате. Группа пригнала с собой 20 быков для пахоты, 8 ослов, 6 коров, 3 лошадей, 16 овец и коз. Казалось, имелось все необходимое, чтобы просуществовать до первой жатвы — первого собственного хлеба. Не было одного: материальной поддержки.

Правда, сэр Лоуренс Олифант пожертвовал для первого платежа за землю более 1700 франков. Но соплеменники, отмахнувшись от поселенцев, как от "пустоголовых", не помогли им ничем. Со смертью Олифанта все надежды на помощь рухнули. Его вдова послала еще 50 фунтов стерлингов, и на этом кончилось. "Продав с себя последнее платье, поселенцы соорудили жилища — несколько жалких лачуг", — рассказывает газета "Ха-цфира". Тут свалилась новая беда: разразилась эпидемия, ввели карантин, и всякая связь с Цфатом оборвалась. Ни въехать, ни выехать. Поселенцы пали духом, оставили злополучное поселение и пробрались окольными путями назад в Цфат, "кусая руки от стыда за свое полное поражение и терзая себе душу", — свидетельствует современник.

Впоследствии они все-таки предприняли еще одну попытку и даже прикупили к своему поселе-

нию соседний земельный участок, боясь, что земля достанется "одному зловредному персу", который ее торговал. Но, не умея вести дела, поселенцы запутались в денежных расчетах и началось время одиночных бегств. В начале нынешнего века билуец Менаше Меирович, побывавший в поселении, еще застал в нем 49 человек. В 1912 году там осталось только три семьи, а в 1920 году — одна-единственная. Поселение Бней-Иехуда перестало существовать.

"Сирия, в Сакем на Хоране, г-ну Адаму Розенбергу"

Такой адрес в конце прошлого века действительно существовал. Это был адрес председателя Комитета по укреплению еврейского ишува в Эрец-Исраэль к востоку от Иордана. Нью-йоркский адвокат и глава тамошнего общества Ховевей Цион ве-Шавей Цион⁵⁵ Адам Розенберг приехал в Эрец-Исраэль на один год, чтобы скоординировать усилия разных переселенческих обществ — из России, Румынии, Болгарии, Канады и Соединенных Штатов: по распоряжению Ротшильда на Хоране, за Иорданом, было приобретено для переселенцев около 100000 дунамов земли с целью создания единой колонии, названной в его честь: *Тиферет-Биньямин* — Слава Биньямина.

Дело пошло. Собрание представителей обществ постановило объединиться, дабы "идти рука об руку, в сотрудничестве со служащими барона". Было решено поместить в еврейских газетах упомянутый выше адрес — для сведения "всех желающих поселиться в этой стране".

Первые переселенцы прибыли из Северной Америки — две семьи из шестидесяти пяти, записавшихся в Чикаго и Монреале. Их послали закладывать поселение. Остальные же, располагая

некоторыми средствами, могли еще подождать. Впрочем, они обязались помогать первым поселенцам деньгами. Так писала газета "Ха-мелиц". К двум семьям из Чикаго и Монреаля присоединились две семьи из Екатеринослава, посланные своей большой группой "на разведку". Во время проводов им вручили семь рублей двадцать пять копеек, собранные "в пользу рабочих в Эрец-Исраэль". Становой хребет нового поселения образовали десять семей из Румынии.

И вскоре "Ха-мелиц" смог порадовать своих читателей сообщением, что в субботу, когда читали недельную главу Торы, в новом поселении собралось на субботнюю службу "более двух миньянов молящихся". Дело было летом 1896 года.

Новоселы были исполнены самых радужных надежд. Служащий барона Элияху Шейд сумел получить от османских властей разрешение поселить на земле тысячу еврейских семей. Рабочие барона расчистили место под хозяйственный двор, Петах-Тиква прислала своего садовника Хаима Кохена. Решили открыть специальную школу для обучения поселенцев посадке деревьев и виноградников. Адам Розенберг не стал мешкать и опередил представителей всех других переселенческих обществ: его люди насадили двадцать тысяч тутовых деревьев и восемь тысяч виноградных лоз. Он также построил жилые дома, конюшню и хлев на большом дворе, обнесенном стеной. Его примеру последовали переселенцы из Румынии. Американские и канадские евреи постепенно охладели к проекту, но зато им заинтересовались евреи английские. В Яффе, куда доходили об этом слухи, поселение тысячи семей на землях к востоку от Иордана считалось делом решенным и даже выполненным.

Беда нагрянула оттуда, откуда ее и следовало ожидать, стоило лишь повнимательнее прочесть купчую крепость и отнестись серьезнее к ее параграфам. Согласно одному из них, который при совершении сделки посчитали неважным, полагая, что он нужен был губернатору Дамаска только для того, чтобы замаскировать свою договоренность с евреями, новому владельцу (в данном случае им был Эмиль Франк — доверенное лицо барона) причитались доходы с земель — но не право поселить на ней новых жителей взамен старых или в добавление к ним. Ознакомясь с договором, Ахад-ха-Ам предупредил: "не пытаться провести власти". Он считал, что это может привести к высылке, — и оказался прав. Однажды, по приказу дамасского губернатора, в Тиферет-Биньямин нагрянули турецкие солдаты и, применив силу, выгнали поселенцев. Администрация барона сумела договориться с губернатором, и он сменил гнев на милость. Однако доверия испуганных поселенцев было уже не вернуть: они разъехались кто куда.

Колония, названная именем барона, была основана еще раз тридцать лет спустя и в другом месте. Это нынешняя Биньямина.

В одиночестве

На всей Голанской возвышенности остался единственный еврей — уроженец села Кфар-Тавор Залман Кохен. Рассказы о нем можно услышать в Галилее и по сей день — много лет спустя после его смерти. В них Кохен предстает перед нами лихим наездником, похожим на тех храбрецов, что состояли на службе у барона и ездили с его поручениями в Дамаск. Кохен, рассказывают старики, близко сошелся с арабами Хорана, и они почитали его за одного из самых уважаемых в

округе людей. К нему обращались как к третейскому судье, чтобы он уладил вражду между кланами, вытекавшую из обычая кровной мести.

Около тридцати лет, до сороковых годов, почти до самого провозглашения государства Израиль берег Залман Кохен ротшильдовские земли в Хоране. Он оставался там во время восстания друзов в 1925 году и во время арабских волнений 1936—1939 годов. Он был свидетелем уничтожения всего, что когда-то насадили евреи: последние пять тысяч эвкалиптов турки свели на дрова в годы Первой мировой войны. "Был Божий сад", — рассказывал он со слезами на глазах Элияху Эйлату.

Залман Кохен умер в 1955 году. Это был последний участник и свидетель еврейского заселения Хорана, прерванного в самом его начале.

Зихрон Я'аков — первая ласточка нелегальной алии

Они еще находились в открытом море, когда пришло известие о том, что османские власти запретили евреям въезд в Эрец-Исраэль⁵⁶. Со скитаний по морю второй группы еврейских переселенцев из Румынии и начинается, в сущности, нелегальная еврейская репатриация в Эрец-Исраэль.

Вначале корабль бросил якорь в маленькой тогда еще Хайфе. Поднявшаяся на борт полиция объявила, что с корабля не сойдет никто. Пришли в Яффу — повторилась та же картина. Поплыли в Бейрут, центр управления краем, но оттуда их завернули назад в море. Нескольким, правда, разрешили спуститься на берег, но лишь затем, чтобы застаться едой. Купили хлеба, по две буханки на каждого, корзину яиц, корзину маслин и две корзины редиски. Вернулись в Яффу —

напрасно. Из Яффы снова пришли в Бейрут, где турки на сей раз смилостивились: семьи наиболее "уважаемых" людей, всего 18 человек, получили разрешение сойти на берег. Но когда лодка со счастливицами достигла берега, разрешение не помогло: караул турецкой сыскной службы их не пропустил, даже не взглянув на бумагу. С той же бумагой попытала счастья вторая лодка — и ей повезло! Еще несколько лодок "проскочило" все по тому же разрешению. Но в конце концов турки спохватились и 150 переселенцев так и остались на корабле. Снова вернулись в Хайфу. И снова неудача. Разыскав корабль, отправлявшийся в Египет, капитан перевел на него своих пассажиров и ушел восвояси. Так переселенцы попали в Порт-Саид. И вот там-то, можно сказать, открылась первая глава в истории нелегальной алии. Переселенцам повстречался бывалый человек, занимавшийся всем на свете: и резник, и содержатель гостиницы, и портовый снабженец. Он посоветовал следующее. В Порт-Саид должно прийти из Александрии судно с паломниками-христианами, направляющимися в Святую землю ко гробу Господню. Он, резник, снабдит переселенцев паспортами всех народов мира, спрячет среди паломников, и так они смогут добраться до Эрец-Исраэль.

Сказано — сделано. Реувен превратился в Дмитрия, отца несуществующих детей. Его сестра, девушка, стала фиктивной женой человека с фиктивным же именем — Ганс. Мать Реувена, вдову, резник "выдал замуж" за француза Леграна, а бабушку превратил в достопочтенную миссис Пальмерстон. Переселенцы отплыли в Яффу в третий раз и благополучно сошли на берег. Эти "паломники" собирались не в Иерусалим, а в Рош-Пинну. На пути туда остановились в Хайфе, где выяснилось, что они опоздали: в Рош-Пинне

участков больше нет и землю придется искать где-нибудь в другом месте.

Хайфа 1882 года представляла собой деревню. Ее домишки, натканные как попало вокруг базара, теснили друг дружку в борьбе за место на скальном подножии горы. Не было ни пристани, ни мола для защиты от волн. Суда бросали якорь далеко в море, и с берега к ним ходили на лодках. Недалеко от моря, там, где когда-то потерпела крах попытка тридцати американских семей обосноваться на Святой земле, процветала колония немцев-тамплиеров. Переселенцы из Румынии нашли в Хайфе около десяти семей евреев-сефардов, разговаривавших на своем наречии: никакого общего языка. Поселились новоприбывшие на постоялом дворе — в каменном доме без штукатурки. Не знали, что и предпринять. На их счастье судьба послала им часовщика Шмуэля Ингера, который много лет назад, вместе с Шимоном Берманом, безуспешно пытался основать еврейское поселение под Тверией. Ингер жил теперь в Хайфе. Тоже выходец из Румынии, Ингер помогал Давиду Шубу искать земли для Рош-Пинны. Помог он и новой группе своих земляков. Довольно скоро он явился к ним с известием, что есть земли, да еще какие: пять тысяч дунамов прекрасной земли, на живописной горе, в восьми часах ходьбы от Хайфы. Переселенцы послали на место Моше Корланда и Мордехая Клейстера — пускай посмотрят своими глазами. Те возвратились, сияя: "Словами не передать... Просторы, засаженные плантациями маслин", словом, земля, где текут молоко и мед. Предания Зихрон-Я'акова утверждают, что Моше Корланд клялся своими пейсами и бородой, будто видел — чудо из чудес — дерево, из которого сочится мед...

Будило воображение и само название места:

заброшенную деревню арабы называли Замрин. Стало быть, им предстоит возродить еврейскую жизнь в Самарии. Поэтому новое поселение назвали сперва Самарин; позднее, когда оно перешло под опеку Ротшильда, его переименовали в Зихрон-Я'аков — в память отца барона. Арабское же слово "замрин" означает на самом деле "свирельщики" и укрепилось за местом в связи со звуками пастушьих дудок. К Самарии, Шомрону, оно никакого отношения не имело. Однако, если это название возникло по ассоциации с поэтическими звуками свирели, то картина, которую переселенцы нашли на месте, добравшись до него с немалыми мучениями, была от поэзии бесконечно далека.

Накануне их отъезда в Эрец-Исраэль газета "Ха-маггид" писала: "Исход из Румынии начался, и ничто уже не в силах его остановить. Так мы, дай Бог, подойдем к цели, по которой дух наш тосковал всегда — к трудному началу".

Но переселенцы и представить себе не могли, каким окажется это начало.

Через десять месяцев Самарин посетил Иехиль Брилль, один из трех владельцев газеты "Ха-леванон". Он был потрясен: "Как они пережили зиму? И как перебиваются сейчас?". Переселенческий комитет в Румынии, обещавший денежную поддержку из расчета полфранка в день, присылал по 33 сантима, а в следующую, вторую, зиму и этого не предвиделось: комитетская касса была пуста. К тому времени в Самрине проживало четыреста семьдесят человек: шестьдесят четыре семьи, от шести до двенадцати ртов в каждой. Не было другого выхода, кроме как оставить на месте только треть из них, расселив остальных по городам Эрец-Исраэль "на общественное иждивение, ибо в Румынию они вернуться не могут; в паспортах у большинства записано обязательство

никогда больше не показываться в Румынии”, — писал Бриль.

”Как прожить этим людям еще целый год — до начала уборки?” — спрашивает он, негодуя на то, что переселенцев отправили так далеко: четырнадцать часов ходу до Яффы, восемь часов до Хайфы. Правда, всего в полутора часах пути от них, в селении Танту́ра, есть маленькая бухта, где полно рыбаков и торговцев древесным углем, который везут на верблюдах с горы Кармел. Само же селение ”сидит” на болоте, ”и у жителей его лица желтые, как воск”. Бриль убежден, что ”с помощью прилежных рук можно это гнилое место превратить в рай”, но, видя перед собой ”истощенных малярией мужчин и женщин на сносях”, жители Самарина опасаются спуститься с горы, бросить свои землянки и поселиться в Тантуре в приличных домах, которые им предоставят как землевладельцам.

Два последние года доход делили подушно, не прибавляя богатому, хотя ему причиталось больше, и не убавляя бедному, как в коммуне. Такой пример должен быть увековечен в истории ишува.

В Самарине знали голод, но знали также периоды энтузиазма и высокого душевного подъема. Так, в минуту крайней беды, когда казалось, что не видно никакого просвета, приехал туда посланец барона Гирша, организатора еврейских поселений в Аргентине. Он ужаснулся тому, что увидел, и, предлагая измученным поселенцам следовать за ним в чужую страну, принялся расписывать ее прелести. Ему ответил Меир Лейб Гиршко: ”Нет у нас на земле никакого другого дома, здесь жить будем и здесь умрем!”. А Малка Ааронсон добавила: ”Даже если придется грызть камни, с места мы не сойдем”. Посланца Гирша успокоил на встрече в Микве-Исразль Иехиэль Михаэль Пинес: ”Заселение Эрец-Исразль подобно вину, которое

должно перебродить, и после того, как выпадает осадок, оно выходит светлым и чистым”.

В 1903 году от Зихрон-Я'акова ”отпочковалось” маленькое дочернее поселение — Гив'ат-'Ада. В течение целых двадцати шести лет — до самого 1929 года — оно было практически отрезано от ишува из-за отсутствия дорог. Бывали дни и недели такой непролазной грязи, что до ближних поселений и железнодорожного полустанка в Биньямине нельзя было добраться даже верхом. Единственным источником пропитания была скудная земля. Чтобы как-то прокормиться, крестьяне забирали с собой живое тягло и шли искать работу на стороне, а в Гив'ат-'Аде действовало нечто вроде конторы по трудоустройству, где распределялись места отхожего промысла.

Тридцать пять кормильцев сели на землю без своих семей, так как жить в Гив'ат-'Аде семьями было негде. Руководство поселенческими предприятиями барона Ротшильда собрало сюда поселенцев из Зихрон-Я'акова, Шфеи и Бат-Шломо, где филлоксера, болезнь виноградной лозы, уничтожила виноградники. Каждый поселенец получил от 110 до 180 дунамов земли, быков и хлев под жилье из числа тех, что когда-то поставил для своих батраков и скота бывший владелец земли, хайфский эффенди.

Выдержали эту жизнь лишь двенадцать из тридцати пяти поселенцев. Остальные вернули наделы и разбрелись кто куда. Оставшимся в конце концов предоставили жилье, чтобы они могли привезти и семьи: комнаты на втором этаже старого постоянного двора. После пяти лет жизни в хлеву они показались поселенцам ”замечательными”. Дело было в 1908 году. Пройдет еще четыре года, прежде чем к первым двенадцати

семьям присоединятся четыре новые, и еще двенадцать лет, пока в 1924—25 годах в Гив'ат-'Аду переедут следующие четырнадцать семей.

С большим удовлетворением повествует местная хроника о том, как руководители ротшильдовской администрации посетили Гив'ат-'Аду на 26 году ее существования. "Во время беседы, которая продолжалась более часа", поселенцам было обещано "подкрепление" из пятнадцати-двадцати новых семей, а также 15 дунамов орошаемых плантаций и решение проблемы водоснабжения". Однако вода для полива пришла в Гив'ат-'Аду только через сорок лет после ее основания...

Наше государство возникло благодаря первым поселенцам, их одинокому непризнанному подвижничеству. Они "грызли камни и не двигались с места", не ожидая народной благодарности и часто даже не сознавая всего значения своей деятельности. Самим фактом своего существования они явились вехами на пути создания государства.

"Алину бе тамар"

"По спинам йеменских евреев всегда гуляла плеть", — писал Аврахам Тавив в книге "Олим из Йемена". И почти что с завистью добавлял: "На Западе, когда пройдет волна погромов, злоба остывает на десятки лет". В Йемене же в отношении евреев поступали так, как велел Коран: "Их следует позорить и унижать". Вспоминает Овадия Зандани из мошава Янун: "Взрослые шептали: "проклятый!" или "нечистый!"; дети швыряли камни; не возбранялось стащить еврея с осла наземь и поколотить — суд оправдает, ведь среди

мусульман еврею ездить запрещено... И никто из нас головы поднять не смел...”

И тем не менее, в отличие от алии из большинства европейских стран, йеменская алия не была бегством от преследований. В 1880 году евреев Йемена охватил великий подъем “по причине одного только духовного пробуждения, а не из-за гнета и преследований”, свидетельствует Аврахам Тавив. В 1882 году первые йеменские евреи двинулись в сторону Иерусалима. Известие о начале исхода из района Цаны вызвало в Йемене большое волнение, ибо все знали со слов сказителей, что в горе Накум, близ Цаны, есть пещера, сквозь которую в древние времена евреи ушли в Эрец-Исраэль, после чего вход в пещеру закрылся, исчез, и так будет, пока не придет Мессия и не сдвинет скрывающий его камень. Но может быть, пробил час?

В разных концах диаспоры бытовали предания о колене Израилевом, живущем за сказочной рекой Самбатион, на краю света. А в Йемене распространились рассказы о пребывающем в изгнании еврейском царе по имени Биньямин Ротшильд, великом среди народов и великом своими познаниями в Торе. Семя упало на благодатную почву, так как из рода в род переходило предание о том, что тысячу лет и более тому назад в Йемене правили еврейские цари Химьяритской династии, находившиеся у власти целых два века, и что последний их царь пошел войной на христиан и наголову разбил их с помощью евреев, пришедших из Галилеи, что в Святой земле. Во время своего хождения в Йемен в XII веке рабби Биньямин из Туделы⁵⁷ встретил там “отшельников, скорбящих по Сиону и по Иерусалиму: не едят мясного, не пьют вина и носят черные одежды”.

Местные евреи выделяли им десятину. Сион, мечта о Сионе — у йеменского еврейства это было в крови.

В 1881 году в трудный путь на Иерусалим отправились первые две семьи — Иммануэля Аланкаша и Йосефа Эльнадава, за ними еще пять семей, затем еще пятнадцать. Так, тонкими струйками, продолжалась алия и в следующем 1882 году. Рассказывают, что первая группа по прибытии в страну расположилась на отдых в тени масличных деревьев. Отведали плодов, и дети выплюнули: "Горечь!". Старики, однако, молчали и продолжали есть, по слову мудреца: "Сладок плод Страны, даже если он горький...". Из Иерусалима в Йемен начали поступать добрые вести: "домов много у евреев, ашкеназийцев и сефардов". Это было воспринято как знамение свыше. Значит, то, что рассказывают, — истинная правда: вельможи Турции, власть которой в то время распространялась и на Йемен, объявили "в грамоте, наклеенной на дворцовой стене, что его превосходительство Ротшильд приобрел в Эрец-Исраэль много земли и что евреям всего мира "вышло дозволение селиться в своей стране". Теперь можно ехать и "жить в мире и благополучии в Эрец-Исраэль". А до той поры побаивались, и было предание, переходившее от отца к сыну, что всякий, кто едет туда, погибает в пути.

Хахам, рабби Шломо Эльшейх, один из глав йеменской общины, рассказывает об этом в своих воспоминаниях и добавляет, что с тех пор как в Иерусалим прибыли первые еврейские семьи, "только одно и было на языке как у мужчин, так и у женщин, в каждый праздник, днем и ночью: Эрец-Исраэль". Все заговорили об исходе. Все были готовы продать за бесценок свое имущество, лишь бы отправиться в путь. Воображение разыгралось

безудержно. Уже в 20 веке, когда Шмуэль Явне-эли, один из деятелей Второй алии, поехал в Йемен и в течение четырех месяцев, верхом на осле, разъезжал по городам и селам, где жили евреи, ему, как он пишет, "пришлось приложить большие усилия, чтобы высвободить этих людей из плена фантазии". "Близок ли час прихода Мессии? — спрашивали у него. — Были ли знамения?"

В те же годы рабби Шломо Эльшейх насчитал уже около двух с половиной тысяч выходцев из Йемена в Иерусалиме и около полтысячи в Яффе. Но по ту сторону пустынь все еще оставались те, кто продолжал дожидаться очевидных примет начала Избавления. Тридцатью годами раньше, когда пошла молва о Ротшильде и его великих деяниях, тоже ждали знамений.

Мне довелось встретиться с выходцами из Йемена спустя сорок лет, в лагере под Аденом, где приземлились израильские самолеты, чтобы на "Ковре-самолете"⁵⁸ перенести репатриантов из Йемена в еврейское государство.

Час пробил. Знамение было ясным. Возродилось царствование дома Давидова.

Первые репатрианты добирались до Эрец-Исраэль изнурительным и долгим путем. Пересекали пустыни, шли берегом моря из города в город, плыли короткие расстояния на суденышках, лишь бы продвинуться еще немного. Кошельки истощались, оставалось уповать на милость еврейских общин, которые встречались на их пути. Люди заболели, умирали, некоторые, пав духом, поворачивали назад, и тогда, из-за рассказов о перенесенных мытарствах, исход прекращался. Но только на время.

В воспоминаниях Авраама Тавина описано это хождение по мукам. Оттуда мы узнаем о группе из 220 йеменских евреев, которая вышла в Эрец-Исра-

эль в июне 1907 года, через двадцать шесть лет после начала исхода из Йемена. Они наняли местного проводника, полагая, что, согласно обычаям пустыни, он поможет избежать дорожного разбоя. Однако для верности запаслись пиками и ружьями. И хорошо сделали: в пустыне, где им пришлось кочевать четверо суток, проводник исчез. Повидимому, вступил в сговор с разбойниками, внезапно налетевшими со всех сторон. С помощью ружей удалось их отогнать. Двинулись дальше, шагая от темна́ до темна́ день за днем. Только женщины да совсем ослабевшие и больные ехали на верблюдах. В Адене оружие пришлось сдать по приказу властей, а когда садились на корабль, у путников отобрали даже ножи, ввиду запрета иметь при себе какой-либо острый предмет. Несколько недель провели они в карантине. Наконец, после долгого странствования, продолжавшегося целых три месяца — с двенадцатого дня месяца таммуза до праздника Суккот — Кущей⁶⁰, "ликующие и радостные, словно вступили под отчий кров", они сошли на берег Яффы.

Богатыми караванами вышли они из Йемена. На двадцати верблюдах везли мешки с кофе на продажу в Эрец-Исраэль. Это зрелище посеяло панику среди йеменских арабов. Вспоминает Аврахам Тавив: "Стоны, как на проводах мертвецов. Горе нам, причитали арабки, кто знает, что с нами стряется здесь! Евреи люди умные, им известно, а мы остаемся на произвол судьбы". Причина для тревоги была, ибо, как рассказывает рабби Шломо Эльшейх, "на еврее держалось их существование и они говорили своим визирям, что весь Йемен придет в упадок, если евреи уйдут. Ремесла находились в руках евреев, а нерадивые туземцы занимались одной торговлей". Рассказывают, что арабские купцы давали министрам большие деньги, чтобы

те прекратили исход евреев. И разрешения, действительно, перемежались с запретами.

Невзгоды хождения по пустыням, нападения кочевников-бедуинов, зной и жажда, морская качка — несмотря на все это массовый исход из Йемена привел в Эрец-Исраэль одну из замечательнейших ветвей еврейского народа, чьи потомки говорят с гордостью: *Алину бе тамар*. "Тамар" — стройная и высокая финиковая пальма. "Алину" — поднялись, от "ла'алот" — подняться. "Поднялась бы я на финиковую пальму" — сказано в Песне Песней. Но "ла'алот" — это также и подняться в Эрец-Исраэль, или, как мы сейчас говорим, репатриироваться. А из букв слова "тамар" (тет, мем, рейш), если их переставить, получится название года по еврейскому летосчислению, когда начался исход из Йемена — *тарам*⁶¹.

"Слава Богу, очень хорошо!"

У первой йеменской алии, еще очень малочисленной, и денег было мало. Большинство решило обосноваться в Иерусалиме, лишь немногие направились в Яффу. Очень скоро все остались без средств. Бедняки, бравшиеся и в Йемене за любую работу, приспособились и укоренились на новом месте быстрее, чем их зажиточные земляки, к тому времени уже разорившиеся. В Иерусалиме не очень-то приветливо встретили евреев, так на всех непохожих, да и в Яффе не выказали большого гостеприимства, хотя тамошние жители видывали много больше иерусалимцев, благодаря географическому положению города. Поначалу местные евреи вообще подвергли сомнению принадлежность новоприбывших к еврейскому

народу. Из платье, внешность, обычаи, даже привычка ходить согнувшись, как они ходили в Йемене, чтобы избежать кулака и плети, — все это казалось подозрительным. Кто они такие? Бывало, что их не допускали в миньян, отказывали в погребении на еврейских кладбищах. "Великая нищета сделала их отверженными, — рассказывает Шломо Эльшейх. — Лишь когда общины Иерусалима, после долгих расспросов и наведения справок, признали в чих своих соплеменников, их начали жалеть и приближать". Иерусалимцы затруднялись решить, к какой их отнести общине и на каком кладбище, сефардском или ашкеназийском, их следует хоронить. Время, однако, сделало свое. Постепенно люди эти перестали быть теми "йеменцами", которые летом жили под открытым небом, предоставленные днем жаре, а ночью — холоду, зимой ютились в "непригодных для жилья лачужках на самой окраине". С годами выросли кварталы выходцев из Йемена, где скученность не могла задушить энергию и жизнеспособность их жителей. А в самом Йемене рассказывали, на основании письменного свидетельства, о земляке, у которого в Иерусалиме есть сад, где гранаты и яблоки такой величины, что "один великан, съевши гранат, выбросил его кожуру, и в нее забрались двенадцать человек, искавших, где бы найти тень и спастись от солнца". В детстве, в Йемене, Аврахам Тавив собственными ушами слышал эту сказку, вычитанную из письма, пришедшего из Эрец-Исраэль. Сердца пылали, евреи грезили наяву о Стене плача и царстве дома Давидова.

Преследования в Йемене усиливались. Малолетних сирот насильно обращали в мусульманскую веру, требуя того же и от стариков, если можно было с помощью свидетельских

показаний установить, что они осиротели еще в детстве. Был издан указ о конфискации всего имущества уехавших в Эрец-Исраэль. После 1882 года алия из Йемена почти прекратилась и возобновилась лишь на пороге двадцатого века, т.е. через целых восемнадцать лет. На этот раз новоприбывшие разбрелись по разным поселениям. Тяжелые лишения выпали на их долю. "Ребенку, брошенному на улице большого города, где никто не внемлет его плачу, были они подобны", — сказано в сборнике воспоминаний выходцев из Йемена. Их разместили на окраинах поселений в сарайчиках 3 на 2,5 м и глиняных хижинах. Пройдут годы до тех пор, когда построят для них первые дома или выделят участки под строительство, — сначала по инициативе жителей Реховота, а затем силами и средствами Керен каемет. А пока "они жили отверженными и удрученными в своем одиночестве".

Но с места не сошли. Арабские рабочие пытались вытеснить их с пардесов и виноградников — не вышло. Они остались там даже после убийства их товарища из Ша'араима. Стойкость, с которой они держались, была вознаграждена во втором поколении, когда дети тех, кто начинали батраками, стали во главе поселений. Старики не дожили до этого времени. Для них каждое посещение Йосефа Шпринцака — одного из руководителей партии *ха-Поэл ха-цаир* ("молодой рабочий") и Моше Смилянского — представителя Объединения еврейских земледельцев — было "как глоток воды из родников нездешнего мира". На вопрос, как им живется, даже в самые тяжелые годы следовал ответ: "Слава Богу, очень хорошо".

Рассказывают, что как-то, по окончании заседания ревизионистской фракции сионистского движения, его участники решили вместе сфотографироваться и что Зеев Жаботинский посадил рядом с собой, справа, делегата от

йеменских евреев — в знак уважения к "нашей лучшей еврейской общине".

Старейшины сефардской общины

Когда читаешь воспоминания о временах столетней давности, погружаешься в незнакомую ашкеназийскому еврею патриархальную атмосферу кланов и династий.

Знаменита, например, фамилия Шлушей, родоначальник которой Аврахам Шлуш в 28-летнем возрасте, в 1840 году переселился в Эрец-Исраэль из алжирского города Орана. Парусник, на котором прибыла семья Шлуша и его многочисленная родня, бросил якорь у берегов Яффы, где тогда не было ни мола, ни причалов. На берег переправлялись в лодках. Переправу начали в шторм, одна из лодок перевернулась, и так, недалеко от берега, погибли восемнадцать переселенцев, в их числе двое детей самого Шлуша. Их именами — Йосеф и Элияху — впоследствии был наречен внук Аврахама Шлуша, Йосеф-Элияху, один из основателей Тель-Авива. Сделав круг по стране, из Яффы в сонную деревеньку Хайфу, в деятельный город Шхем и в Иерусалим, Аврахам Шлуш вернулся в Яффу и навсегда поселился здесь среди десятка других семей, также прибывших из Северной Африки. Среди мальчиков, с которыми дружили его дети, — два будущих главных раввина: главный раввин Бейрута Шломо Бухбут и главный сефардский раввин Эрец-Исраэль Яков Меир.

Ахарон Шлуш, сын Аврахама Шлуша, — доверенное лицо Моше Монтефиоре, управляющий его цитрусовой плантацией, на месте которой сейчас квартал жилых домов — Шхунат-Монтефиоре. Стоит отметить и друзей Ахарона — знатных яффских евреев: Йосефа Мояла и Хаима

Амазлега, вице-консула Великобритании в Яффе — того самого Амазлега, при содействии которого были приобретены земли для поселения Ришон ле-Цион, оформленные на его же имя. Будучи подданным Османской империи, Ахарон Шлуш скупает земельные участки и, вместе с Моялом и Амазлегом, застраивает их. Так как продажа земли иностранцам воспрещалась, Ахарон Шлуш оформил около 800 домов и участков на свое имя. Его сын Йосеф-Элияху, внук Аврахама Шлуша, построил недалеко от Яффы, на песчаном участке, названном Ахузат-Байт, один из первых десяти домов — начало будущего Тель-Авива. Йосеф-Элияху Шлуш выкупал земли у арабов во всех городах страны, а также приобрел два села в Израельской долине для сионистского учреждения Хахшарат ха-ишув, созданного в 1908 году с целью образовать земельный фонд для будущих поселений. До провозглашения государства Израиль фонд успел приобрести и распределить до половины всей земельной площади, находившейся во владении евреев в Эрец-Исраэль. Для того же фонда купил Йосеф-Элияху еще 21 тысячу дунамов неподалеку от Цфата.

Брат Йосефа-Элияху Яков Шлуш втайне управлял делами Англо-палестинского банка, после того как турки его закрыли в Первую мировую войну. Банк помогал кредитом еврейским поселенцам, разоренным нашествием саранчи, пока турки не арестовали Якова Шлуша и не заключили его в Дамасскую тюрьму.

Йосеф-Элияху Шлуш был одним из основателей общества "Агуддат-маген", созданного для борьбы с юдофобской пропагандой в арабской прессе. Он даже сумел привлечь к сотрудничеству дружественные еврейскому ишуву газеты в Сирии и Ливане. Шлуш использовал свои связи с арабами, чтобы повлиять на яффскую городскую управу, которая отказывалась предоставить Тель-Авиву

право на независимое муниципальное управление. Путем настойчивых и деликатных переговоров он добился для нового еврейского города самостоятельности по таким важным статьям, как налогообложение и финансы.

В старости Йосеф-Элияху Шлуш написал книгу воспоминаний, ярко изобразив в ней почти исчезнувший ныне патриархальный семейный уклад, характерный для выходцев из Северной Африки. Не только сама семья, но и вся родня держалась вместе и жила под одной крышей. Превыше всего ставилось почитание родителей. Вот как Шлуш описывает свою женитьбу в семнадцатилетнем возрасте: "Мы решили сосватать тебе девушку из знатной семьи, — сказала мне покойная госпожа мать, — барышню Элазизу из дома сеньора Аврахама Мояла". Шлуш поцеловал руки своих родителей и родителей невесты, и так состоялось соединение двух богатых и влиятельных яффских фамилий.

Сеньор Аврахам Моял взялся представлять в Эрец-Исраэль одесское отделение Ховевей-Цион, подобно тому как другой именитый выходец из Северной Африки, Альберт-Аврахам Антеби стал управителем поселений, относившихся к Еврейскому колонизационному обществу. Аврахам Моял купил земли Кастины и Беер-Товии и помог, в тайне от турок, завезти туда и поставить барачные домики для переселенцев. Альберт Антеби приобрел для кавказских евреев земли Беер-Я'акова, а для Ришон ле-Циона добился прав на прилегающие к нему дюны. И задолго до Моше Новомейского, переселившегося в Эрец-Исраэль с берегов Байкала и основавшего предприятия по добыче поташа на Мертвом море, искал предпринимателя, который взял бы такую концессию.

Йосеф Навон, племянник Хаима Амазлега, женившийся на сестре И.Д.Фрумкина, издателя газеты "Ха-хавацелет", выступал в газете своего зятя за объединение двух общин и прекращение деления евреев на сефардов и ашкеназов. Своему дяде, Хаиму Амазлегу, он помогал при покупке земель для Петах-Тиквы и Ришон ле-Циона. Но Йосефа Навона тянуло к большим делам. Он уехал в Стамбул и провел там несколько лет в обществе власть имущих при султанском дворе, пока не получил концессии на строительство железной дороги Яффа—Иерусалим с ветками на Шхем и Газу. Размахнувшись не по карману, он был вынужден уступить концессию парижской компании, но и после этого не смирился — занялся проектами орошения Шарона... Четыре страны — Англия, Франция, Турция и Португалия — удостоили его своими государственными наградами и титулами, а Португалия к тому же назначила его своим консулом в Иерусалиме.

В середине девятнадцатого века правитель Галилеи шейх Дахари ал-Омар призвал к себе рабби Хаима Абулафию, облачил его в сановное одеяние и сказал: "Встань и вступи во владение землями Тверии, землями твоих предков!". Так в Тверии была восстановлена еврейская община после почти векового перерыва.

Хаим Нисим Абулафия происходил из рода, который в течение четырех столетий "поставлял" раввинов и старейшин всей Эрец-Исраэль. Сам рабби Хаим ходил к шейхам Сидона и Триполи "от имени ишува Святой земли", а его внук Рафаэль Абулафия был участником подпольной организации Нили⁶³ и воевал в Галлиполи⁶⁴.

Когда в 1897 году Хаим Абулафия скончался, евреи Хеврона не спали всю ночь, чтобы не дать

арабам похоронить его "по законам ислама". Еще при жизни Хайма Абулафии арабы верили, что он мусульманин, принявший личину иудея. Его считали святым человеком, более праведным, чем их собственный кадий (судья).

Рабби Элияху Мани, родом из Багдада, целых четырнадцать лет, пока вконец не обнищал, отказывался от денежного вознаграждения за свою должность раввина Хеврона. Во время холерной эпидемии в 1866 году он ходил к больным и умирающим, рискуя заразиться сам. Четыре года спустя, во время голода, Элияху Мани поехал в Египет, привез оттуда несколько тысяч мешков риса и распределил среди всех хевронцев. Мусульмане и через десятки лет после смерти этого праведнейшего еврея ходили на его могилу молиться и давать обеты.

Сефардские евреи много сделали для заселения страны, готовя место для следующих поколений и не требуя себе за это великой чести.

Ха-Шомер

Организация службы охраны ха-Шомер (Страж) возникла в 1909 году, лет через тридцать после начала массового заселения Эрец-Исраэль. "Принцип охраны еврейских поселений силами самих евреев, подобно принципу трудовой еврейской жизни, так прочно укоренился в ишуве, став важнейшим его нравственным достоянием, что зачинатели этого дела оказались почти забытыми", — писал потом Ицхак Бен-Цви⁶⁵ в предисловии к книге "Ха-Шомер". Некоторые поселения охранялись евреями уже в первые годы своего существования. Возникли и первые организованные формы самозащиты еврейских поселенцев, такие как организация "Гардистан"

в Зихрон-Я'акове и молодежная группа в Ришон ле-Ционе. Однако большинство поселений все же охраняли неевреи: Метулу — друзья, поселения в районе Иордана — бедуины и магрибские арабы, колонии Нижней Галилеи — черкесы. В Иудее и Самарии прибегали к услугам жителей окрестных арабских сел: во-первых, им были знакомы местные нравы; во-вторых, согласно древнему правилу, "нет лучше сторожа, чем сам разбойник"; в-третьих, иногда евреи пытались обеспечить безопасность с помощью простого подкупа.

За год до учреждения ха-Шомера была основана организация Бар-Гиора⁶⁶, девиз которой гласил: "В крови и огне Иудея пала — в крови и огне она восстанет". Центром своей деятельности члены Бар-Гиоры избрали Нижнюю Галилею, где и возник ха-Шомер. Потом по инициативе ха-Шомера в Галилее была создана организация ха-Хореш (Пахарь), члены которой именовали себя "рабочими-феллахами". Другим ответвлением ха-Шомера был Рабочий легион, члены которого помогали поселенцам, когда те не могли управиться со строительством. Общим принципом было соблюдение дисциплины. Кроме того, члены Рабочего легиона жили коммуной, где делилось поровну все, вплоть до карманных денег. В знак своего отличия от всех других еврейских рабочих они носили широкий красный кушак с патронташем и турецкие фески, что придавало их облику некоторую романтичность...

Еврейской службе охраны нелегко было доказать, что она способна противостоять разбойничьим нападениям. Не сразу рассеялись опасения еврейских поселенцев насчет возможной мести со стороны уволенных арабских охранников, чье место заняли евреи. Так или иначе, второе поколение еврейских земледельцев начало создавать свои собственные организации самообороны. В 1912 году была сформирована

организация ха-Нотёр (Стражник). Через год в Зихрон-Я'акове появилось тайное общество Ха-гид'оним, девизом которого было: "Оберегать построенное, строить — под защитой меча!". Два года спустя на юге страны возникла организация Йосефа Лишанского ха-Маген (Щит). Вражда между ха-Шомером, носителем социалистических идей партии Поалей-Цион (рабочие Сиона), и организациями еврейских поселенцев, откуда вышли подпольщики Нили, вписала печальную главу в историю ишува. Должно было пройти много лет, прежде чем Игал Аллон, командир Палмаха⁶⁷, и Менахем Бегин, командир Эцела⁶⁸, встретились на могиле Сарры Ааронсон, героини Нили...

"Другие евреи"

Первой жертвой, павшей за дело еврейского национального возрождения, был Залман Цореф, отец первого еврейского земледельца Мордехая Соломона и дед основателя Петах-Тиквы Йозля Моше Соломона. В его память семья переименовала свою фамилию с Цореф на Соломон. Убийца-араб был подослан к нему за то, что Цореф восстановил из руин "Обитель рабби Иехуды Ха-хасида", знаменитого еврейского мистика. Тридцать пять лет спустя после гибели Цорефа произошло второе убийство, на этот раз в поселении билуйцев. Был убит на дежурстве охранявший гумно Исраэль Розман, родом из Калуги и поэтому прозванный Исраэлем Калугером. Залман Цореф, еврей не робкого десятка, по дороге в Эрец-Исраэль на телеге пересекший Россию от Литвы до Одессы, а в стране основавший род поселенцев, и Исраэль Калугер, караульщик... С этого времени начался перелом в поведении евреев. Наступил конец

робости и страху перед соседями-арабами. На глазах у арабов рождался другой еврей.

Ненависть к неверным, ко всем этим немусульманам; презрение кочевников, у которых сильный диктует слабому, ко всем тем, кому неведом закон пустыни; налеты на боязливый еврейский ишув середины девятнадцатого века выработали у арабов отношение к евреям, как к жалким и покорным существам, рожденным неполноценными, у которых один удел — смерть. Первых еврейских поселенцев предупреждали: любой ценой избегать самого ужасного — кровной мести, ибо у нее есть начало, но нет конца. Поселенцы скоро открыли, что нельзя оставлять провокации со стороны арабов без решительного ответа. В то же время нельзя было давать волю чувствам.

Кровная месть вмешалась в жизнь Рош-Пинны уже на первых порах, после того как во время ружейных салютов на первом свадебном веселье шальная пуля убила араба, и эта месть буквально разорила колонию. Беер-Товия навлекла на себя кровную месть при первой же пахоте, когда агроном Брагин застрелил одного из арабов, напавших на поселенцев в поле. Откупиться деньгами не удалось, и пришлось Брагину бежать из страны. Поплатились и женщины Гедеры, участвовавшие в схватках с арабами наравне с мужчинами: для двух беременных это кончилось выкидышем. Поселенцы, однако, не сдавались. В Ришон ле-Ционе сформировали две группы: одна, из 23 человек, несла охрану поселения, другая, из девяти лучших всадников, караулила поля и виноградники. Ловили и ставили в свой загон стада, которые арабы пускали на еврейские земли на потраву, и даже сами провоцировали стычки, чтобы проучить злонамеренных соседей. Однажды взяли хороших коней, на загляденье, запрягли их в крытую повозку, как если б везли в ней ценный

товар, который лучше спрятать от посторонних глаз, а укрылась в ней группа молодцов с плетками в руках. Вожак их, Исразль (Люлик) Файнберг, сел на козлы, взял вожжи и поехал в пески, где проезжающих стерегли арабские разбойники. Хитрость сработала. Арабы выскочили на дорогу, начали, как обычно, с невинной просьбы угостить их табачком, и вдруг взялись за лошадей — отпрягать. Тут Файнберг свистнул, его молодцы выскочили и начали стегать направо и налево... После того как грабителей, сбив с них спесь, провели напоказ по всему Ришон ле-Циону, соседние арабские деревни облетела молва о том, что евреи — исчадья дьявола и лучше с ними не связываться.

В Петах-Тикве начались стычки у колодца с феллахами села Иехудия. Поселенцы, мужчины и женщины, выходили против них с дубинами и вилами, а кое-кто и с огнестрельным оружием, по тревоге, которую играл трубач. Борьба за воду скудного родника шла и в Рош-Пинне, где Давид Шуб записал: "Поколотили нас изрядно, но и мы угостили бедуинов так, что не забудут". В Хадере во время очередной стычки, вызванной бесконечными спорами из-за земли, крестьянин Шимон Гордон, выломав из забора кол, повел своих на арабов соседнего села, выкрикивая при этом древний бедуинский военный клич, чем совершенно огорошил противника...

Врата Сиона

Как и в библейские времена, Яффа, ее морская бухта, служила воротами страны. Во времена крестоносцев на берег Яффы сошел Ричард Львиное Сердце; в 1799 году здесь высадился Наполеон; а восемьдесят лет спустя яффские улочки увидели, как возвращается на родину Неизвестный

еврей... Когда в конце прошлого века проложили железную дорогу в Иерусалим, начинавшуюся в трех километрах от яффской гавани, евреи прозвали Яффу "воротами Иерусалима", или, еще более поэтично, — "воротами Сиона".

В гавани происходила первая встреча нового и незнакомого еврейского племени с местными арабами. Суда, бросив якорь на рейде, поднимали желтый флаг, вызывая с берега карантинного врача. Найдя результаты осмотра удовлетворительными, врач выписывал соответствующее удостоверение, флаг спускался, и это было сигналом арабским лодочникам идти с берега на рейд за пассажирами. Яффские перевозчики, замкнутая каста, в которой профессия переходила по наследству от отца к сыну, возглавлялись "династией" Али — Али Хамисом, Али Шули и Али Катэ, и специализировались на перевозке людей, багажа или грузов. Каждый из трех Али командовал одной отраслью, поддерживая среди своих лодочников железный порядок. Без ссор, однако, не обходилось, и тогда в кофейнях на яффском базаре в дело шли кулаки и табуретки. Между прочим, история нашего национального возрождения должна помянуть лодочников Яффы добрым словом, ибо Али Хамис и его братья не раз выручали нелегальных еврейских переселенцев, даже в таких случаях, когда последним не помогало самое безотказное у турецких чинов средство: бакшиш. Турки отказывали, а лодочники — тайно переправляли на берег.

Навсегда осталась в памяти Второй алии гостиница рабби Баруха. Но до нее был в Яффе "хан", постоялый двор, принадлежавший армянину Манули. Двор этот был местом встречи новоприбывших. В окружавшей город крепостной стене со стороны берега чернел узкий лаз,

ниже человеческого роста, так что все приезжие согнувшись пробирались через него и тотчас терялись в шумной пестрой толпе, в лабиринте пахучих яффских улочек. А за административным зданием, за базаром, курящимся дымом жаровень, там, где уже начинались плантации цитрусовых, стоял на распутье хан армянина Манули, и у первых наших старожилов, вспоминая этот постоянный двор, туманились глаза. Вот было времечко...

Яффа, а не Иерусалим, стала центром нового ишува. Из Яффы отправлялись искать земли будущие основатели Ришон ле-Циона. В Яффу ехали за провизией и товарами с ярконских болот Петах-Тиквы, из Иудеи и Самарии. В Яффе были заключены сделки Иехошуа Ханкина о приобретении земель Реховота и Гедеры. Через Яффу евреи приезжали в Эрец-Исраэль, через Яффу евреев выслали из Эрец-Исраэль. Яффа была свидетельницей радости репатриантов, когда, сунув взятку Йоселе, посыльному мухтара, для передачи турецкому полицейскому, дежурившему у лаза в крепостной стене, новоприбывшие ныряли в проход и незамеченными проникали в город. Видела Яффа и трагедию обманувшихся в своих ожиданиях сломленных людей, уезжавших из страны — билуйцев и колонистов Экрона.

Хан Манули

В первое время в Яффе не было ни еврейских учреждений, ни дома для собраний и деловых встреч. Их заменял постоянный двор армянина Манули. Еврейские поселенцы оставляли здесь своих лошадей и ослов, привязывали купленных или пригнанных на продажу коров, быков, верблюдов. У хана останавливались так называемые "дилижансы" с юга и севера. Здесь закусывали из корзинки провизией,

приготовленной женой в дорогу, или лепешкой с сардинами, купленными в соседних лавках. Жажду утоляли водой из колонки, поставленной для общего пользования, а те, у кого водилась монета, имели обыкновение "заскочить к Кипнису" — на фабрику зельтерской воды за этой роскошной влагой. Здесь читали вслух газету на иврите или "Рассвет" — на русском языке. Здесь собирались на совещания первые общественные деятели и организации, находившиеся в самом начале своего пути.

Центром хана была лавка Иехезкеля Соковольского, позднее переименовавшего свою фамилию на Данин. Среди мешков с картошкой и бочек с селедкой, жестяных банок с сардинами и стеклянных с леденцами слышались горячие речи, полные мечтаний и надежд. "В лавке Соковольского было нечто вроде клуба халуцов, там мы дышали сионистским воздухом — и все как один находились под влиянием неповторимой личности хозяина", — писал один из основателей Ришон ле-Циона Зерубавель Хавив.

Если бакалейная лавка Иехезкеля Данина служила местом собрания людей, задававших тон в поселенческих делах, то галантерейный магазин братьев Рабиновичей был местом встречи молодежи. Здесь пылали страсти. Здесь же в 1894 году появился на свет и еврейский театр. Молодые певцы из Яффы и разных поселений разучили под управлением билуйца Хаима Хисина оперетту Гольдфадена "Суламифь". Спектакль проходил в цеху механической фабрики Штейна. Собралось сорок человек. Судьба героини оперетты вызвала восторг и слезы зала. Второе представление, увы, не состоялось из-за дождя, погубившего декорации.

"Дилижанс" начал уступать место автобусу на дорогах Эрец-Исраэль только после первой мировой войны. Патриархом конного общественного транспорта был рабби Давид

Гисин, знаток Священного писания, в прошлом резник и мозль (лицо, совершающее обрезание), а также инспектор кашерности на винодельне, видный еврей с окладистой бородой, которого из уважения никто не звал кучером, а только по имени: рабби Давид. "Дилижанс" в Эрец-Исраэль представлял собой не что иное, как обыкновенную телегу, превращенную в повозку с помощью установленных на ней скамеек. Рабби Давид не церемонился со своими пассажирами. На выезде из Яффы, как только караул турецких солдат оставался позади, он провозглашал: "Здесь плачут!", и каждый едущий знал, что это означает: быстренько слезал с "дилижанса" и по разбитой дороге тащился за повозкой до Микве-Исраэль, пока рабби Давид не кричал уже другим, приветливым и веселым голосом: "Здесь веселятся!". Простаку, интересовавшемуся, долго ли придется ехать, рабби Давид ронял: "Полчаса". Насладившись изумлением пассажира, которого предупредили, что поездка займет не менее двух-трех часов, пояснял: "Едут полчаса, остальное время идут пешком".

По расписанию отправление из Ришон ле-Циона и из Яффы было в восемь часов утра. В три часа дня "дилижансу" полагалось вернуться назад. Однако никто не торопился. Рабби Давид слонялся по лавкам, закупаая по заказам женщин нитки и иголки, керосиновые лампы, тарелки, стаканы, кому что надо, без спешки, с прохладцей, так же вели себя и пассажиры. "Люди опытные приходили к "дилижансу" в пять вечера и никогда не опаздывали", — рассказывает Давид Юделович, один из первопоселенцев.

"Потеснимся, Мотеле, потеснимся..."

В хане Манули было отведено определенное место

для иногородних, нуждавшихся в медицинской помощи. Больных и раненых, привезенных из поселений на осле или в телеге, укладывали в тени под навесом, в углу двора, и там они дожидались, пока разыщут яффского доктора или освободится койка в маленькой яффской больнице "Шаарей-Цион". Этот угол постоянного двора перевидал на своих циновках интереснейших еврейских типов, никому не известные бедняки оказывались бок о бок с местными знаменитостями, какой-нибудь Янкелесолдат лежал рядом с Йозлем Моше Соломоном или Давидом Шубом.

Про Йозля Моше Соломона сложены песни, но кто помнит лучшую половину рабби Мотеля Дискина? Кто помнит Мотелиху? После того как в Иехудии лопнули их мечты жить и кормиться земледелием, она открыла близ хана галантерейную лавку. Комнату, снятую ими в доме у араба, она надраила до блеска, так же как некогда свою глиняную мазанку в Иехудии. Мотелиха начала брать к себе недужных, томившихся в хане под навесом, и ухаживать за ними. Она не забыла, как ее благоверному довелось валяться там на дворе среди верблюжьего помета. Когда "медпункт" хана, а следовательно и комната Дискиных, переполнялись до отказа и рабби Мотель начинал уже почесывать затылок, Мотелиха пресекала его сомнения непреклонным тоном: "Потеснимся, Мотеле, потеснимся!..".

Такова была первая "скорая помощь".

Сады Яффы

История всемирно известного ныне яффского апельсина связана с древним зеленым поясом вокруг города, упоминание о котором мы находим еще в летописном рассказе о том, как Ричард Львиное Сердце преследовал войска

Салах-ад-дина. Чтобы заблаговременно лишить наступавших франков защиты крепостных стен, Салах-ад-дин снес укрепления Кейсарии, Ашкелона и Газы, а в Яффе разрушил и дома, но сады не тронул. Ричард Львиное Сердце не нашел кровли для ночлега среди сплошных развалин, но зато был вознагражден "изобилием фиг, винограда, гранатов и лимонов".

Спустя восемь столетий Яффу осадил Наполеон, занявший город после трех суток артиллерийского обстрела. Французы укрылись в зеленом поясе вокруг крепостных стен, и врач, находившийся в рядах военной экспедиции Наполеона, записал: "Лес золотых яблок на плантациях скрывал наши передвижения и служил нам единственной защитой от огня противника".

За шестнадцать лет до Наполеона мамелюки — гвардейцы египетского султана Али Бея, набравшиеся из рабов тюркского и кавказского происхождения, — осадили Яффу во время мятежа, поднятого султаном против турок. Мамелюки стояли под стенами Яффы целых восемь месяцев и свели за эти месяцы все рощи пальм и апельсинов. И тем не менее, как отмечает французский путешественник, побывавший в Яффе вскоре после ее разорения, даже мамелюки "не могли лишить Яффу ее обильных вод, и корни, благодаря воде, пробудились к новой жизни".

Пояс апельсиновых рощ вокруг города простирался вширь на два-три километра. "Я бы рассказал об апельсинах Яффы, но ведь они уже появились на столе западноевропейских королей", — заметил в своих записках голландский морской офицер, которому довелось пройтись по этим рощам в середине прошлого века. Прошли годы, и английский консул в Яффе отправил посылку, адресованную королеве Виктории: ящик необыкновенно сочных и вкусных апельсинов

неизвестного дотоле сорта, обнаруженного в одной из яффских рощ.

Так началась мировая слава апельсина сорта "шамути", известного во всем мире под названием "яффского апельсина".

Иехуда Рахав (второй слева в верхнем ряду) в окружении молодежи. В 1878 г. И.Рахав проложил первую борозду на земле Петах-Тиквы.

והנה כי אדם חלקי קני אפודי וסבב קליד ליהודי דוד
ולבני ישראל וסבב ולקח קני אפודי וסבב קליד ליהודי

ספר הזכרון גודל ארץ לאלה ואלק הארץ בטחלה

וזק יושל הגודל. ומה משפטו - יצא.
איש על רגו וזיש על מקומו וחק לזכרון בהספר
על דף אחר וזש חלקו כגודל, ובהרשים אחר
מקדום יכואו לזכרון ככר בחיוב, לקחת חלק בנחלתו או
יבקע או יקבל בנחלתו, או יפול לו סדוק, יכתב בורה
קצר הכזה על דף המסומן זכות חלק, ומכלעדי זה אין
מה לא בהספר ולא בנחלתו, וכל מה שיגלה ויכחז על
כל חלק מחלקי הנחלה חק לזכרון על דף א. על
באות פעול, במהרה כימיו, חזק.

על אפודים וזל בית ישראל חכמי: וקרב אדם אפודי אל אהרן לזקן אהרן
לאפודים בידו: ודבר אלהים בהאמר אהרן בן נתן אהרן לזקן אהרן בני ישראל ככר

לזקן אהרן בני ישראל ככר אהרן לזקן אהרן בני ישראל ככר אהרן לזקן אהרן בני ישראל ככר

לזקן אהרן בני ישראל ככר אהרן לזקן אהרן בני ישראל ככר אהרן לזקן אהרן בני ישראל ככר

Первая в истории поселенчества книга записи земельных владений.

Групповая фотография консулов, представлявших иностранные державы в турецкой Палестине. Яффа, 1905 г. (Во втором ряду чиновники консульства, в третьем — кавасы-телохранители).

Семья переселенцев возле своего дома.

Такие стены сооружались вокруг первых еврейских поселений в Самарии и Галилее.

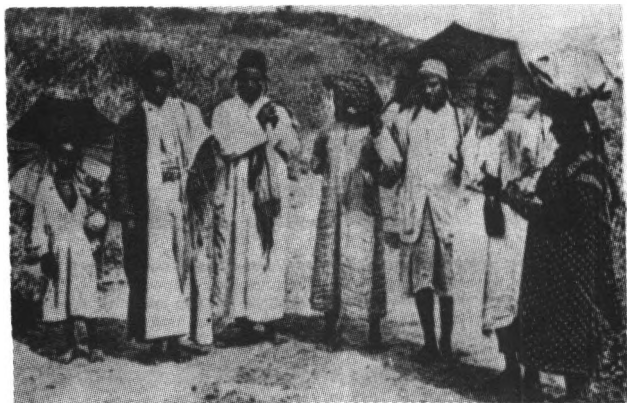

Караван верблюдов пересекает мост Бнот-Яков. По этой дороге шли из Цфата будущие основатели поселения Бней-Иехуда.

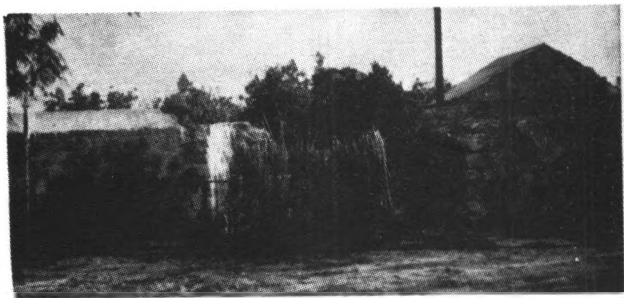
Поселенцы собирают тростник для постройки шалашей в Йесуд ха-Ма'але.

Переселенцы из Йемена.

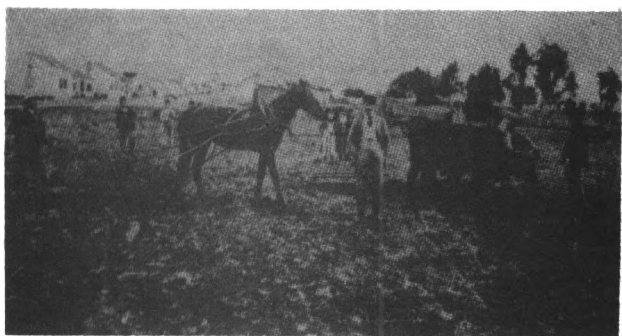

Метула (вверху) и Зихрон-Яков (внизу) в первые годы существования.

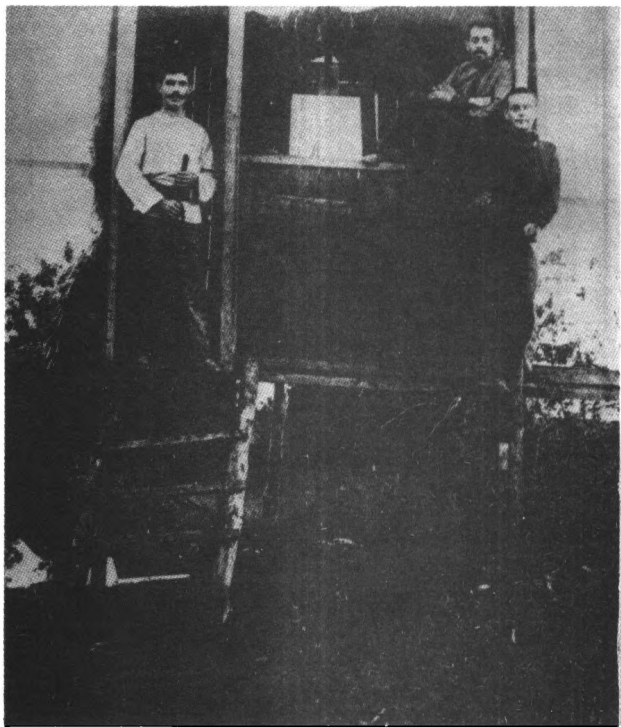

Жители поселения Мазкерет-Батья на фоне своих домов.

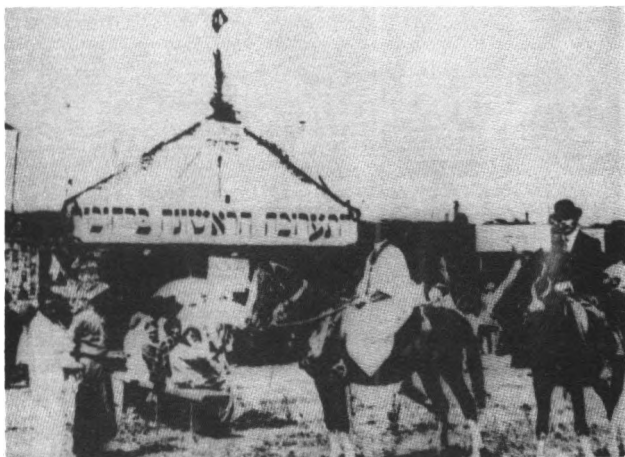
Служащий баронской администрации инспектирует работу поселенцев Беер-Товии.

Билуцы охраняют Гедеру. Здесь в столкновении с соседями-арабами был убит Исраэль Розман (Калугер).

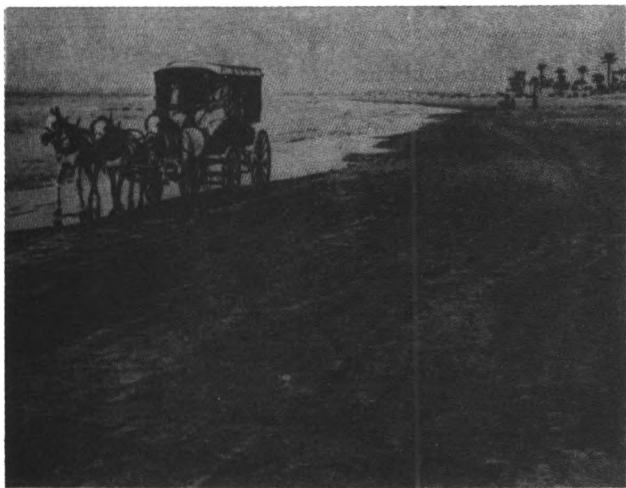
Члены организации ха-Шомер

Первая сельскохозяйственная выставка в Реховоте.

**Т.Герцль (крайний справа) в Ришон ле-Ционе, во время посещения
Эрец-Исраэль. 1898 г.**

Дилижанс, ходивший из Хайфы в Яффу в начале XX в.

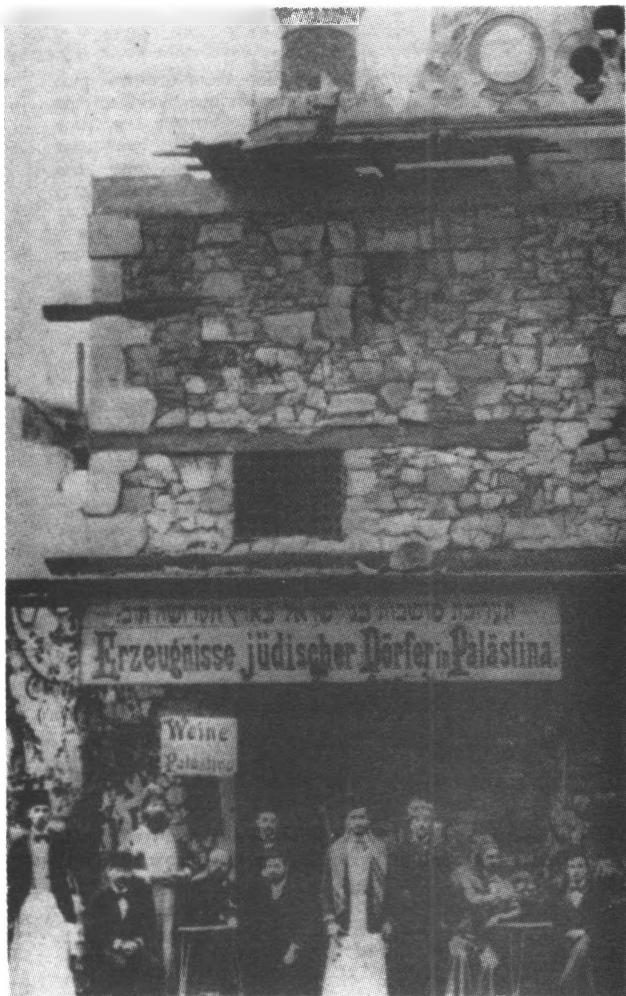
חוקי חובבי ציון

סעיף חמשה עשר, חוקי ציון, חוקי חובבי ציון
אשר הוציא הו"ד קטשטאל, חוקי חובבי ציון
אשר הוציא הו"ד קטשטאל, חוקי חובבי ציון

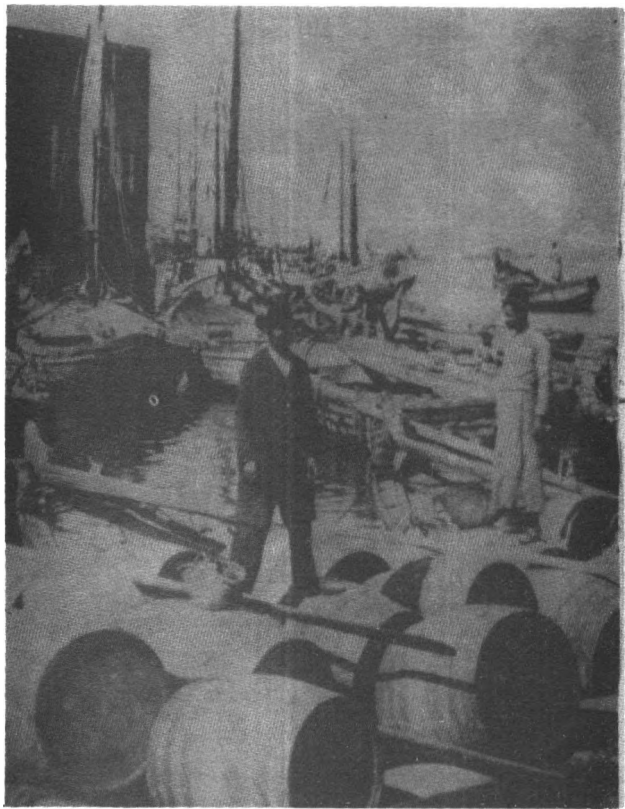
- א) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ב) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ג) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ד) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ה) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ו) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ז) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ח) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- ט) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון
- י) חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון, חוקי חובבי ציון

Устав общества Ховевей Цион, принятый на учредительном съезде в Катовицах (написан от руки Шаулем Пинхасом Рабиновичем). 1884 г.

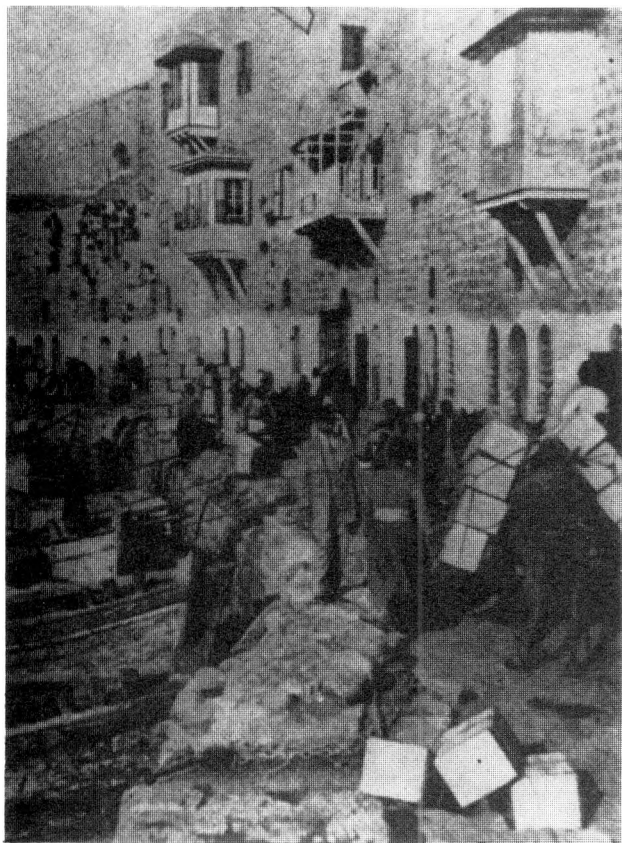

В 1896 г. по инициативе Сионистской организации в Германии началась выставка продукции первых еврейских поселений в Палестине. На фоне павильона, оформленного в восточном стиле, стоят руководители сионистских организаций Германии.

Начало экспорта вина из Эрец-Исраэль.

Яфский порт в начале XX в.

СИЛА ДУХА И ДЕНЬГИ

”Сионисты и я были подобны роющим туннель: хотя мы начинали с разных концов, нам суждено было встретиться”.

Биньямин Ротшильд.

”Колонизация”

Ученые, надо думать, знают, с каких пор в иврит вошло слово *хит'яшвут* — заселение земель. Отцы первых поселений его не знали, они пользовались словом ”колонизация”. Даже те, кто принадлежал к алии, все еще продолжали называть созданные ими поселения **к о л о н и я м и** — пока не наступила эпоха, когда слово ”колонизация” превратилось в неперенный ругательный придаток слова ”империализм”.

Возможности колонизации сокращались в обратной пропорции к ее темпам — покупка земель столкнулась с усиливающимся арабским национализмом. Многие было упущено. Современник, раскрыв сегодня старый номер выходившей в Варшаве еврейской газеты ”Ха-цфира”, не поверит своим глазам: в апреле 1885 года — на третьем году возобновления поселенчества в Галилее и Иудее, редактор газеты Слонимский рассказывает, что, по сообщениям из Цфата, ”евреев дожидаются большие земельные пространства” и что даже после продажи части земель в Изреельской долине и в окрестностях Нацерета (Назарета) ”господину Сорасии, а также тамплиерам и монахам христианских монастырей” осталось столько земли, что можно расселить тысячу семей, а то и больше. Арабские землевладельцы, дескать, проходу не дают цфатскому корреспонденту газеты, умоляя сыскать покупателей на земли.

Перечень убедительный: Кфар-Кадеш в горах

Нафтали — "сорок тысяч дунамов пахотной земли, пять дворов, родник, тысячи маслин и фиг"; половина деревни Гуш-Халав, "относительно которой ведут переговоры Ховевей-Цион", а при ней среди прочего "двести виноградников, семьдесят пять полей под табаком, более ста токов и более ста пещер, пригодных для превращения в кладовые". Затем Кфар-Мадждель при дороге в Тверию, Кфар-Нахум (Капернаум) на Киннерете и Генисаретская долина внизу, Кфар-Ба'арум (иначе Бар'ам) и Саса наверху, в горах.

В то время как арабы-землевладельцы искали покупателей, а еврейские переселенцы мучительно привыкали к новым местам, евреев диаспоры беспокоил другой вопрос: "Ведь мала она, Эрец-Исраэль, как ей принять в себя весь еврейский народ?" — сомневались билуицы. И верные Сиону, умудренные опытом еврейские деятели в России были готовы, ввиду угрозы погромов, удовлетвориться другими местами на земном шаре, или, как в то время говорили, "территорией" — "добиваться специального места для всех бесприютных и обследовать его... так чтобы со временем оно приобрело все права государства" (прокламация минского общества "Киббуц нидхей Исраэль" ("Собрание рассеянного Израиля"), изданная в 1882 году). Вместе с тем категорически заявлялось, что "только трудясь на земле, сможет народ укорениться на ней... только так сумеет он омолодиться, набрать силу".

"Территориальная идея", предполагавшая получение законных прав на какое-нибудь место на земном шаре в качестве "ночлежного приюта" для евреев, — т.е. идея замены одного галута на другой, — успеха не имела, как и позднейший "угандийский вариант" Герцля. Но известия из Эрец-Исраэль вызывали тревогу. В августе 1889 года, то есть на седьмом году существования первых поселений, в газете "Ха-маггид" было

напечатано письмо старосты Рош-Пинны Иехошуа Бен-Арье, в котором этот оптимист пытался сгладить болезненное впечатление от сообщений "о состоянии колонизации... продвигающейся черепащим ходом, в то время как в поселениях одни лишь ссоры и раздоры". Иехошуа Бен-Арье успокаивает своих единомышленников в галуте: "Прочный фундамент для новой колонии закладывается не вдруг... требуется много времени, изрядное терпение, да и немало денег".

Эта формула сохраняет свою силу по сегодняшний день: сила духа и деньги.

Рождение потока

Как ни удивительно, идея сельскохозяйственной коммуны — внимательный читатель, возможно, заметил это в первых главах — родилась, обсуждалась, была положена на бумагу и принята единогласно "всеми, как одним человеком" не в каком-нибудь другом месте, а в богомольном Иерусалиме. В этой книге уже рассказывалось о несостоявшемся проекте основать близ Рамлы Кфар-Моше, село, названное в честь Моше Монтефиоре. Проект был подробно изложен Мордехаем Соломоном в записке, которую он послал своему знатному английскому соплеменнику во время второго путешествия Монтефиоре в Эрец-Исраэль в 1839 году. Хозяйство села должно принадлежать всему обществу и управляться десятью честными и праведными людьми. Они же будут распределять урожай и доходы, учитывая численность семейств. Трудовой устав предусматривал деление людей на четыре рабочие группы, ежемесячно сменяющие друг друга на разных видах работ: охрана, пастьба, полевые работы, уход за скотом, домашнее хозяйство и пр. Словом, на языке

современной политэкономии предлагаемый устав можно свести к известной формуле: "От каждого по способностям, каждому по потребностям". В заключение Соломон сообщал: "Эти порядки были доведены до сведения наших братьев в Иерусалиме, и те незамедлительно ответствовали, что от всего сердца согласны так жить и готовы перенести свои шатры в село".

С того времени уткло три десятилетия. На узком иерусалимском горизонте появился Карл Неттер, посланец парижского переселенческого общества, и, как мы помним, выступил с взволнованной речью перед евреями, призывая их покончить с иждивенческим существованием. Неттер привез с собой план создания сельскохозяйственного училища Микве-Исраэль. По идее, при Микве-Исраэль должно было постепенно сложиться поселение. И вот оказывается, что Неттеру была подана подробная записка относительно предполагаемого поселения. Ее составил рабби Зеев Калишер, сын одного из основоположников сионизма раввина Цви Калишера. В записке говорилось, что три тысячи иерусалимских евреев готовы переменить иждивенчество на трудовую жизнь, устав которой он сформулировал в 41 параграфе. Первый же из них звучал так: "Каждое лицо и каждая семья, которые будут приняты в колонию, обязаны сдать администрации хозяйства под квитанцию, зарегистрированную в конторских книгах, все свое имущество, и прежде всего — свои деньги".

Киббуц в чистом виде.

"Деньги — обманчивый идол, — провозглашал девятый параграф. — Чтобы показать его тщетность, членам колонии следует обеспечить все..., что человеку необходимо". Параграф распространяет это правило не только на жителей поселения, но и на инспекторов — "внутренних наблюдате-

лей". Помимо того, что и они не получают денежного вознаграждения, им еще вменяется в обязанность доказать, что свою должность они получили благодаря бескорыстной преданности делу — "из любви, не зависящей от личного интереса". Устав уделяет внимание разным практическим деталям. Например, форма одежды: "Простые платья турецкого покроя". Кухня должна быть устроена так, чтобы "варить на всех". Следует позаботиться о "большом помещении для трапез". Коммерческие операции хозяйства — закупки и торговля — могут вестись только с разрешения администрации. "Запрещается запира-ть двери, чтобы приучить людей к честности". И в заключение: "Следует играть музыку в честь Всевышнего и ради веселого настроения".

Этот устав был написан за 14 лет до теоретического решения билуйцев жить в Эрец-Исраэль "по законам абсолютной коммуны". Осуществилась же иерусалимская утопия 70 лет спустя в нижней Галилее — в Дганин.

Дела, между тем, шли худо. Самых первых прогнала малярия. Оставлена была Петах-Тиква, многие считали — навсегда. "Белостокцы", переселенцы из Польши, будущие восстановители Петах-Тиквы, еще не появились на горизонте. Хотя до переломного 1882 года с его колониями, приездом билуйцев и алией из Йемена оставался всего один год, никто и не мечтал о таком сдвиге. Однако набожный Иерусалим, колыбель халуцианской инициативы, не успокаивался. Там возникла новая группа: "Общество братьев для основания поселений в *Эрец ха-Цви*"⁶⁹.

Всякий, кто внимательно прочтет устав общества, обнаружит за метафорами его архаического слога идею полного обобществления имущества, в теории и на деле, что, кроме всего, должно было служить заслоном от искушения просить помощи у филантропов галута, — то есть от практики,

которая продолжает существовать по сей день. "Общество братьев" намеревалось основать поселение первоначально в составе сорока человек, которым поручалось заложить основы для его расширения. Новые поселенцы, полагало общество, придут из галута. И с тех и с других предусматривалось брать взносы в общую казну: с местных — французскими наполеондорами, с галутных — русскими рублями. Отличие состояло в сроках поселения. Первые сорок обязывались уставом "всем своим существом предаться делу обработки земли" и в течение по меньшей мере шести лет, а то и более, — если большинство примет соответствующее решение, — жить и трудиться на основе полного равенства между собой и еще содержать в течение этих шести лет двадцать сирот за свой счет, "воспитывая в них привязанность к земледелию и благочестие". Что касается членов второй группы, аккуратно вносящих свой ежегодный взнос в размере двух рублей, то "все необходимые для обработки земли орудия" они получают бесплатно.

После записки Мордехая Соломона, поданной Монтефиоре в 1839 году, и проекта, представленного Карлу Неттеру в 1868 году, в стенах ортодоксального Иерусалима в третий раз была выдвинута программа сельской коммуны, теперь уже развитая до задачи заложить материальную основу для будущей еврейской репатриации, так чтобы переселенцы могли ступить на подготовленную для них почву...

Первые поселенцы видели в коммуне не столько социальную идею, сколько средство максимального сплочения своих сил. Так начинали в Петах-Тикве четверо участников группы *Шевет-ахим* — семья братьев, и продолжили белостокцы из общества *Ахвâ ве-аводâ* — Братство и труд,

восстановившие колонию. Отцы Ришон ле-Циона также "составили для общины правила по системе коммуны — что землю не поделят, а обрабатывать будут вместе". Кроме этого замечания, в дневнике Ахарона Мордехая Фреймана, одного из основателей Ришон ле-Циона, среди педантично зарегистрированных текущих событий встречается и такая фраза: "Жизнь в поселении завели по законам коммунизма". Автор дневника окажется первым, кто нарушит "коммунистические" порядки, однако Залман Давид Левонтин напишет в час тягостных сомнений, что Ришон ле-Цион возник только благодаря установке на коммуну, которая сплотила будущих поселенцев, и они "не разбежались на все четыре стороны".

Переселенцы из Румынии в Рош-Пинне и Зихрон-Я'акове, подобно выходцам из России, тоже держались коммуной, пока не преодолели эпоху становления. "Богатый и бедняк равно сдают свои деньги одному казначею", — значилось в уставе Рош-Пинны, ибо в противном случае, если каждый будет заботиться только о себе, "крах наступит незамедлительно".

Низкий поклон Торе

Сионизм как движение с ясно очерченной политической целью оформился на Первом сионистском конгрессе в Базеле в 1897 году. За год до того Герцль опубликовал брошюру под названием "Еврейское государство" — "г о с у д а р с т в о", не менее этого. Отправная точка — политическое действие.

Так, в сущности, завершилась "эпоха малых дел", прекрасная и идеалистическая, однако лишенная размаха, — эпоха Хиббат-Цион. За 13 лет до Базеля, в 1884 году в Катовицах состоялся съезд, который тоже был своего рода сионистским

конгрессом. Съезд был созван для того, чтобы объединить общества Ховевей-Цион, не имевшие общего руководства, в единую организацию имени Монтефиоре — патриарха и патрона колонизации Эрец-Исраэль. Подобно Базельскому конгрессу, Катовицкому съезду также предшествовало появление теоретической брошюры. Это была "Автоэмансипация", написанная доктором Леоном Пинскером и вышедшая в свет в 1882 году. Автоэмансипация — самоосвобождение. Отправная точка — действие.

Но и Пинскера, и Герцля, оказывается, опередили раввины. За двадцать три года (!) до "Еврейского государства" и за девять лет до "Автоэмансипации" иерусалимский раввин Акива Шлезингер опубликовал в 1873 году законченную сионистскую программу, включая государственный флаг и государственные учреждения, армию и флот, внешние связи, только под непривычным на современный слух названием: "Восстановление былой славы или собрание евреев". В полном соответствии со своей программой, автор брошюры основал в Иерусалиме сионистское общество — тайное, из страха перед местными фанатиками, которые, все-таки узнав об этом, наложили на него херем — отлучение. По содержанию и размаху изложенных в брошюре идей раввин Шлезингер вполне мог назвать ее "Еврейское государство".

Национально-освободительные движения XIX столетия воспламенили воображение "великих в Торе" — учителей иудаизма, и вызвали к жизни идею национально-политического возрождения еврейского народа. Иехуда Алкалай из города Самлина в Югославии стал проповедовать "начало Избавления" еще в 1834 году, за полвека до Катовицкого съезда, и занимался этим всю жизнь. Он написал и издал множество работ. Название одной из них: "Киббуц галуйот" — "собрание диаспоры" — вошло в лексикон политического

сионизма. Иехуда Алкалай не ограничивался мистическими прозрениями, а выступал с конкретными предложениями. Он говорил, например, о выкупе Эрец-Исраэль из рук турецкого султана, о создании акционерного общества как инструмента заселения страны, о строительстве железных дорог и приобретении паровых кораблей. Не забыт был, разумеется, и еврейский флаг. Более того, словно провидя развитие исторических событий, Иехуда Алкалай писал: "Страна Британия (объявит) дочери Сиона: "Явился твой Избавитель, вот он!"

За двадцать лет до Катовицкого съезда Ховевей-Цион, в 1864 году, в Германии, два раввина, Цви Калишер и Элияху Гутмахер, основали "Компанию по заселению Эрец-Исраэль" — коротко и ясно.

Перед сефардским раввином из Самлина был пример освободительной войны на Балканах. Ашкеназийские раввины были современниками освобождения Италии и Венгрии и свидетелями борьбы польских патриотов. "У этих народов, по сравнению с любовью к своей родине, за ничто почитались жизнь и имущество, — а мы, сыны Израилевы, которым эта великолепная страна завещана, — неужели уподобимся человеку, лишенному благодати духа?" — говорилось в книге Цви Калишера "Дришат-Цион" — "Мольба о Сионе". Шел 1862 год.

Через восемьдесят с лишним лет после того, как еврейскому народу был брошен этот вызов, "в крови и огне" встало еврейское государство, по примеру народов, "чья кровь и имущество" были принесены на алтарь освобождения, — так, как это видели в своих пламенных мечтах живущие "в шатрах Торы".

Меч Вечного жида

Быстрый, неожиданный, непредсказуемый — таким рисуют нам образ Лассалья — одного из "апостолов" Карла Маркса. Но кто бы мог ожидать, что на заре жизненного пути Фердинанда Лассалья был момент, когда он мечтал возглавить еврейское войско для освобождения своего народа? Сын раввина, променявшего веру на коммерцию, юноша, одержимый жаждой руководить; пылкий влюбленный, убитый в возрасте 39 лет на дуэли, где он защищал честь своей неверной возлюбленной, отвергнувшей его из-за еврейского происхождения; социалист, писавший за три года до своей смерти: "Я больше не еврей, я питаю к ним отвращение, к этим выродившимся детям великого прошлого", — таков был этот человек. Но после кровавого навета 1840 года в Дамаске Фердинанд Лассаль мечтал взяться за меч, чтобы, став во главе еврейских отрядов, отомстить за свой народ. Правда, в бурной карьере вождя немецкого пролетариата пробуждение национального самосознания было лишь кратким эпизодом.

За год до смерти Лассалья, в 1862 году, социалист-теоретик Моше Гесс⁷⁰ опубликовал свой труд "Рим и Иерусалим", в котором писал, что еврейский народ находится на пороге национального возрождения. Это было время метаний еврейской интеллигенции в Германии, исканий пути и искания Бога. Главные страсти кипели вокруг вопроса, что избрать: просвещение и ассимиляцию или национальное спасение. Идеолог эмансипации евреев Моше Мендельсон⁷¹ рассказывает в своих письмах, не приводя подробностей, что в конце века в его адрес пришла своего рода "докладная записка" на тему о возврате еврейского народа на свою родину. А в 1840 году, когда юный Лассаль мечтал взяться за меч, другой еврейский юноша Моше Штейншнайдер основал в Праге студенче-

ский союз для строительства еврейского государства в Эрец-Исраэль. Лишь сорок лет спустя национальное пробуждение охватит круги еврейского студенчества в Москве, где будет выдвинута головокружительная идея: собрать 300 тысяч франков, чтобы выкупить Палестину, — по 25 копеек с каждого еврея. Тогда же возникли кружки билуйцев.

За пятнадцать лет до переломного 1882 года в Стамбул прибыл посланник немецкого еврейства, чтобы получить аудиенцию у султана и добиться его разрешения на покупку земель в Эрец-Исраэль и обещания позаботиться о защите будущих переселенцев от нападений бедуинов. Султан Абд ал-Азиз не принял посланца, раввина Натуника, и того отозвали в Берлин. Тем временем его дело продолжила организация Альянс, основанная в 1860 году в Париже и построившая потом Микве-Исраэль.

В общем, картина "сионизма до сионистской эры" в Германии была следующей. В 1861 году д-р Хаим Лурье основал "Израэлитский союз по заселению Святой земли", который можно считать первой сионистской организацией в истории национального возрождения. Давид Гордон, приглашенный редактировать "Ха-маггид" — первую газету на иврите, печатавшую новости и выходившую с 1856 года в городке Лик на границе Пруссии с Россией, впервые превратил мечту о возрождении в ясную концепцию, национально-историческую и светско-политическую. Ассимилянты на страницах своего журнала "Израэлис" в Майнце, равно как и ультраортодоксальные круги Иерусалима, в своих писаниях соединили усилия для отпора идее политического решения еврейского вопроса. Однако Хаим Лурье, имя которого до сих пор почти неизвестно, не ограничился рассылкой сотен пропа-

гандистских писем от имени своего союза. Он отправил в еврейские общины посланца, рабби Аврахама Лихта, добровольно предложившего свои услуги. Последний взялся объехать места проживания евреев, пропагандируя идею национального возрождения. В сущности это был первый сионистский агитатор. Движение в Германии было чисто идеалистическим. Оно выступало, прежде всего, в защиту вечных ценностей, национальных и религиозных. И тем не менее, а может быть, именно поэтому, оно нашло отклик в массах.

Основы были заложены на европейском Западе. Пробуждение началось с Восточной Европы.

Сто тысяч обращений к Киру⁷² нашего времени”

После убийства царя Александра Второго по России прокатилась волна погромов, начиная с Пасхи 1881 года и до весны 1882 года. Двести общин были разорены, целые местечки сожжены, десятки евреев убиты.

Сегодня, после гибели миллионов, с одной стороны, и героических восстаний в гетто — с другой, после Войны за Независимость, отстоявшей только что провозглашенное еврейское государство, трудно себе представить панику, вызванную погромами. Однако сто лет тому назад десятки тысяч евреев, распродав все свое убогое имущество, двинулись в сторону границы, а в яростном споре о том, куда следует направить массы — в Америку или Эрец-Исраэль, начало складываться национальное самосознание.

Крупнейший еврейский поэт эпохи Иехуда Лейб Гордон, призывая к исходу из России (“Встань, моя сестра Рухама, и пойдем!”), в споре о направлении исхода занял выжидательную позицию и не осмелился влиять на выбор. Союз

еврейской интеллигенции в России "Вечный народ", под давлением ситуации в пограничных городах, где тысячи беженцев легли бременем на местные общины, командировал своего посланца в парижский Альянс с просьбой организовать строительство колонии для беженцев... именно в Америке. Одновременно начали организовываться евреи в общинах, не затронутых погромами, где выбор был сделан в пользу Эрец-Исраэль. Организовывавшиеся в то время союзы и общества назывались самыми разными именами: "Вечный жид", "Ѓива", "*Бней-Брит*" (Сыны Завета), а также "Зрубавел", "Эзра и Нехемия"⁷³, но чаще всего — с упоминанием Сиона: "Бней-Цион" (Сыны Сиона), "Ахават-Цион" (Любовь к Сиону), "Ахврат-Цион" (Сионское братство), "Доршей-Цион ве-Иерушалаим" (Ревнителы Сиона и Иерусалима).

А в Москве сын бедняков, разбогатевший на торговле чаем, купец Клоникус Зеев Высоцкий основал общество, названию которого суждено было войти в историю: "Хиббат-Цион" ("Любовь к Сиону").

Мучительный вопрос евреев, поднявшихся со своих мест, — куда? — получил однозначный ответ из Лондона, из уст англичанина Лоуренса Олифанта, который провел несколько лет в коммуне христиан в Калифорнии, разочаровался, отправился в путешествие по Святой земле и написал затем книгу, призывающую поселить евреев в Трансиордании — "в земле Гилеадской". Погромы 1881 года побудили его учредить в Лондоне комитет, весьма влиятельный, благодаря вошедшим в него видным общественным деятелям, который согласился действовать в пользу поселения евреев в Палестине, если русские евреи этого захотят. Олифант с женой отправились в поездку по центрам еврейской жизни. Берлин и Вена отвергли его предложение, заявив, что беженцы хотят в Америку. Но идею англичанина поддержал Перец

Смоленский, редактор журнала "Ха-шахар" ("Рассвет").

Больше всего, однако, сделала крылатая молва. Из города в город полетели слухи о спасителе евреев, который купил в Эрец-Исраэль большие земельные площади и готов предоставить их каждому желающему. Обращаясь к Олифанту, евреи начали именовать его в священном трепете "Мессией Израиля". А Моше-Лейб Лилиенблюм называл его более скромно: "Кир нашего времени". Когда один из глав одесской общины и член "Хиббат-Цион" рабби Аврахам Константиновский поехал в Лондон на беседы с Лоуренсом Олифантом, он поместил в газетах призыв к землякам оказать ему моральную поддержку присылкой писем соответствующего содержания. Это вызвало лавину писем и сто тысяч подписей под петицией на иврите, составленной редактором газеты "Ха-маггид" Давидом Гордоном, где, в частности, говорилось: "Всем сердцем лелеем мы мечту о земле предков наших, и Бог нас упаси от другой страны".

После девяти лет полулегального существования был официально утвержден устав Хиббат-Цион в России, где задача движения определялась как "поддержка евреев в Сирии и Палестине". Споры и колебания прекратились, и проклятый вопрос: "куда?" был снят. Сформулирована была в уставе также совершенно определенная цель: "Обучать евреев земледелию..., превратить их в единую нацию, сознающую и уважающую свое достоинство".

"Молодой человек, который тоже барон..."

Во Львове и Бродах сидели под открытым небом десятки тысяч бесприютных евреев, бежавших в

1881-82 гг. с юга России от погромов. Еврейские общественные деятели Запада, собравшись во Львове на совет, решили оказать беженцам помощь для эмиграции в Америку. Раввин Шмуэль Могилевер пытался переубедить участников совещания, с тем чтобы повернуть поток беженцев и материальные ресурсы в сторону Эрец-Исраэль. Его не слушали.

Раввин, однако, не сдался. Через год он поехал со своей проповедью строительства поселений в Эрец-Исраэль по немецким городам. Опять без особого успеха. В Германии он узнал, что из России в Париж приехал барон Гораций Гинцбург и что, по слухам, он собирается основать в Святой земле поселение и поселить там пятьдесят семей беженцев. Могилевер поспешил к Гинцбургу в Париж, как оказалось, лишь затем, чтобы убедиться, что слухи оказались ложными. Барон пожимал плечами и ровно ничего не обещал.

Тогда Могилевер пошел в Альянс и попробовал убедить администраторов вынуть из-под сукна свои поселенческие планы 12-летней давности, когда строилось училище Микве-Исраэль. Его собеседники, выбирая вежливые выражения, ответили, что русские евреи — лодыри и потому не пригодны для занятия земледелием. "Вы, французы, судите о нас по тем, кто приходит с протянутой рукой, в то время как большинство хочет кормиться своим трудом", — сказал раввин.

После разговора с Гинцбургом и посещения Альянса Могилевер излил свои горькие чувства перед главным раввином Франции Цадоком Хакохеном. "Коль скоро русский барон не внял вашей просьбе, — сказал Хакохен, — вам, может быть, стоит побеседовать с одним молодым человеком. Он тоже барон..."

Встреча, устроенная Цадоком Хакохеном, состо-

ялась в 1883 году в праздник Суккот. Могилевер оставил ее описание, начинающееся так: "Барон Ротшильд протянул мне руку и холодно-вежливым жестом указал на кресло... Вежливости ради, тем же холодным тоном он поинтересовался: "Что вас привело ко мне, рабби?". Беседа велась на немецком языке". Раввин понял, что по традиционному кафтану его приняли за очередного просителя подаяния, и встрепнулся: "Я раввин старой школы, привычный говорить языком притч и сентенций, уж не взыщите...". Ротшильд рассмеялся, просветлел и "сказал доброжелательно и сердечно: "Я вас выслушаю с удовольствием. Если речь идет о деньгах, вы можете просто назвать сумму... Если же о душе — мне придется поразмыслить...". В эту минуту "молодой человек, который тоже барон", сделал свой первый шаг в вечность.

Год спустя, в 1884 году, председательствуя на съезде Ховевей-Цион в Катовицах, Шмуэль Могилевер выступил с программной речью, построенной на образе "сухих костей" из видения пророка Иехезкеля. К тому времени он уже имел при себе письмо от раввина Цадока Хакохена из Парижа. Главный раввин Франции, которому суждено было стать при Ротшильде как бы голосом сионистской совести, писал с согласия барона, но не упоминая его имени, так как Ротшильд все еще хотел, чтобы его участие сохранялось в секрете: "Возлюбленный господин мой и раввин! Если с Божьей помощью предприятие в самом деле окажется удачным, то двигаться дальше по этому пути будет легче...".

Деятельность Ротшильда на благо Эрец-Исраэль продолжалась более полувека. После смерти Ротшильда все его предприятие и все земли стали народным достоянием. Но еще при жизни он превратился в легенду.

Та же эпоха отмечена деятельностью и другого человека широкого размаха, щедрого, инициатив-

ного — барона Мориса Гирша. Его посланец посетил Эрец-Исраэль еще до приезда Ротшильда, но Гирш не захотел иметь дела со "страной, поедающей своих жителей", и занялся поселением евреев в Аргентине — к несчастью последних. Лишь много лет спустя после смерти Гирша, когда расчет на Аргентину себя не оправдал, остатки средств из фондов основанного им Еврейского колонизационного общества (ЕКО) были переведены в Эрец-Исраэль. Гирш говорил о новой еврейской родине, однако в действительности дело его жизни свелось к обычной филантропии.

"Известным филантропом", "щедрым жертвователем" называли в ишуве и Ротшильда, но его заслуги выходят далеко за пределы филантропии. Именно Ротшильд заложил экономическую основу будущих еврейских политических позиций в Эрец-Исраэль.

Он признался Моше Шарету: "В своем воображении я видел картину большого и сильного еврейского ишува, хотя никогда об этом не говорил". Всегда он боялся лишних слов, всегда верил в политическую силу работы без шума. "В России и Румынии множество евреев несчастны, но мы им помочь не можем, — сказал он Залману Давиду Левонтину, основателю Ришон ле-Циона. — В основе моих действий лежит другой нравственный критерий: я пришел к убеждению, что путь к спасению еврейства нам следует искать только в Эрец-Исраэль".

Его порочили, оговаривали, выставляли надменным богатеем. Ведущие идеологи и политические деятели подчас не понимали его намерений. Ротшильд не возражал, не спорил и не оправдывался. Он возвратил еврейскому народу 400 тысяч дунамов земли, пытался выкупить у мусульман Стену плача, десятки основанных им населенных пунктов были намеренно распределены по всей стране и образовали нашу политическую карту.

Только через 60 лет после начала его поселенческой деятельности организованный сионизм сумел выйти за пределы территории, охваченной его колониями. Ротшильд проектировал строительство морского порта около Хадеры. Он стремился заложить основы индустрии. Его воображение не ограничилось водным рубежом Иордана: по его распоряжению были приобретены около ста тысяч дунамов в Хоране (хотя эти земли, увы, так и остались пустовать, а затем и вовсе ушли из его рук).

”Я делал это, — сказал он под конец жизни Хаиму Вейцману, — потому что считал, что еврейский вопрос — народа и его страны, — встанет перед форумом наций”. Он хотел, чтобы к этому моменту изменение лица страны стало свершившимся фактом.

”Вся ротшильдовская рать”

При жизни его звали ”щедролюбивый”, в памяти последующих поколений он остался как ”отец ишува”. Его любили. На него нападали. Им восхищались. Его людей, которых он назначил управлять колониями, ненавидели. Их называли безличным словом *пкидут* — начальство, служащие. Перед ними пресмыкались. Против них бунтовали. Примирялись с фактом их существования — попробуй не примиришься, но простить им не простили ничего.

Об этом времени написаны тысячи слов, но трудно найти равные по силе словам Ахад-ха-Ама: ”Будучи в Ришон ле-Ционе, я отправился нанести визит управляющему. В прихожей его дома я застал старейшин поселения, которые стояли обнажив головы, дожидаясь, когда господину вздумается к ним выйти и выслушать их просьбу. В ответ на мой вопрос, долго ли уже они

так стоят, один из них горько вздохнул: "Так мы стоим восемнадцать лет...". Крепостничество во всем блеске".

Впервые Ротшильд приехал в страну в 1887 году, на пятый год существования основанных им поселений. Было ему тогда всего 42 года. Обращаясь к поселенцам Зихрон-Я'акова, он сказал: "Мы с вами еще сподобимся увидеть собрание диаспоры". Однако большинство его служащих считали себя исполнителями причуд упрямого и своенравного богача. Отсюда вытекало их отношение к своему положению и поведение с другими. Трудно поверить, что они нарочно вредили обществу, становление которого происходило у них на глазах. Всего вероятнее, ими руководило ощущение, что золотой мешок, не найдя лучшего применения своим деньгам, пускает их на ветер, раздавая тунеядцам. В них взыграла спесь. Когда Шейд, главный ротшильдовский управляющий, — рассказывают крестьяне Галилеи, — раз в году объезжал страну, его сопровождала большая свита, целый поезд фазтонов и богатых карет. Процессия следовала через Цфат вечером, и его жители должны были выставлять на подоконники лампы, дабы "осветить всесильному его путь и возвеселить его сердце одному ему подобающим приемом".

Чтобы представить себе, какой была администрация барона, достаточно сказать, что в Ришон ле-Ционе на 30 виноградарей приходилось 54 должностных лица, а в Зихрон-Я'акове в 1899 году на 123 семьи земледельцев — 65 семей чиновников. Было время, когда баронская контора Зихрон-Я'акова насчитывала и 90 должностных лиц! "Цель их приезда в Эрец-Исраэль была нажиться и уехать, — так что ишув управлялся, как маленькое княжество, созданное лишь затем, чтобы удовлетворять потребности княжеского окружения", — в ярости писал А. Ш. Гиршберг, который более года

ездил по стране, собирая материалы для своей книги "Управление новым ишувом в Эрец-Исраэль".

Чиновники жили в поселениях замкнутой господской кастой, обособленной от людей, порученных их заботам. Они давали балы, устроили для себя на берегу озера Хулы "ривьеру" в миниатюре, а в синагоге Петах-Тиквы приказали соорудить ложу, возвышавшуюся над скамьями простых смертных (однажды, в припадке гнева, Иехошуа Штампфер с помощью других поселенцев разнес ее в щепки). В Ришон ле-Ционе они натравливали поселенцев друг на друга по принципу "разделяй и властвуй". Как и положено "колонизаторам", им запрещалось общаться домами с "туземцами" — еврейскими поселенцами. "Поселенец, который в двадцать четыре часа не выполнит наши распоряжения, будет наказан", — гласило объявление администрации Зихрон-Я'акова. "Мертвая тишина воцарилась в поселениях", — писал Моше Смелянский в своей филиппике против администрации. Были запрещены все общественные учреждения, в том числе комитеты. В Ришон ле-Ционе опечатали библиотеку, как гнездо свободомыслия и бунтарства. Запретили собрания, хотя бы и на частных квартирах. В Рош-Пинне поселенцы должны были по очереди исполнять обязанности дворового при чиновнике. Каждый поселенец при встрече с чиновником на улице обязан был ломать перед ним шапку. В Ришон ле-Ционе жителям запретили принимать кого бы то ни было на ночлег без разрешения начальства. На принадлежность к какой-либо организации или для основания какого-либо общества разрешение требовалось уже высочайшее — из Парижа, то есть из административного центра. Власти чиновников на местах было уже недостаточно.

"Мертвая тишина" требовала жертв. Купец первой гильдии Моше Нисан Смутьчинский,

которому в России был открыт доступ в города, где запрещалось проживать евреям, переселившись в Эрец-Исраэль, поставил дело на широкую ногу: виноградники, рощи миндаля и поля пшеницы в Ришон ле-Ционе и в Гедере, дома, подворья и сады. Про таких, как он, говорят: *баал бе-амав*, что означает человека не только энергичного, удачливого и сильного, но еще и заслужившего у окружающих их доброжелательное уважение. Смутьчинский держался подальше от общественной кормушки, от баронской администрации, да и от интриг самих поселенцев. Тем не менее и он страдал от безобразия общей атмосферы. Не о том он мечтал. И однажды, в прекрасный летний день, надев свое лучшее праздничное платье, "счастливчик" Смутьчинский отправился на свой виноградник и, встав в тени лозы, пустил себе пулю в лоб.

Как уже говорилось, предприятие Ротшильда было воспринято многими его администраторами как прихоть денежного мешка, они транжирили его деньги не считая. Сам барон хранил молчание в своей дали. Лишь к концу жизни, встретившись с сионистами лицом к лицу, он позволил себе признаться, что им двигала не филантропия, а национальная задача. Возможно, поэтому он мирился с растратой средств. В записках современников мы читаем, что "напрасным расточительством были одержимы все чиновники и все садовники, точно пораженные инфекционной болезнью, а содержание администрации стоило больше, чем содержание всех поселений в целом, и вся эта огромная сумма списывалась за счет несчастного ишува". Чиновники поступали, как им вздумается. Создавая видимость усиленной деятельности, сажали и выкорчевывали, сажали снова, меняя одни посадки на другие. Первый садовник Зихрон-Я'акова выкорчевал на территории поселения

масличные рощи, испокон веков произраставшие в Эрец-Исраэль, и посадил вместо них саженцы тутового дерева для разведения шелкопряда. Его преемник выкорчевал тут и насадил вместо него персики. Третий садовник свел плантации персиков, разбив на их месте виноградники, но при этом, не обращая внимания на опыт других поселений, посадил лозу, подверженную губительному для виноградников заболеванию филлоксерой. Два года десятки поселенцев работали на рыхлении скалистого грунта под посадки миндаля, а после выяснилось, что место для плантации — склон холма, открытый всем ветрам, — выбрано неправильно и что миндаль на таком месте расти не будет. Спросили бы у местных феллахов, посмеивались над чиновниками за их спиной. Но тем было наплевать. А садовников охватил такой зуд сажать и пересаживать, что они посадили тутовые деревья и на болотах Петах-Тиквы. Пока же налево и направо сорили баронскими деньгами и подавляли всякую инициативу со стороны самих поселенцев. Им полагалось бессловесно подчиняться дисциплине.

В виноградарских поселениях воспрещалось сажать другие сельскохозяйственные культуры. Чтобы посеять немного пшеницы, одному поселенцу из Зихрон-Я'акова пришлось арендовать поле у соседа-араба. Поселенцам запрещалась любая работа на стороне. "Работать за денежное вознаграждение позорно для чад барона", — звучала ханжеская сентенция. Был случай, когда два брата, которым опротивело жить на "франки" (баронское пособие), тайком начали ходить в отхожий промысел; их уличили и оштрафовали. Главный администратор Шейд написал в одном из своих отчетов в Париж, что "из-за своеволия и упрямства поселенцев невозможно привести их к послушанию, пока они с хлебом...". С этим заявлением переключается письмо билульца Менаше Мееровича из

Ришон ле-Циона в Россию в редакцию еврейской газеты: "С нами обращаются, как со стадом, управляя палкой, один конец которой сулит нам скудный хлеб, а другой — грозит изгнанием... Кнут правит, в душе — голод...".

В вопросах "дисциплины" барон всегда принимал сторону своей администрации.

Так она действовала, и самым безотказным ее оружием было прекращение выплаты пособий, обрекающее целые семьи на голод. Пока не капитулируют. Унизить, чтобы не поднимали головы. Так было в Зихрон Я'акове, так было и в Ришон ле-Ционе, когда поселение расколосось на два лагеря: "Союз друзей", готовый поладить с администрацией, и "Борцов за мир", которые призывали к бунту против нее. Когда разгневанный подрывом дисциплины Ротшильд приехал в поселение, навстречу ему вышли и те и другие: "друзья" — приспособленцы в синих рубахах и "борцы за мир" — бунтари, одевшиеся в черное. "Сила ваша не в том, чтобы бунтовать", — увещевал барон непокорных; однако в одном из своих писем, о чем поселенцы, разумеется, не знали, Ротшильд жаловался, что не может найти администрацию, которая бы его удовлетворила.

Об этом первом выступлении в защиту человеческого достоинства и прав земледельца стоит рассказать особо. Оно произошло в Ришон ле-Ционе, причем в центре событий там стоял человек, который в свое время побудил барона Ротшильда начать свое великое предприятие.

Уже через две недели после основания Ришон ле-Циона выяснилось, что поселенцам долго не продержаться, и в диаспору за помощью был отправлен посланец. Он выехал в начале августа 1882 года и через месяц был принят в Париже Ротшильдом.

Йосеф Файнберг, молодой инженер, моложе Ротшильда, "поселил в сердце барона привязанность к ишуву". Из согласия помочь первым поселенцам тридцатью тысячами франков на устройство колодца выросло грандиозное предприятие, результатом которого явились 44 еврейских поселения в Эрец-Исраэль. Однако тому же Файнбергу, который привлек в страну "отца ишува", суждено было схватиться с его служащими, которые измывались над поселенцами, и, пожертвовав собой, уйти в скитания навстречу трагическому концу. Йосеф Файнберг возглавил бунт в Ришон ле-Ционе. Приехав в мятежное поселение, барон призвал его к себе. Состоявшийся между ними разговор заслуживает того, чтобы его причислить к классическим образцам борьбы за человеческое достоинство.

Ротшильд попросил Файнберга оставить поселенцев в покое и покинуть Ришон ле-Цион. "Все ваши миллионы, — ответил тот, — не смогут вынудить меня уйти отсюда". Ротшильд вспыхнул: "В таком случае, вы для меня умерли..."

И тогда Файнберг написал барону: "Позвольте рассказать вам сон, как во сне я стучусь в небесные врата, мол, умер, отворите! Но ангел-привратник говорит мне: "Нет, ты не умер, ты живой". — А как же нет, раз барон решил, что я мертвец?! — Поди скажи барону, отвечает ангел, что не он — Другой вершит жизнь и смерть".

Непосредственным поводом для взрыва скопившегося негодования было изгнание из Ришон ле-Циона Михаэля Гальперина. Протест возглавил Йосеф Файнберг. Началось с того, что многочисленная делегация наемных рабочих и поддерживавших их требования поселенцев отправилась к управляющему Иехошуа Осовицкому, бывшему учителю из Микве-Исраэль, которому власть

вскружила голову, хотя начинал он дельно. Струхнув при виде такого небывалого зрелища, как настроенная протестовать толпа, Осовицкий схватил ружье, выстрелил в воздух и послал нарочного за турецкими солдатами. Взбешенные их появлением поселенцы потеряли остатки робости и выгнали Осовицкого из Ришон ле-Циона. Расплата последовала немедленно: всякая денежная помощь Ришон ле-Циону прекратилась. Обе стороны не уступали. Поселенцы стояли на своем: "Мы или он!". Но голод сделал свое, и они в конце концов пошли на компромисс: Ришон ле-Цион избавился от ненавистного управляющего, а администрация — от смутьяна. Осовицкого перевели в Галилею, а Файнберга выпроводили из колонии на все четыре стороны.

Осовицкий поправил в Галилее свою репутацию, история заселения страны воздала должное размаху его деятельности. А Йосеф Файнберг подчинился призыву руководителей Хибат-Цион — продал землю и ушел, так и не оправившись никогда от нанесенного ему удара и катясь по наклонной к своему трагическому концу. Сначала в Лоде, где оказался первым и единственным евреем, он попытался открыть в компании с одним арабом давальню оливкового масла, потерпел неудачу и переселился в Яффу. Занялся аптечным делом, перепробовал множество других занятий, лишь бы не эмигрировать из страны. Всякий раз он оставался у разбитого корыта, даже когда купил лошадь и телегу и превратился возчика. Тринадцать лет скитался он с места на место, нигде не удерживаясь. Никто не интересовался его судьбой. Старый друг, с которым вместе они основывали Ришон ле-Цион, Залман Давид Левонтин, тоже ушел отсюда. Разочаровавшись, уехал в Россию, вернулся, поселился в Яффе и, найдя работу в

банке, жил уже совсем другой жизнью. Всеми покинутый, Файнберг тяжело заболел. Его привезли на поправку в Иерихон, где однажды соседи, зайдя к нему в комнату, нашли его мертвым. Тело положили на осла, повезли в Иерусалим и похоронили на Масличной горе. В тот месяц, когда Файнберг наконец отмучился, исполнилось ровно двадцать лет со времени его приезда в Эрец-Исраэль. В найденном письме Файнберга, адресованном его приятелю, есть следующие строки: "Я предпочел бы быть заживо похороненным в стране, лишь бы не слышать голоса живых... Честность и справедливость — заржавленное оружие на этом свете... Трудно бороться во имя идеалов правды..."

"За счет барона..."

После того как в 1900 году Ротшильд передал управление поселениями обществу барона Мориса Гирша, прекратила свое существование ротшильдовская администрация. Однако память о ее нравах была так сильна, что присказка "за счет барона", прижившаяся среди поселенцев, сохранилась в языке до сих пор. Халуцы, начавшие эпоху заселения страны на принципах суровейшего самоограничения и самодисциплины, не только попали в униженное положение иждивенцев, но и испытали на себе разлагающее влияние даровых денег, которые текли из Парижа. Уже не надо было вести борьбу за существование: лизоблюдство и покорность администраторам обеспечивали место у кормушки. С первыми урожаями винограда пришло мнимое изобилие — "за счет барона", так как ротшильдовские винодельни скупали виноград по искусственно завышенным фантастическим ценам. Изобилие отравило души не менее связанного с ним унижения.

Одним из самых яростных обличителей порядков, заведенных ротшильдовской администрацией, был Моше Смелянский, летописец ишува под псевдонимом Хаваджа Муса. 16-летним подростком он ушел на болота Хадеры с основателями этой колонии, участвовал в строительстве Реховота и заложил основы Объединения еврейских крестьян. Все годы он старался привить еврейским земледельцам чувство собственного достоинства, выступал против подражания нравам баронских служащих. Его тоскливое от душевной боли перо запечатлело разнузданные балы ришон ле-ционцев, забывших за своим фальшивым благополучием высокие идеалы прошлого. Рассказал он и о "барышнях Шейда", главного ротшильдовского администратора, который во время инспекционных разъездов по стране возил с собой красивых спутниц. Он менял их одну за другой, и за безропотное подчинение им полагалась награда: поездка на учебу в Париж с последующим местом учительницы в одном из поселений... Жизнь "за счет барона" с ее погоней за наслаждениями и наплевательским отношением ко всему на свете породила ту удушливую атмосферу, которую Моше Смелянский назвал "мертвой тишиной".

Позднее, когда это время стало уже историей, нашлись доводы и в оправдание ротшильдовской администрации. Моше Клейнман, редактор сионистского журнала "Ха-олам" ("Этот мир"), отмечает что, хотя по мнению руководителей Хиббат-Цион в России, чиновники барона относились в равной степени враждебно как к ишуву, так и к самой идее национального возрождения, "читая их письма к Иехуде Леону Пинскеру, лидеру Ховевей-Цион, мы не находим никакого основания для такого взгляда". Шмуэль Гирш, например, притеснявший билуйцев в Микве-Исраэль с помощью своего

арабского надсмотрщика — а может быть, испытывавший их на свой военный, жесткий манер, — обернулся их заступником перед Одессой, когда руководители Хиббат-Цион заговорили о том, что билуйцы "стали несчастьем движения". Со временем Гирша пригласили даже возглавить яффский комитет Ховевей-Цион, и Исраэль Белкинд, которого когда-то выгнали из Ришон ле-Циона по приказу того же Гирша, живший теперь среди билуйцев в Гедере, записал: "Ишув одолел его". Гирш "ездил на спинах поселенцев" в ротшильдовских колониях, но тот же Гирш выступил защитником "наших братьев-поселенцев" перед Ховевей-Цион и в письме к Пинскеру восклицал: "Нет, господа хорошие, все поселенцы были в прошлом устроенные люди и не искали подаяния: мысль о благе народа побудила их бросить имущество и взяться за плуг. То, что они вытерпели, под силу только камням!". Именно Гирш обвинил Ховевей-Цион в том, что они "думали о поселенцах ложно" и обзывали их "попрошайками".

Ротшильдовская администрация вела себя деспотически. Сотни служащих барона, облепившие поселения, знали лишь единственного хозяина — главного администратора, через которого доходили до них распоряжения из Парижа. Поселенцы-идеалисты, вернувшиеся в Сион, пережили крах своих идеалов, ломая шапку в баронских конторах. Деятели Хиббат-Цион, нищенская касса которой часто оказывалась и вовсе пустой, унижались перед чиновниками, в большинстве своем людьми без национальных корней, неспособными разглядеть в поселениях выражение национальной задачи. Когда же возник политический сионизм, то и он, как ни парадоксально, долго отказывался признать за поселениями сионистское значение. "Я резко и категорически протестую против всякой попытки увязать воедино сионизм и существующие в Эрец-

Израэль поселения”, — объявил Макс Нордау, идеолог движения. Согласно такой концепции, пока не достигнуто политическое разрешение вопроса, в существовании поселений нет смысла. Ослепленный собственным пылом, Макс Нордау развенчал и побуждения Ротшильда: “Он, погоняющий поселенцев, да что я говорю! — приказывающий им, как господин и владыка, взял на себя ужасную ответственность и один должен ее нести”. Нордау обвинил Ротшильда в том, что тот пытается создать резервацию, заповедник для выведения евреев особого сорта.

В образовавшемся вакууме между сионизмом, занятым поисками пути, и одиночкой, который спасал, строил и содержал поселения, не существовало силы, способной вселить в ротшильдовских служащих хоть толику его духа.

Ротшильд не ведал усталости. Когда он ехал в Эрец-Израэль, — а ездил он туда пять раз в период с 1887 г. по 1925 г., — то всякий раз вез с собой уйму разнообразных экзотических растений на предмет их экспериментального выращивания в стране, так что его корабль изображали в виде Ноева ковчега, плывущего по воде и собирающего для поселений всякой твари по паре. Нельзя сказать, чтобы администрация не старалась угнаться за ним. Посадки вечнозеленой растительности на тысячах дунамов поражали гостей, восхищавшихся оазисами среди пустоши. Если администрация Ротшильда и просадила огромные суммы на бесконечные эксперименты, в том числе с табаком, шелковичными червями, хлопком, пряными растениями и сахарным тростником, то, в конечном итоге, ее неудачи обернулись базой современного сельского хозяйства Израиля. Прав историк колонизации страны, Дан Гилади, когда, подводя черту под “эпохой барона”, говорит, что в два эти

десятилетия, до передачи управления поселениями обществу барона Гирша, у Ротшильда вряд ли была возможность выбора лучшей системы действий. С исторической же точки зрения, все то дурное, что породило выражение "за счет барона", отошло в тень. Ибо поселенческое предприятие Ротшильда, рассматривавшееся сподвижниками Герцля как чуждая сионизму филантропия, заложило основы будущей государственности.

Оглядываясь назад, Ротшильд так оценил дело своей жизни в речи, произнесенной в тель-авивской синагоге в 1925 году и прозвучавшей как духовное завещание:

"...Идея, которую я лелеял, заключалась в том, чтобы создать большой центр, где процветал бы дух еврейства, его высокого Учения и благородной культуры, и чтобы этот центр благотворно влиял на положение евреев во всех странах света... "Вы строите на песке", — говорили мне... Возделанные поля, многочисленные виноградники и цитрусовые плантации, которые выглядят, как оазисы, все это свидетельствует о силе еврейского народа и его выдержке. Ощутимые результаты этого тяжелого труда во многом помогли решению еврейского вопроса в мире. Самоотверженное движение, проистекающее из чувства величия еврейского народа, породило дух единения и взаимопомощи, именно оно повлияло на мнение мирового еврейства и привело к декларации относительно национального очага... Пусть здравствует народ Израиля во исполнение своего высокого предназначения, живя на своей земле, среди больших народов, и камни зданий, которые он возвел в Эрец-Исраэль, останутся твердыми и прочными вовеки".

Это был последний приезд Ротшильда в страну⁷⁴.

Давид Бен-Гурион так определил место "отца ишува" в истории национального возрождения:

”Во всей истории еврейского народа в диаспоре, за долгую эпоху почти в два тысячелетия, вряд ли можно найти такого деятеля, который сравнился бы с замечательной личностью создателя еврейских поселений на земле обновляющегося отечества, — личностью барона Эдмона де Ротшильда. Даже если мы мысленно соединим в один образ трех выдающихся деятелей: дона Иосефа Наси, сэра Моше Монтефиоре и барона Мориса Гирша, то и подобная попытка не даст нам такой фигуры, которая сможет сравниться с личностью великого филантропа, его деяниями и даром предвидения”.

”Если не я за себя — кто за меня?”⁷⁵

В январе 1890 года шестнадцать основателей Реховота сошлись на общее собрание, чтобы определить принципы управления новым поселением. Собрание предоставило избранному им комитету полномочия ”издать добрые и честные правила”, которые никто не должен оспаривать и подвергать сомнению. ”А в случае, если кто-нибудь не подчинится, то вследствие нарушения закона, союза и клятвы, он утратит все свои имущественные права в поселении и его исключат из общества. Все это делается с общего согласия и по доброй воле”.

Из шестнадцати основателей пятнадцать были мужчины. Единственная женщина, Бася Макова, человек незаурядный, не поколебалась ради переселения в Эрец-Исраэль пойти на разрыв с мужем. Он остался в России, а она с детьми приехала в страну. Главная идея шестнадцати состояла в том, чтобы ”вести хозяйство самим, без чиновника и попечителя”. Они как бы бросили в лицо барону: *лó ми дувшэх ве лó ми окцэх!* — ни меду твоего, ни жала.

Так называемая ”автономная колония”, этот

островок самостоятельности на фоне бесправия, могла сохраниться только благодаря железной самодисциплине. Отсюда чрезвычайная суровость правил, принятых основателями Реховота. Устав предоставлял равные права каждому поселенцу, "независимо от того, тысяча ли дунамов у него в хозяйстве или двадцать".

Новое поселение решили назвать Реховот⁷⁶. Инициатор создания "автономной колонии" каменотес Ахарон Айзенберг собрал ночью у себя в подвале будущих поселенцев и повел их на место. Айзенберг пытался заразить своим энтузиазмом "этих маловеров" (так он называет товарищей в своих воспоминаниях), но те, "разбредясь с угрюмым видом по голым холмам, отказались от всей затеи". Тогда он произнес перед ними речь о том, что, "конечно, этот человек (барон) — высокородный и великий, только он может ошибаться, ибо это одиночка, в то время как нам нужен народ, общество, потому что лишь общество не ошибается".

Радость созидания

Как всегда, победил тот, кто верил. Поселение строилось, опираясь на собственные силы.

В Реховоте, впервые в Эрец-Исраэль, было осуществлено самоуправление. Шел 1890 год. Только через 23 года, на сей раз в Ришон ле-Ционе, уже освободившемся из-под ига баронской администрации, возникла первая в своем роде организация, представляющая общие интересы всех поселений — Объединение поселений Иудеи. Ее устав начинался с заявления о том, что ишув отныне проникся духом "всеобщей еврейской организации" — *хистадрут иврит клалит*. Позднее слово "Хистадрут", родившееся в среде поселенцев, станет

названием федерации рабочих профсоюзов Эрец-Исраэль.

Основатели Реховота взяли за то, на что у отцов первых поселений, основанных восемью годами раньше, не хватило сил. "В комитет, управляющий делами поселения, — постановило учредительное собрание реховотцев, — не может быть избран человек, постоянно не проживающий и не работающий в нем, даже если ему тут принадлежит земля". Таким образом, с первого же момента был поставлен заслон против всякого вмешательства извне. Менялись устои ишува. Возникла местная власть.

Шесть раз в день били в колокол, что служило сигналом начала работ или перерыва на отдых. Так было заведено еще в Рош-Пинне — пока администрация не распустила комитет и не упразднила все порядки, установленные местной властью, обязав поселенцев являться к администратору за нарядом на работу. В Петах-Тикве штрафовали каждого, кто опаздывал на этот своеобразный утренний "смотр". Возвращение к порядкам, основанным на добровольных, свободных началах, — вот суть состоявшегося в Реховоте переворота.

В первую же зиму обработали 600 дунамов, посадили около 150 тысяч виноградных лоз. "Все преисполнились необыкновенным праздничным подъемом, — рассказывает Моше Смелянский, — шли на работу с песнями и плясками". Пока у поселенцев были хоть какие-то деньги, они нанимали сельскохозяйственных рабочих. Когда же дела обернулись так, что им самим пришлось искать работу у других хозяев, чтобы прокормиться, комитет Реховота постановил: "Еврейские рабочие будут распределяться по хозяйствам так, чтобы они не пострадали ни морально, ни материально". И далее: "Лекарства еврейским

рабочим выдавать бесплатно". А работало в Реховоте по найму четыреста человек.

Мы уже рассказали, как в течение двенадцати лет поселенцы Йесуд ха-Ма'алы ютились в тростниковых шалашах, что османские власти отказывали им в разрешении строиться; как Петах-Тиква поплатилась судебным преследованием за использование полуфиктивных разрешений. Реховот тоже испытал немало невзгод и внес в их преодоление свою долю хитрости. Учитывая, что по законам Османской империи запрещался снос постройки, даже незаконной, если застройщик успевал подвести ее под крышу до появления солдат и полиции, реховотцы "усовершенствовали" этот метод. Поскольку турецкой полиции было запрещено применять физическую силу против женщин, последние, пока мужчины ставили кровлю, окружали постройку сплошным кольцом, и полиция могла только беспомощно взирать на эту картину.

Поселенцы, по выражению Моше Смелянского, "переживали радость созидания". Они заботились о красоте поселения: виноградники опоясывались шпалерами миндаля и фигового дерева, вдоль улиц сажали тут. У владельца, не спешившего строиться, конфисковывали его участок; выгоняли дебоширов, а некий колонист, пойманный за кражей у соседа двух саженцев для собственного участка, был условно отчислен из поселения на три года и лишь затем получил "кушан" (право) на свою землю.

В Ришон ле-Ционе, из протеста против гнета баронской администрации, возник первый росток рабочего движения и состоялась первая организованная попытка "пустить шапку по кругу" для сбора общественных средств на приобретение земель. В свободном Реховоте образовалось ядро

полувоенной еврейской организации *Хистадрут ха-асарот* — “организованные десятки”.

Барон, который так и не приехал

К тому времени, когда Теодор Герцль⁷⁷ решил приобщить Эдмона Ротшильда к политическому сионизму, последний уже более десяти лет занимался делом заселения Эрец-Исраэль. Герцль попросил о встрече. Барон ответил отказом. “Это опасный авантюрист”, — сказал он своим друзьям. Еще раньше, в 1892 году, другой Ротшильд, лорд из английской ветви знаменитой фамилии, отмахнулся от идеи сэра Сэмюэла Монтегю⁷⁸ предложить турецкому султану продать евреям сто миллионов дунамов земли их предков. Написанное Монтегю “Обращение к Ротшильдам”, которое так и не увидело света, было переработано Герцлем и напечатано под заглавием: “Еврейское государство — попытка современного решения еврейского вопроса”. Брошюру издал скромный венский книготорговец, нееврей. Большие издательства ответили Герцлю отказом.

О Ротшильдах известно, что они пришли к еврейской национально-политической революции по-своему: делом. Но мало кто знает, что был еще один еврейский аристократ, богаче Ротшильда и не менее деятельный, барон Морис Гирш, который согласился выслушать Герцля, но был потерян для сионизма, потому что Герцль во время их встречи в 1895 году — за два года до Первого сионистского конгресса — не справился со своей задачей. Когда же через несколько лет он написал Максу Нордау, прося свести его с Гиршем во второй раз, было уже поздно: в день отправки письма — как раз в этот день, словно по воле рока, — барон скончался в своем имении в Венгрии. “Еврейское государство” уже вышло в свет, и Герцль занес в свой дневник

печальную фразу: "Я разослал его всем встречным и поперечным, только не Гиршу".

Барон Морис Гирш, несметно богатый прожигатель жизни, ставил в тупик своих великосветских приятелей крамольным образом мыслей. "Я социалист, — с места в карьер огорошивал он их, — и готов раздать все свое имущество, лишь бы и другие поступили так же". Это были не только слова, но и дело совести. Траты Гирша на благотворительные предприятия оценивают в 400 миллионов франков, и к маю 1895 года, когда он принял Герцля, находившегося тогда в начале своего одинокого пути сионистского лидера, ему было что противопоставить ничем не подкрепленной идее гостя: шесть тысяч евреев в его аргентинских поселениях по сравнению с тремя тысячами в поселениях Ротшильда в Эрец-Исраэль. От ставки на Палестину Гирш отказался, боясь вмешательства со стороны России. Палестина, говорил он, находится слишком близко от России, и считал возможным завоевание ее русскими. Для евреев Эрец-Исраэль, находившихся под властью турок, это значило бы попасть из огня да в полымя. У Гирша уже имелся опыт по части переговоров с царским правительством: он предложил ему помочь превратить евреев черты оседлости в продуктивную группу населения России и получил отказ. Русские власти готовили собственное решение вопроса — погромы, которые заставили бы евреев эмигрировать. Дар Гирша — 50 миллионов франков на организацию профессионального обучения евреев — не был принят. Помня об этой истории, барон отправил еврейских переселенцев на другой край света — в Аргентину.

Отношения Герцля с Гиршем не сложились с самого начала. На первое письмо барон ответил холодно и, сославшись на занятость, предложил сначала письменно изложить цели, которые имеет в виду корреспондент. По-видимому, Гирш принял

поселившегося в Париже венского журналиста за очередного просителя, пытающегося добраться до его кошелька. Герцль отреагировал раздраженно. Он написал барону, что огромные деньги были потрачены впустую. "До сих пор вы были филантропом, я вас научу, как подняться выше этого", — высокомерно заявил он.

По-видимому, "сработала" как раз эта его дерзость. Тотчас пришло приглашение приехать к Гиршу во дворец, принадлежавший в прошлом родне Наполеона и расположенный близ Елисейского дворца — резиденции президента Франции, с которым Гирш состоял в близких дружеских отношениях. Ссылаясь на дневниковые записи, один из биографов Герцля говорит, что у того разыгрались нервы, поскольку в обществе сильных мира сего, богачей и знаменитостей, он всегда впадал в замешательство. Обдумав свой наряд, он выбрал строгое, скромное платье и, купив за день до встречи перчатки, тотчас надел их, чтобы они не выглядели очень новыми и не внесли дисгармонии в его костюм. Решил, как держаться перед магнатом, чтобы не уронить достоинства. На случай, буде тому вздумается предложить ему службу, заготовил лаконично-гордый ответ: "Служить вам? Нет! Служить евреям? Да!". Приказал себе не волноваться, но дворец и церемонии, начавшиеся уже при входе, ошеломили его. Ливрейные лакеи, чередуясь, провели Герцля через анфиладу комнат до биллиардной. Гирш вышел навстречу, пожал руку, попросил немного обождать и исчез, вызвав у Герцля ощущение, что его ставят в положение рядового просителя, ищущего должность или пожертвование, так что, когда можно было уже приступить к разговору, Герцль гневно бросил: "Если у вас нет для меня одного часа времени, не стоит и начинать". "Не волнуйтесь, начните", — успокоил его барон. Герцль вынул свои записки, не избавившись, однако, от ощущение-

ния скрытого противодействия и нажима со стороны барона. Примером тому явилось, как он считал, унижительное ожидание в биллиардной.

Готовясь к встрече, Герцль написал текст на 22 страницах. Главным его намерением было предложить барону созвать всемирный еврейский конгресс, где Гирш выступил бы как политический лидер евреев. Нервничая во время изложения предпосылок, он до самой этой идеи так и не добрался, застряв на общих местах. "С народом надо разговаривать, как с ребенком, — языком знамен, медалей и песен, неопределенных обещаний и надежд", — объяснял он практику, человеку дела. А тот бросал в ответ: "Фантазии...Миражи!", хотя в отношении к центральной идее они были близки друг к другу. Морис Гирш тоже лелеял мысль о еврейской государственности. На седьмой странице Герцль сложил свои записки, осознав, что Гирш потерял интерес к его речам. Он так и не успел сделать свое великое предложение.

А барон так никогда и не приехал в Эрец-Исраэль.

Через двадцать лет Ротшильд обратится к учрежденному Гиршем Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО) с просьбой принять на себя управление его поселением в Эрец-Исраэль. Самого Гирша уже не будет в живых. И еще утекут десятилетия, пока потерпят крах мечты, связанные с Аргентиной, и еще годы — пока ЕКО целиком сосредоточит свою деятельность на Эрец-Исраэль. Великие возможности оборвались на седьмой странице неоконченной речи.

Новая родина

Барон Гирш, который из-за сбивчивых речей Герцля был потерян для сионизма, искал и уговорил себя, что нашел — в отличие от

основоположника политического сионизма, засмотревшегося впоследствии на Уганду, — новую родину для евреев. Гирш действовал не так, как Ховевей-Цион. Ему не требовалось ставить кружки в синагогах и распространять портрет столетнего старца Монтефиоре, чтобы найти, чем финансировать свои поселения. Морис Гирш приступил к созданию в Аргентине "новой родины для евреев" точно так же, как привык строить свои железные дороги и фабрики в разных странах, — в один прием и с размахом. Он рассчитывал на то, что законы Аргентины позволяют завести самоуправление — парламент и региональное правительство — на любой территории этой страны с населением в 60 тысяч человек. Он хотел создать автономную еврейскую провинцию.

В ноябре 1890 года Гирш отправил в Аргентину изыскательскую экспедицию во главе со своим советником, профессором медицины Вильямом Левенталем, и уже через пять месяцев, в конце апреля 1891 года, Левенталь был назначен директором колонизационного предприятия. В июле начали прибывать из России первые поселенцы. В том же 1891 году Гирш купил для своих поселений около четырех миллионов дунамов земли. Годом позже он достиг соглашения с царским правительством о массовой эмиграции евреев, и царские власти, не допуская никакого прогресса для евреев в самой России, даровали эмигрантам освобождение от воинской повинности, лишь бы избавиться от "еврейской язвы". Немедленно, и снова в один прием, ЕКО переправило в Аргентину 2850 человек. Становление "новой родины" началось.

К началу двадцатого века в поселениях барона Гирша проживало 3 тысячи евреев из 35 тысяч еврейского населения Аргентины. В сезон полевых

работ у поселенцев Гирша находилось занятие для большинства еврейских эмигрантов. Евреи, работавшие в сельском хозяйстве по найму, составляли четверть населения поселений. Были построены синагоги, открылись еврейские школы. Расцвела еврейская культурная жизнь, организовалась кооперация. Через пятнадцать лет, после того как колонисты сели на землю, они внесли первый платеж в погашение своей задолженности ЕКО — 250 тысяч рублей — большие деньги для 1908 года.

Двадцатые годы нашего века были временем процветания аргентинских поселений. В период 1936—1944 гг. они приняли и несколько сот еврейских семей, бежавших из Германии, — пополнение, возмествившее некоторую "утечку" поселенцев. Грозный финал начал вырисовываться на четвертом десятилетии колонизации. Манили огни больших аргентинских городов, дети первых переселенцев начали уходить из поселений. Запахло концом. К шестидесятым годам в полдюжине поселений жителей-неевреев стало в два раза больше, чем евреев. К началу семидесятых от всего грандиозного замысла осталось лишь несколько сот еврейских поселенцев.

Опыт "новой родины" подтвердил все предостережения Ховевей-Цион. События показали, что евреи, как бы отлично они ни крестьянствовали, не способны удержаться в чужой среде в роли земледельцев. Нет побудительных мотивов. Нет большой национальной задачи. Колоссальное предприятие в Аргентине приказало долго жить и без печей Катастрофы. Здесь уместно вспомнить ответ голодающих земледельцев из Самарина (Зихрон-Я'акова) на предложение посланца Гирша переехать в Аргентину. "Даже если придется грызть камни..." Это произвело такое сильное впечатление, что служащий Гирша рекомендовал их... Ротшильду.

Становление Зихрон-Я'акова поддерживала и

одухотворяла цель, которой не было и быть не могло в аргентинском Мозесвилле.

Дань справедливости

Наша история отвернулась от Гирша, несправедливо его обойдя. Героем народных преданий стал Ротшильд, его имя вписано в историю возрождения еврейского народа. И хотя Гирш охватил своей деятельностью целые континенты, гибель несчетных еврейских общин увлекла за собой и память об их благодетеле, кажется, не знавшем себе равных.

Все, что он предпринимал, поощрял, создавал, строил и выращивал, кануло в небытие. Сохранилось лишь то небольшое, что было сделано от его имени после его смерти в Палестине, когда Еврейское колонизационное общество приняло на себя управление ротшильдовскими поселениями и начало основывать поселения в нижней Галилее — звенья, соединившие северную Эрец-Исраэль с южной. ЕКО органически вписалось в израильскую действительность, однако израильтяне не знают, что представляло оно собой в начале века, и тем более им неведомо, что основал его в 1891 году барон Гирш на собственные деньги — два миллиона фунтов стерлингов по курсу того времени. Из двадцати тысяч акций учредительного пакета лишь десять акций Гирш символически распределил среди видных евреев своей эпохи. Гирш насмехался над Ротшильдами, не веря в их щедрость: "Они дадут лишь пятьсот франков..."

После того, как царские власти отказались принять помощь Гирша евреям в черте оседлости, но зато согласились на его эмиграционный план, в результате чего он и основал ЕКО, из России за четверть века выехало более 3 миллионов евреев, а Еврейская энциклопедия на русском языке подчерк-

нула, что этот план был "восторженно принят". Лично руководить своим предприятием Гиршу выпало только пять лет. В 1896 году он скончался. На манер Ротшильдов в Эрец-Исраэль, он решил увековечить имя своей жены Клары присвоением его одному из аргентинских поселений. После его смерти вдова продолжила дело мужа, а в завещании отказала ЕКО треть своего состояния. Напрасные усилия! Поселок "Клара" ныне уже не еврейский.

Пока жив был Гирш, усилия ЕКО были обращены на то, чтобы, по выражению инициатора, "найти для евреев новую родину и перевести их с шахер-махера на земледелие". После его смерти управление ЕКО перешло к группе еврейских деятелей, обладателей громких и знатных имен. Они решили работать в трех направлениях: сельское хозяйство, просвещение, социальная помощь. "Родина" в Аргентине из главной задачи ЕКО превратилась в одну из второстепенных.

Сегодня трудно поверить, но факт, что сионисты злобно встретили помощь ЕКО. Невзирая на всю свою ненависть к ротшильдовской администрации, они испугались того, что поселения барона переходят к ЕКО. "Покушение на долголетние усилия по заселению страны!" — гневались общественность и пресса ("Поток нападков", отмечается в Еврейской энциклопедии на русском языке). В глазах сионистов, ЕКО олицетворяло стремление увековечить галут, поэтому они не в состоянии были по достоинству оценить многогранную деятельность ЕКО. С помощью этой организации были созданы: "миграционное бюро" внутренней эмиграции в Соединенных Штатах; дошкольные учреждения и курсы по переквалификации для взрослых в Канаде, сельскохозяйственное поселение в Бразилии; сельскохозяйственное училище

“Ор-Иехуда” в Турции (позднее в нем будут обучаться и репатрианты, направлявшиеся в Эрец-Исраэль через Стамбул); кредитные и сберегательные общества в Галиции, педагогическое училище в Германии. Однако прежде всего и более всех ЕКО помогало тем, кого в свое время власти лишили помощи Гирша, — русским евреям. Помощь была разносторонней: от обследования положения русских евреев в 1400 общинах, выполненного на научном уровне, аграрных программ, кредитных касс (около 300 к началу XX века), охвативших ссудами половину еврейского населения в районе своей работы, и до сети из 400 справочных бюро и консультаций в черте оседлости и пограничных городах для желающих эмигрировать. Могучая деятельность, вызванная волей одного человека.

К Ротшильду обратились за помощью из Эрец-Исраэль. Он откликнулся на призыв, и его имя никогда не забудется, потому что оно соединилось с национальным возрождением. Морис Гирш откликался на любой призыв, раздававшийся в диаспоре и, подчиняясь внутреннему побуждению, сам организовывал и строил. Его грандиозное дело сгорело в огне Катастрофы. Долг еврейского государства — восстановить справедливость и извлечь имя Мориса Гирша из небытия.

Потерянные границы

В воспоминаниях Менахема Усышкина⁷⁹, относящихся к третьему году существования Национального фонда Керен каемет ле-Исраэль (1903 г.), рассказывается об упущенной возможности приобрести полмиллиона дунамов земли в районе Беер-Шевы. Как раз в то время турки начали застраивать город и сами были заинтересованы в том, чтобы привлечь внимание евреев к югу страны. Видный

представитель местной еврейской общественности начала века Альберт Антеби порекомендовал Усышкина иерусалимскому паше, а тот, в свою очередь, снабдил его рекомендательной запиской к правителю Беер-Шевы, "дабы предпринял все возможные меры, чтобы помочь евреям купить в этом районе обширные земли и тем самым ускорить заселение Беер-Шевы". Усышкин выехал на место ("это было очень далеко"), где ему предложили около полумиллиона дунамов по цене пять франков за дунам, включая все расходы — "заведомые и непредвиденные". Тотчас Усышкин письмом обратился к Сионистскому исполкому в Вене, прося "незамедлительно приобрести весь район, которому предстоит большое будущее, когда железная дорога свяжет Египет с Эрец-Исраэль. Я умолял об этом...", — пишет он.

Из Вены ответили: "Покупать земли в Эрец-Исраэль нет возможности, пока не добьемся чартера⁸⁰".

В том же году молодая Всемирная сионистская организация отправила изыскательскую экспедицию в Эль-Ариш, в соответствии с планом Герцля заселить этот район еврейскими переселенцами. В Яффу к представителю ЕКО Ицхаку Леви явилась делегация бедуинских шейхов и предложила заключить братский союз с евреями: бедуинам осточертели турки и их власть, а до шейхов дошло, что "еврейский царь" собирается основать в Эль-Арише еврейское государство, — вот они и предлагают принять их в союзники. Герцль стал тщательно изучать эту перспективу, переписывался с Яффой и принял к сведению идею шейхов относительно образования еврейского племени, которое научится жизни в пустыне (хотя связанный с Эль-Аришем первоначальный план успел уже провалиться из-за сопротивления британской коло-

ниальной администрации Египта). Это занятие прервала смерть.

Считая, что они выполняют наказ Герцля, двое из основателей Реховота, Ицхак Леви и Ахарон Айзенберг, попытались купить земли в Араве и в горах Моава. Им даже удалось вручить аванс иерусалимскому паше. Сионистский истеблишмент в Вене сделал им выговор за израсходованные на аванс деньги и приказал потребовать от паши возвращения аванса.

Так был упущен еще один счастливый момент, еще одна граница будущего государства, которую не обозначил еврейский плуг. В будущем за нее придется заплатить кровью.

Страна на распродажу

Благоприятные моменты были упущены во всех концах страны, даже и тогда, когда евреи уже начали основывать поселения и на горизонте появился барон Ротшильд во всеоружии всей своей доброй воли и финансовых возможностей. Широко известно, как основатели Петах-Тиквы упустили земельные площади в окрестностях Иерихона, Хеврона и Рамлы. Мало кто знает, что до того, как участники переселенческого общества из Мезерича основали на озере Хула поселение Йесуд ха-Ма'ала, другое переселенческое общество, из города Сувалки, собиралось основать поселение под таким же названием на озере Киннерет, но потеряло деньги при неудачной сделке; что основатели Ришон ле-Циона упустили из рук тысячи дунамов южнее Газы — "площадь, достаточную для поселения пяти тысяч семей"; что из рук Ротшильда уплыли земли Латруна, попав в собственность французов из ордена молчальников, которые основали там монастырь...

Согласно свидетельству исторической хроники,

Иехиэль Бриль, с благословения духовного руководителя Ховевей-Цион раввина Могилевера, доставил в Эрец-Исраэль одиннадцать принявших иудаизм русских крестьян. До того как они определились на постоянное место жительства (Мазкерет Батья), Бриль пытался приобрести для них земли в окрестностях Латруна. Не сумел. Но и позднее не отказался от этой мысли и уговаривал Шмуэля Гирша, директора Микве-Исраэль и представителя барона Ротшильда, обратить внимание на Латрун. Бриль так болел за Латрун из-за ошибки: руины замка крестоносцев он принял за древнее укрепление Маккавеев. "Гостиница Маккавеев" — название постоялого двора, построенного на развалинах владельцем земель, христианином, укрепило Бриля в этом мнении.

Ротшильд колебался: он предпочитал не покупать земли, расположенные вдоль дороги на Иерусалим, по-видимому, опасаясь, что такая операция привлечет излишнее внимание и может поставить под угрозу все его предприятие. Четыре года спустя концепция Ротшильда изменилась, он осмелел, и Элиэзер Бен-Иехуда мог обрадовать Менахема Усышкина: "Все его (Ротшильда) мысли теперь сосредоточены на том, чтобы предупредить беду, как бы не пришли гои и не завладели страной". (Земли Латруна, однако, уже перешли к тому времени в руки французского монастыря и принадлежат ему поныне.)

Ротшильд же, изменив свое отношение к делу, не только приказал скупать земли повсюду и в любом количестве, но и загорелся возможностью, которая открылась в отношении Стены плача.

Об этом упущенном историческом шансе сообщила газета Элиэзера Бен-Иехуды "Ха-цви". В письме Усышкину Бен-Иехуда возложил ответственность за неудачу на самих евреев. "Барон пришел в ужас, увидев, в каком состоянии находится то, что осталось от нашей святыни, и

решил приобрести ее любой ценой". Сделать это можно было двумя путями: произведя обмен домами или уплатив хорошие деньги. "Место будет служить (по мысли Ротшильда) центром национального движения, все будет исходить отсюда". Однако (и как дорого это нам обходится по сегодняшней день!) законоучители иерусалимских сефардов выступили против, и Ротшильд отступился. Время не доросло до задачи.

Стамбул объявляет распродажу

Так оно и продолжалось. Начало двадцатого века ознаменовалось в Эрец-Исраэль ошеломляющим сюрпризом: власти Османской империи объявили о продаже всех султанских земель — около 30 миллионов дунамов — во всех концах разваливающегося государства. Произошло это летом 1913 года — годом позже, навсегда все изменив, разразилась Первая мировая война. Тем временем, в Эрец-Исраэль укреплялся маленький еврейский ишув — 85 тысяч душ в 54 населенных пунктах. Только 12 тысяч из них приходилось на сельское население, и первая волна молодежной, холостяцкой алии давила на сионистское руководство и его пустую кассу, требуя новой инициативы. Почти два десятка лет то выдвигался, то свертывался план приобретения земель в долине Бет-Шеана. Он возник в чересполосице переселенческих обществ, которые создавались и распадались в России. Теперь, во время распродажи султанских земель, турки предложили продать весь Бет-Шеан с Иорданом — около 400 тысяч дунамов!

Группа молодых евреев из Эрец-Исраэль, учившихся в Турции на юридическом факультете, загорелась такой возможностью и в письме Менахему Усышкину ударила в набат: "Это вопрос жизни и возрождения!".

В этой группе мы находим фигуры, которым предстояло повлиять на ход еврейской истории: Давид Бен-Гурион, Ицхак Бен-Цви, Гад Фрумкин (в будущем Верховный судья в мандатной администрации), Маня и Исраэль Шохаты, основатели Ха-Шомера. "Назревает знаменательное событие... Нас не уполномочили обратиться к Вам, однако, послушные голосу нравственного долга, мы не можем молчать, — писали они. — Настал момент, когда можно приобрести в один прием столько дунамов земли, сколько удалось добыть за тридцать лет поселенческой работы. В наших руках возможность в один день упразднить все политические границы". От главного раввина сефардов группа узнала, что впервые турки готовы продать евреям землю даже на имя иностранного подданного. Молодым людям рисовалась новая эра: отмена "красного билета" (разрешения на въезд и временное пребывание в стране сроком не более трех месяцев, которое выдавалось евреям) и, более того, — отмена запрета на покупку земельных участков и заселение их евреями.

Неожиданно представившаяся возможность была доведена и до сведения Ротшильда. Советники порекомендовали ему не спешить. Климат жаркий. Цена высокая. Утверждали, что действовавшие в Дамаске арабские националисты поднимут крик. Молодежь, однако, нажимала, твердя, что "сколько бы ни уплатить за снятие запретов, оно того стоит". В конце концов оказалось, что Ротшильд предостережения отклонил, но выделил на приобретение земель не более шести миллионов франков, в то время как требовалось девять. Проволочки привели к обычному результату. Еще один шанс канул в пустоту, образовавшуюся между хаотичной кассой Всемирной сионистской организации и администрацией барона, боявшейся разгневать арабских националистов. Со временем султанские земли перешли под юрисдикцию британского

мандатного управления и первый генеральный комиссар Палестины сэр Герберт Сэмюэл передал их арабам — местным феллахам и неместным арабским богачам.

600 тысяч дунамов Иехошуа Ханкина

Свою книгу об Иехошуа Ханкине, написанную по заказу Керен каемет, Моше Смелянский заканчивает так: "Теперь он стар, немощен и одинок... Все те, кто когда-то завидовали его огромным доходам, конечно, будут изумлены, если им сказать, что человек, который ворочал в своей жизни миллионнами, не сумел позаботиться о себе, чтобы в старости не оказаться покинутым". Книга вышла с вкладышем в черной типографской рамке, где говорилось: "Когда текст был уже отпечатан, пришло скорбное известие — кончилась эпопея его жизни. Он ушел, познав полную меру лет, полную меру трудов, колебаний и борений". Через три года после его смерти было провозглашено еврейское государство. Один из министров сельского хозяйства, Хаим Гивати, подсчитал, что Иехошуа Ханкин в одиночку приобрел 600 тысяч дунамов земли для своего народа и ни единого дунама для себя самого.

Жизнь закалила Ханкина. Его отец Лейб, купец, торговавший лесом и зерном, жил на Днепре, а сердцем тосковал по Эрец-Исраэль. В 1882 году он высадился в Яффе, привезя с собой четверо сыновей и пятеро дочерей. Вскоре Лейб Ханкин поддержал молодого Залмана Давида Левонтина и его "Комитет халуцов Йесуд ха-Ма'алы". В один прекрасный день семья Ханкиных оказалась в числе десяти первых семей Ришон ле-Циона. Иехошуа Ханкину тогда было 17 лет.

Отец преуспевал. Он первым в Ришон ле-Ционе

поставил себе дом. Первым вышел пахать, первым снял урожай с виноградника, первым поставил чан и стал давить виноград голыми ногами, "как предки наши в древние времена" (восхищался Моше Смелянский). Он первый запряг в телегу (о чудо из чудес!) верблюда, чтобы возить из Микве-Исраэль бочки с питьевой водой. И он же был первым, кто поддержал бунт против баронского чиновника. За это семья Ханкиных была изгнана из поселения. Отец, вернувшись в Яффу, открыл торговлю, а его сын Иехошуа ушел в Гедеру, пробыл там несколько лет, но так и не прижился, возвратился в Яффу... С тех пор до самой смерти его жизнь была посвящена *геулат ха-адама* ("спасению земли")⁸¹.

Началось с земель, ускользнувших 17 лет назад — в 1873 году — от основателей Петах-Тиквы. Тысячи бесхозных дунамов лежали втуне, когда турецкий паша выставил их на аукцион, чтобы по крайней мере было с кого взимать налог. Попытка Йозля Моше Соломона и его товарищей вступить на торгах в соревнование с арабом Тияном, яффским ростовщиком, вызвала окрик взбешенного паша: "Если б вы не схитрили и не выставили бы в качестве покупателя английского подданного, я бы вас бросил в тюрьму". Земли перешли к Тияну. Год спустя он предложил их поселенцам Мазкерет-Батьи. Те, однако, искали чернозем под пшеницу, а не легкие почвы под плантации апельсинов. Махнув рукой, Тиян продал землю другим перекупщикам в Яффе. В 1890 году землей заинтересовались основатели Реховота. Главный инициатор Ахарон Айзенберг призвал на помощь Иехошуа Ханкина.

Иехошуа пригласил в лавку своего отца хозяина земли Антона Рокка, богатого христианина, потомка крестоносцев. В присутствии Лейба Ханкина

Антон Рокк и Иехошуа ударили по рукам. Продавец получил одну десятую часть причитающейся суммы, около одного французского франка за дунам, и обещание уплатить долг в течение четырех месяцев. Ханкин рассчитывал на минское переселенческое общество, а оно взяло и распалось... Ханкин-отец заложил свое торговое дело у бейрутского еврея, но и этого было мало, чтобы рассчитаться. Между тем Рокка принялись обхаживать немцы из Иерусалима. Нависла угроза потерять все.

Тут впервые проявились у Иехошуа Ханкина те качества, благодаря которым он находил выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

Первый шаг был — застолбить землю, хотя бы демонстративно: хотя карман был пуст, сразу же после совершения сделки, за полночь, под дождем, в кромешном мраке, Айзенберг отправился на юг к знакомым поселенцам звать их на участок, а через три дня и тоже ночью, на сей раз чтобы не привлекать внимания, Ханкин отметил границы купленной земли. На седьмой день, двенадцатого числа месяца адара, на праздник Пурим, Айзенберг привел на место целый отряд, верхами и на телегах, под "знаменем иудейского стана", сооруженным из палки и платка. "Мы явились подобно отряду Хасмонеев, ринувшемуся с Иудейских гор завоевывать Доран", — живописал событие один из его участников. — Под громовое победное "ура" мы устроили хоровод и принялись плясать на глазах у бедуинов, изумленно взиравших на эту картину, в ожидании героя дня — Иехошуа, и вот он явился — молодец, силач, с окладистой бородой и ниспадающими на плечи кудрями. Его встретили оглушительными трубными кликами..."

Клики смолкли, подобно любому звуку. Начались метания, люди дошли до безнадёжности.

Положение исправилось лишь тогда, когда на смену минским фантазерам, заказавшим сто тысяч(!) дунамов, пришли деловые люди из варшавского переселенческого общества *Менуха венахала*⁸². В Доране Иехошуа Ханкин усвоил первый урок искусства приобретения земель. Через год после Реховота он добыл земли ал-Хадры, на которых была заложена Хадера. Имя его стало знаменитым.

Со времен Реховота и Хадеры и до провозглашения государства Израиль Иехошуа Ханкин не знал себе равных в той политике, что много выше понятий купли-продажи, — политике выкупа земель, сочетающей игру в кошки-мышки, железную выдержку, терпение, тонкую обходительность и остроумные комбинации. Историк поселенческого движения в Эрец-Исраэль Алекс Бейн категорически утверждает: "Приобретение земель для народа невозможно себе представить без деятельности Иехошуа Ханкина". Тридцать лет вел он переговоры о выкупе Изреельской долины; еще больше времени заняли перипетии, связанные с приобретением прибрежной полосы Хайфского залива вплоть до Акко; потребовались десятки лет, чтобы купить Эмек-Хефер. Этой деятельностью Ханкин был поглощен так, что у него не только не было никаких других целей в жизни, но, кажется, и других мыслей: спутники в одной из его поездок потом вспоминали, что за семнадцать суток Ханкин слова не вымолвил о чем-нибудь постороннем. Он не знал покоя, считал невозможным выкроить время, чтобы пойти на концерт, посмотреть фильм. На это обратили внимание только когда его не стало; только после смерти Иехошуа Ханкина заметили и то, что человек, который "вызволил", "спас" для еврейского народа 600 тысяч дунамов земли, "не сумел позаботиться о себе, чтобы в старости не оказаться покинутым...".

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

“Они голодали, мучались от лихорадки, но все-таки сумели создать и сельское хозяйство, и нравственные идеалы”.

Ицхак Бен-Цви

Судьба Кастины

В 1888 году тогдашний управляющий Ришон ле-Циона Блох задумал основать на юге страны, в самой гуще арабских деревень новое поселение. На место были посланы люди со сборными бараками, которые они и поставили в канун праздника Йом-Кипур, т.е. в день, когда турки менее всего этого ожидали. Так родилась Кастина, будущая Беер-Товия, основание которой государственные справочники относят к... 1930 году, когда она была отстроена занова после арабского погрома в 1929 году. Правда, один из официальных историков упоминает 1896 год, когда земли Кастины Ротшильд передал в распоряжение Ховевей-Цион. 1888—1896 гг. вычеркнуты из истории, как если бы их и не было... А между тем все, что произошло с Кастиной, отражает, как в капле воды, положение первых поселений: жестокость баронской администрации, продажность османских властей, душевные терзания первых поселенцев, враждебность арабского окружения и забвение со стороны потомков.

Кастине не везло с момента ее основания. Первые поселенцы быстро дошли до изнеможения. Отрезанные от всех еврейских населенных пунктов, они сломились от одиночества, нехватки воды, физического истощения на примитивной полевой работе. Люди начали разбегаться. На третьем году Кастины прошел слух о том, что барон намерен обновить ее состав, поселив в ней шестьдесят молодых работников из других поселений. Сове-

менник, побывавший в Кастине проездом, рассказывает в своих записках, что ему довелось услышать "приятное известие" относительно шестидесяти девушек из сиротского дома в Париже, находящегося под попечительством баронессы: их, якобы, намереваются прислать в качестве невест... Если такой проект и существовал, то, во всяком случае, из него ничего не вышло. К 1892 году в Кастине оставались всего четыре семьи да садовник, которому был поручен присмотр за баронской землей.

В 1896 году на смену Ротшильду пришли Ховевей-Цион. Они давно вынашивали идею создать "образцово-показательное поселение". Как бы ни была бедна Кастина, какими бы жалкими ни были ее домишки, она могла послужить началом. Ховевей-Цион объявили о своем почине и организовали сбор пожертвований по синагогам. К ним присоединилась газета "Ха-мелиц". В Кастину, в самом деле, прибыла группа рабочих. Поселение встрепенулось, в хозяйство влились свежие силы, на улочках зазвучали молодые голоса, вернулись и воля к жизни, и надежда. Горсточка поселенцев, разорившихся в годы бедствий, и их дети, к тому времени оставившие Кастину, получили компенсацию от Керен каемет. Однако и поменяв состав жителей, Кастина продолжала бедствовать, еле еле сводя концы с концами.

Во время большого арабского мятежа в 1929 году это изолированное еврейское поселение разделило судьбу Хеврона, иерусалимского квартала Рамат-Рахель, поселений Эйн-Зейтим, Хулда и Кфар-Урия. Кастину осадили сотни, а может быть, и тысячи арабов. Считанные защитники поселения продержались трое суток. Гонцу, пробравшемуся в Реховот, не удалось получить помощь. "То был второй, южный, Тель-Хай⁸³, но его никто не

выручил”, — грустно заметил Давид Нойман, житель Мазкерет-Батья.

Через год после мятежа на место разрушенной Кастины пришли демобилизованные солдаты Еврейского легиона и построили здесь благополучную и преуспевающую Беер-Товию. *Беер това* означает “добрый колодец”: место, где сорок три года первые поселенцы мучались от жажды, оказалось богатым превосходной пресной грунтовой водой...

”Зеленая”.

Кадиш на мелодию ха-Тиквы

В конце лета 1891 года, первого лета Хадеры, в одну из ночей неожиданно умер в своей хибарке переселенец Лерман. Сонные колонисты, сбжавшиеся к его жилищу, ужаснулись: “Каким образом? Что случилось? Днем он еще был здоров!”.

Так малярия, “зеленая”, как прозвали ее в колониях, высунула свои когти и в Хадере. Один за другим слегли жильцы бывшего постоялого двора. В комнатках “хана” не осталось ни одного здорового. Те, кто поселились на холме в разбросанных по его склонам хижинах, тоже зачихорадили, но по крайней мере не все. Оправившись от первого потрясения, установили очередность в уходе за больными, и так продолжалось долгие годы.

После Лермана беда пришла в дом рабби Йоси Глозгеля. Скосило семью — отца, мать и пятерых из шести детей. Хадера не имела кладбища, покойников пришлось везти хоронить в Зихрон-Я’аков. Малярия свирепствовала, и больше всего от нее погибали дети. Долгие годы зихронцы показывали на своем кладбище безымянную плиту с высеченным на ней единственным словом на идиш: *а кинд* — ребенок, мальчик, и другую

плиту, где на иврите значилось: *ялда* — девочка. Умершие от малярии одинокие поселенцы не оставили по себе никакой памяти, даже камня на могиле. Люди не успевали обжиться, как их уносила смерть. В четвертое лето умерло пять из семи членов семьи рабби Моше Мордехая Кантерзи; семь из двенадцати человек в семье Цви Мадурского. На шестой год в канун Судного дня скончался рабби Исраэль Гафнович, духовный руководитель маленькой общины, неизменно отвечавший на предостережения и опасения: "Мягкотелым и трусам нет места среди строителей!". Из шести человек его семьи в живых остался один ребенок.

Таким образом, Хадера разделила судьбу Йесудха-Ма'алы, и, подобно ей, продолжала жить, невзирая ни на что. Лишь на короткий период, во время жары, лихорадка обращала поселенцев в бегство, но с первыми же дождями они возвращались, точно муравьи, всякий раз укрепляющие заново свой покинутый на время муравейник.

Только через пять лет после основания Хадеры османские власти разрешили строительство сорока постоянных домов. На закладке первого дома, дома Шмуэльсона, верный друг поселенцев Хадеры врач из Зихрон-Я'акова Хиллел Яффе убежденно сказал: "В конце концов придет час победы!". Его уверенность основывалась на истории Зихрон-Я'акова, географическое положение которого было сходно с Хадерой. Хадерцы верили: "Найдем управу и на лихорадку!". Но справиться с лихорадкой не удалось. На девятом году существования поселения начали умирать дети, родившиеся уже в Хадере. Несмотря на все это, люди не сдались. Хадера держалась. Порой поселенцы вспоминали давний разговор в подвальной квартире Ахарона Айзенберга, только что вернувшегося тогда из первой поездки на земли ал-Хадры, как они назывались по-арабски, и рассказывавшего о

своих впечатлениях. Его спросили, что значит "ал-Хадра", не знает ли он случайно? "Зеленая", — ответил Айзенберг, потому что заболоченные почвы зеленеют там круглый год. "Дурная примета, — сказали ему. — Может, существует связь между названием и зеленой лихорадкой, которая, по словам арабов, там гнездится..."

"Найдем управу", — заявили оптимисты.

Теперь в Хадере борьба с "зеленой" велась с помощью единственно доступного поселенцам средства — бодрого настроения.

Взявшись за руки и образовав таким образом символическую цепочку, устраивали обход хижин и комнат хана, от одного жильца к другому, подбадривая чаркой и добрым словом. Время от времени представители ишува, наезжая в Хадеру, советовали не рисковать жизнью и сдать, но поселенцы не поддавались ни на какие уговоры.

Баронский чиновник из Зихрон-Я'акова Беншимольт приехал в Хадеру с известием о разрешении строиться, а Хиллел Яффе, поддерживавший переселенцев и согласившийся возглавить на определенное время комитет Хадеры, привез другую благую весть — о дренажных работах и осушении болот. Теперь от хедерцев снова потребовали переселиться на время за пределы опасной зоны, по крайней мере на год-два. "На кого мы оставим поселение?!" — уперлись те. Иехошуа Айзенштадт-Барзилай, видный в ишуве человек, от имени Хиббат-Цион велел им побережь душу и переселиться в Кейсарию, временно, пока не закончится осушение болот. Ведь и поселенцы из Петах-Тиквы жили когда-то временно в Иехудии. Тем более, что от Ротшильда поступило обещание предоставить хадерцам "дилижанс" два раза в день, на поля и обратно. На сей раз они смягчились, дали свое согласие, но затем опять передумали и взялись за старое: "Общество не вправе съехать с места". В Кейсарию? Ни в коем

случае. Если уж перебираться, так только во временный лагерь где-нибудь тут, на границе Хадеры. Повторилась история с жителями Йесуд ха-Ма'алы, ответившими категорическим отказом представителям Хиббат-Цион, когда последние попросили их переселиться в избавившуюся от малярии Петах-Тикву.

Под давлением непрерывных уговоров и посулов, в январе 1898 года хадеровцы приняли, пожалуй, благороднейшее за всю историю колонизации Эрец-Исраэль решение. Постановили, что все, кто находится в колонии, останутся на своих местах, никто не съедет — но, в качестве компромисса и ввиду желания пойти навстречу просьбам, с этого момента и до осушения болот Хадера не примет к себе ни одну новую семью.

Так порешили и продолжали провожать своих покойников в последний путь.

По-прежнему питались хинином и укрепляли дух чаркой и весельем, чтобы знала проклятая лихорадка, что ей с хадерцами не сладить.

Один из Судных дней застал их в положении, когда здоровые, а таких осталось наперечет, молились в одной из комнат хана, а рядом, за стеной, бредили больные. Здоровые ухаживали за ними по очереди. После полудня один из молящихся внезапно почувствовал себя плохо и перешел к больным. Тут молящиеся спохватились, что их осталось всего девять, т.е. для миньяна недостает одного еврея, но решили на сей раз считать, что заболевшего замещает сам Господь Бог, и продолжали службу. В сумерках, во время заключительной молитвы, последнего из заболевших не стало. Тогда, после того как протрубили в шофар, поднялся Люлик, знаменитый в колонии храбрец Исраэль Файнберг: "Нет, евреи, никто из нас не уйдет сейчас домой. Не побежим набрасываться на пищу, как собаки. Жертва Судного дня будет предана земле достойно и немедленно!".

Из хана двинулись на кладбище. Опустив тело в яму, взялись за руки и, повинувшись единому порыву, пустились вокруг могилы в пляс. Жуткий танец, в котором смешались ужас перед смертью и презрение к ней, протест и надежда. Потом засыпали яму и, когда вырос могильный холмик, запели над ним песню реховотских виноградарей — ха-Тикву: *Од ло авдá тикватéйну* — Еще надежда наша не потеряна. А затем, на тот же мотив, пропели *Кадíш* — заупокойную молитву.

В двадцатую годовщину Хадеры кто-то решил попробовать подсчитать, какова оказалась плата за упорство. Выяснилось, что из 540 первых ее сынов 214 уплатили "зеленой" своей жизнью.

Дневник врача

"Июль 1891 года, Яффа. Море бурлит и кипит. Взлетая и проваливаясь на волнах, к судну подошли лодочки; точно черти, вскарабкались по канатам, налетели на нас, как разбойники — кричи не кричи, никто не выручит, — и вот мы уже в лодке, а через минуту — на берегу. Тут встретил нас Зеев Темкин, глава исполнительного комитета Ховевей-Цион в Эрец-Исраэль, прошептал, не слушая моего возмущения: "Быстро проходите!" — только несколько дней спустя до нас дошло, с какими трудностями была связана высадка сотен репатриантов. На другой день после нашего прибытия въезд в страну был закрыт".

Так началась долгая, полная драматических событий, жизнь доктора Хиллела Яффе в Эрец-Исраэль, рассказанная в его дневнике, который он вел более четырех десятилетий, вплоть до 1934 года, когда ему исполнилось семьдесят лет. Из Яффы молодой врач отправился в Иерусалим, а

возвратившись оттуда, начал пешком обходить колонии ("Я встретил пароконный дилижанс, который толкали по песку восемнадцать евреев".) В Ришон ле-Ционе он застал главу ротшильдовской администрации Блоха ("из породы американских надсмотрщиков над рабами, толстый круглый наглец и крикун"). В Вади-Ханин (нынешней Нес-Ционе) среди иммигрантов, живших в большой скученности в лагере по соседству с закрытым для них баронским поселением, он нашел десятки больных, валявшихся без всякой помощи ("эпидемия тройственной лихорадки, и нет ни врача, ни сестры"). Прошел через Реховот, отказавшийся от баронских денег ("интересные люди, но более всего мне пришлось по душе рабочая столовая: много молодежи, в большинстве образованной"), через Экрон и добрался до своего приятеля в Гедере ("от надежды к отчаянию, от отчаяния к надежде, евреи проливают свою кровь, защищая женщин и детей").

Хиллел Яффе искал работу. Врач Гедеры посоветовал ехать в Бейрут -- в Палестине врачу устроиться невозможно. "За совет я поблагодарил, но не принял его". Его упорство увенчалось успехом: в октябре 1891 года — после четырех месяцев пребывания в стране — его пригласили на должность врача ашкеназийской общины в Тверии. "Сефарды, — записывает Яффе, — отказались участвовать в содержании врача, так как деньги, собранные в галуте, у них идут только "хахамам", законоучителям, у ашкеназийцев же их делят на всех". За Яффе послали верховых ("тележных дорог еще не существовало") и, проведя десять часов в седле, он вошел в свой новый дом, в котором уже собрались представители йешив — человек сорок. "Перед дверью — куча домашних тувель, не могу взять в толк, как эти важные люди могут в них разобраться. Сидели они вдоль стен, облаченные в кафтаны, удивительно опрятные,

поджав под себя ноги на восточный манер”.

После двух лет жизни, ”трудной иногда, и работы, трудной почти всегда, во мне возобладало желание быть поближе к поселенцам”. В 1893 году Хиллел Яффе переехал в Зихрон-Я’аков, которому пошел десятый год.

Теперь он оказался лицом к лицу с баронской администрацией, растленной и растлевающей поселенцев. В больнице четырнадцать коек, врач, девять чиновников и ни одной сестры, в аптеке (”приземистом, грязном доме”) — сплошной хаос, а от него, врача, еще требуют выписывать для чиновников гастрономические яства, платя за них по статье так называемых больничных расходов. ”На винодельне рой чиновников, их помощников, помощников помощников, сторожей, служек и лакеев — на каждого земледельца в нашей колонии приходится два чиновника”. У поселенцев нет стимула трудиться : ”Их учили быть надсмотрщиками и разъезжать на своих лошадях по полю”, — записывает Яффе со сдержанным гневом. Фишель Ааронсон (отец Ахарона и Сарры) ”обрабатывал свой виноградник сам, буквально собственными руками, и, когда труд и любовь были вознаграждены и виноградник начал давать урожай, администрация забрала все доходы в счет его задолженности... Она сводит на нет любой успех, добытый честным трудом”.

Ротшильд был далеко, мечтал о великом, а его чиновники обращались к нему со всякой ерундой. В марте 1894 года доктору пришлось отправить в Париж объяснительную записку по поводу... дорогого слабительного! В Париже желали знать, для какой именно цели заказываются касторка и английская соль. Хиллел Яффе говорит в своем дневнике, что за день к нему обращаются за помощью в среднем от 150 до 180 (!) больных, и делает попутное замечание: ”Кроме лихорадки, которая разрушает организм, поселенцы система-

тически разрушают свой дух". В заключение, после "двух лет в Зихрон-Я'акове с его удушливой атмосферой", он записывает: "Сколько раз и как страшно хотелось мне взять и плюнуть в лицо всей этой компании!".

Несколько раз в неделю Хиллел Яффе ездил верхом в Хадеру. "Не нахожу слов, чтобы воздать должное этим людям. Своими руками копали они могилы домашним, товарищам и соседям, погибшим от тропической лихорадки, но, мужественные, с места не сдвинулись и свое поселение не бросили. Это была доблесть на грани безумия". Здесь, в истерзанной лихорадкой Хадере, начал Яффе свою общественную деятельность. Он возглавил комитет Хадеры и повел непрекращающуюся и изнурительную борьбу с турецким правителем, который насылал на земли Хадеры арабов, подбивая их вырубать виноградники евреев и пахать на их полях. Воевал Яффе и с владельцами земель — "богачами, которые живут в России и не присылают ни копейки". Он участвовал в организации строительства первых домов, подчеркнув для себя в дневнике, что надо торопиться, пока разрешение остается в силе, и печально заметив, что средства на постройку дома имеются не более чем у пяти поселенцев. Из дневниковых записей видно, что и осушение хедерских болот, за которое согласился взяться Ротшильд, — идея Хиллела Яффе, которую он пробивал два года.

Последняя запись в этом удивительном дневнике сделана 16 декабря 1934 года. В этот день в Хайфской реальной гимназии состоялось чествование Хиллела Яффе по случаю его 70-летия. "Мой портрет повесили в школьном зале, и д-р Артур Бирам, директор, назвал меня дедушкой...".

Хадера увековечила память о докторе Яффе, присвоив его имя местной больнице.

”Гетто по доброй воле? Никогда”.

Официально основание еврейского поселения в Артуфе относится к декабрю 1895 года, когда английская миссионерская организация продала свои земли евреям из Болгарии. На деле же эта история началась двенадцатью годами раньше. Миссионеры, ”работавшие” в Иерусалиме среди еврейской бедноты, в основном переселенцев из России и Румынии, предоставили в их пользование принадлежащие миссии участки земли. Евреи переехали, но на уговоры миссионерского характера не поддались и веру не переменили. Однако их стойкость не смягчила противодействия иерусалимских ортодоксов, наложивших на них *херем*⁸⁴, запретивших совершать обрезание мальчиков, которые рождаются у переехавших, и хоронить их покойников на еврейских кладбищах. Когда в Иерусалим привезли умершего в Артуфе ребенка, ортодоксы не позволили предать его тело земле. Артуфцы, вызвав в Иерусалиме кровопролитные стычки, вернулись назад и взялись за старое. Миссионеры же, убедившись в том, что и среди нищих из нищих они потерпели неудачу и только зря потратили большие деньги, предложили землю еврейским переселенцам из Болгарии. Зимой 1895 года сменился и состав жителей, и название поселения: вместо ”Артуф” оно стало именоваться ”Хартув” — известный старожилам ”болгарский мошав” на родине библейского Самсона...

Переселенцы из Болгарии и в бедности держались с достоинством. Десятки лет они мучились из-за недостатка воды: насосы практически бездействовали. Поблизости от Хартува богатый сионист И. Л. Гольдберг построил большую ферму в надежде, что это живописное место когда-нибудь превратится в город. Надежда осуществилась лишь спустя много лет после смерти Гольдберга. Сейчас там стоит город Бет-Шемеш.

Упорная трудовая жизнь продолжалась наперекор всем обстоятельствам с 1896 года и до самого арабского мятежа в 1929 году. Молодое поколение знает только о кровавой резне в Хевроне⁸⁵. Действительно, в зоне с плотно размещенными поселениями, созданными после первой мировой войны, выстояли все населенные пункты. Но отдаленные, изолированные — пали, Хартув в их числе. Второй ("болгарский") этап в истории поселения закончился уходом его обитателей.

Третий этап Хартува начался под знаком разногласий между Иерусалимом и Лондоном. Деньги в кассе Всемирной сионистской организации истощились. В Лондоне все еще был жив дух "реорганизационной комиссии", командированной сионистской организацией в Эрец-Исраэль в начале двадцатых годов. Комиссия рекомендовала подсократиться, съезжиться, а экономически несостоятельные хозяйства даже ликвидировать. Она всячески противилась покупке земель в Эмек-Исраэль. В Иерусалиме окружение Менахема Усышкина именовало "реорганизационную комиссию" не иначе как "ликвидационной комиссией".

Так обстояло дело в начале двадцатых годов. Теперь, в конце двадцатых, под впечатлением арабского мятежа, взволнованное еврейство начало слать деньги в страну в больших количествах: за два месяца было собрано 600 тысяч фунтов стерлингов — сумма, которая сионистам до тех пор и не снилась. Снова столкнулись две концепции. В Лондоне считали, что строить надо только наверняка, в районах, где оборона и экономическое развитие обеспечены. Усышкин, прозванный в Эрец-Исраэль "железным" человеком, настаивал на том, чтобы восстановить разрушенное в поучение арабам: "Неужели мы по доброй воле должны обречь себя на затворничество в гетто?".

Хеврон был покинут, село Кфар-Урия брошено. Но Хартув заселили заново, однако лишь часть бывших болгарских евреев вернулась, чтобы снова "с достоинством нести невзгоды". "Старики свою жизнь прожили, но что здесь делать молодежи?" Старики сомневались не даром: только после провозглашения государства удалось изменить несчастливую судьбу Хартува.

Иврит входит в жизнь

"Полунемыми были мы, запинаясь, мы объяснялись взглядами и жестами", — вспоминал в старости учитель из Ришон ле-Циона. Тем не менее он "обрек" (в своих воспоминаниях он так буквально и написал), "обрек ивриту" своих учеников и учениц: "Только иврит! Иврит дома, иврит на улице, иврит повсюду!"

Шел 1886 год, четвертый год колонизации Эрец-Исраэль. В иврите не было еще слов для обозначения множества элементарных предметов, таких как: полотенце, чулки, тарелка, а тем более — отвлеченных понятий. Не было слова "серьезность", однако билуйцу Давиду Юделовичу это не помешало отнестись к преподаванию иврита самым серьезным образом. "Влияние Элиэзера Бен-Иехуды определяло весь строй моих чувств и мыслей", — писал Юделович.

А сам Бен-Иехуда взволнованно писал: "Разве это не одна из загадок мирового хода вещей, что наше возвращение на свою землю и возвращение к своему языку совпали и начались в один и тот же день, почти в один и тот же час?". Понятное волнение: в 1882 году, в тот же день пятнадцатого ава по еврейскому летосчислению, когда основатели Ришон ле-Циона осели на своей земле, у Бен-Иехуды родился сын Итамар — первый еврейский ребенок, который заново овладеет речью своих

предков, как сказал о нем его отец. Двора, первая жена Бен-Иехуды, стала первой еврейской матерью, воспитывавшей своего ребенка на "мертвом языке", воскрешенном Бен-Иехудой в качестве разговорного.

Материальное положение семьи было тяжелейшим. Школа общества Альянс, где Бен-Иехуда преподавал, платила ему пятьдесят французских франков — около десяти долларов — в месяц. Еще четыре доллара он получал за работу в редакции газеты "Ха-хавацелет", которую издавали Исраэль Бек и его зять Исраэль Дов Фрумкин. Жизнь впроголодь, беременность и роды обессилили Двору. Можно было, конечно, что-нибудь выкроить, чтобы нанять — не служанку, нет! — но хотя бы какую-нибудь девочку в помощь жене, но жена сама согласилась с мужем, что ребенок не должен слышать речи ни на каком другом языке, кроме иврита.

Двора умерла в расцвете лет. Ее младшая сестра Хемда, приехав в страну, вышла за овдовевшего Бен-Иехуду и стала его верной помощницей.

"Французский язык — король, арабский — его прислужник", — шутили в обществе: об иврите, как видим, не было и помину. Дома старики и дети разговаривали на языках и наречиях стран исхода, в баронских поселениях администрация культивировала французский. В Петах-Тикве говорили на идиш. Он царил безраздельно, от любовных романсов и до колыбельных песен, в семье, на улице, на общих собраниях. В четырех хедерах колонии на идиш преподавали и арифметику и даже Пятикнижие, переводя с иврита слово за словом и зазубривая их ивритское звучание, в ашкеназийском произношении, конечно. Еще много лет спустя, когда уже открылась школа

ЕКО, для изучения иврита там не нашлось места. Даже на уроках гимнастики преобладал французский. Иврит допустили только на уроки Танаха и еврейской истории, относясь к его преподаванию так, словно это иностранный язык. Светские предметы в этой школе начали преподавать на иврите лишь в первом десятилетии двадцатого века. Тогда же хедеры Петах-Тиквы были объединены в школу "Талмуд-Тора". Дети воспринимали язык в детских садах безо всяких затруднений, взрослым было куда сложнее.

Новаторы натолкнулись тут на новое препятствие. Школьных пособий на иврите практически не существовало. Учителя начали составлять первые учебники. Элизер Бен-Иехуда засел за еврейскую историю, Мордехай Либман — за естествознание, взявшись переводить на тогдашний иврит русский учебник Антона Зубова.

Введение иврита в школах в качестве языка преподавания положило начало переходу с идиша на иврит и в жизни поселений. Язык проник в домашний быт благодаря детям. В Петах-Тикве учителя начали преподавать иврит и матерям школьников, т.к. некоторые дети отказывались говорить с родителями на другом языке. Началось вытеснение языка идиш из повседневного быта — процесс, который занял более четверти века. Когда отцы Петах-Тиквы основали первый в истории заселения Эрец-Исраэль союз сельских хозяев "Пардес", их первым решением было вести все дела союза на *лашон ха-кодеш* — священном языке, как значится в протоколе. Решение основателей "Пардеса" сегодня звучит как исторический курьез, на деле же оно отражало еще один этап в победоносном шествии иврита по Эрец-Исраэль.

Приехав в 1887 году в Палестину, историк Зеэв Явец встретил группу интеллигентов,

намеревавшихся превратить страну в средоточие интеллектуальной жизни, совмещенной с физическим трудом. Идею выдвинули Иехиэль Михаэль Пинес и Йозель Моше Соломон. Явец к ним присоединился. Здесь он встретил Элияху Сапира, географа и лингвиста, и Арье Лейба Фрумкина, знатока истории Эрец-Исраэль, — "малую ассамблею" новой интеллигенции, освободившейся от удушливой атмосферы религиозного фанатизма в Иерусалиме. Здесь же Зеев Явец приступил к делу своей жизни — написанию еврейской истории в тринадцати томах. Здесь он разработал и учебную программу для школ, которые открывались в колониях, вне досягаемости тех же иерусалимских фанатиков. Программу послали в Париж на утверждение Ротшильду, и она была одобрена. Явец принял предложение вступить в должность директора школы и раввина Зихрон-Я'акова.

Молодой раввин включил в школьный распорядок новые праздничные дни, в том числе "День мира" в пятнадцатый день месяца ава, когда, согласно рассказу из Книги судей, мирно закончилась кровавая междоусобица между евреями, в ходе которой одно из колен Израилевых — колено Биньямина — чуть было не подверглось полному истреблению. Школьный "День мира" пропагандировал, таким образом, братство и единство среди евреев. Но более всего Явец стремился приблизить детей к природе. Так родилась у него идея еще одного праздника — в день, который евреи называют *Ту би-шват*⁸⁶. В 1890 году, на восьмом году существования Зихрон-Я'акова, Зеев Явец организовал в Ту би-шват праздничное шествие детей с саженцами в руках к месту посадки новой рощи.

Нововведение Явца подхватил другой замечательный педагог, Симха Вилькомич, который, переехав из Реховота в Рош-Пинну,

проводил занятия со своими учениками в поле под открытым небом. Ту би-шват приобрел такую популярность, что, несмотря на детский характер праздника, члены ха-Шомера посадили рощу в селе Кфар-Тавор именно на Ту би-шват. А спустя восемнадцать лет — в 1908 году — правление профсоюза учителей официально включило Ту би-шват в календарь праздников, обязательных для всех еврейских школ в Эрец-Исраэль.

Не хлебом единым

С первым еврейским земледельцем явился в стране и первый рабочий. В сущности, и первая историческая борозда в Петах-Тикве была проложена сельскохозяйственным рабочим — поденщиком Иехудой Рахавом, мечтавшим крестьянствовать, как и многие другие после него. Организатором первого рабочего союза был каменотес из Вади-Ханин, инициатор основания Реховота Ахарон Айзенберг. Первый участок под жилье для сельскохозяйственных рабочих и их огороды был куплен из земель Реувена Лерера в Вади-Ханин благодаря помощи Михаэля Гальперина, романтика, проповедовавшего завоевание страны "стрелой и мечом".

Среди основателей первого рабочего союза были также и поселенцы — владельцы земель, собственники хозяйств. Патриархальное рабоче-крестьянское братство, когда хозяева и работники вместе выступили против баронского администратора Осовицкого, со временем сменилось отчуждением, классовыми перегородками, борьбой за предоставление работы еврейским рабочим, за право организовываться и участвовать в управлении поселениями.

Но и в более поздние времена, когда между поселенцами и сельскохозяйственными рабочими началась борьба, за мрачным фасадом отчуждения и вражды все еще пряталось чувство. Один из основателей Петах-Тиквы Арье Лейб Фрумкин откликнулся в газете "Ха-маггид" на образование рабочего союза: "Парни в этом замечательном союзе радуют сердце". В семье Иехошуа Штампфера сохранились воспоминания об одной минувшей буре. Старожилы, напуганные распространением безбожия в поселении, рассерженные стычками с молодежью Второй алии, заговорили о том, что надо бы запретить проживание "русских" в Петах-Тикве. Тогда Иехошуа Штампфер, не менее набожный, чем другие, держа перед глазами чистый лист бумаги, воскликнул: "Давайте подпишем все как один эту грамоту: "Императору всея Руси. Да будет известно Вашему Величеству, что мы с Вами заодно: Вы воспрещаете евреям проживание в России, а мы, ваши верноподданные, воспрещаем им проживание в Петах-Тикве..."

Как рабби Акива Шлезингер во времена, предшествовавшие колонизации, как позднее рабби Арье Лейб Фрумкин на первых ее шагах, духовный руководитель строящейся Петах-Тиквы рабби Иехошуа был встревожен нравами новоприбывших, но тем не менее настойчиво повторял: "Халуцианство этих молодых людей можно сравнить с самоотверженностью основателей..."

Не все относились с уважением к еврейскому рабочему. Вот что пишет Моше Смелянский, который никогда никому не делал скидок: "Нелюбезную встречу приготовила земля наша своим блудным сынам. Официальная холодность "высокопоставленных" работодателей. Критическое, не без зависти и напраслины, отношение местных товарищей по работе.

Высокомерие со стороны большинства поселенцев, — и тяжелые материальные условия, трудности с жильем и питанием, работа от случая к случаю, а страшнее всего — работа, предоставляемая как бы из милости, несмотря на то, что "благодетели" зарабатывают на их труде".

Не все, однако черно: Исраэль Шохат, один из организаторов ха-Шомера и видный деятель рабочего движения, вспоминает и о прямо противоположном явлении.

Так, Шохат рассказывает о случае, происшедшем с ним и его товарищами, когда они работали на плантации некоего Гольденгирша.

Во время расчета поспорили по причине, в наши времена даже непонятной. Гольденгирш хотел заплатить по таксе восемь турецких грошей за день работы, рабочие же требовали только семь, на один грош меньше, как платили повсюду. "Зародилось в нас подозрение, что прибавка оттого, что мы евреи, и пахнет от нее вспомоществованием". Гольденгирш принялся убеждать, что "наша работа стоит больше". Рабочие согласились взять деньги только тогда, когда Гольденгирш доказал им это и, пишет Шохат, "его ответ нас удовлетворил".

Не хлебом единым.

"Союз рабочих, — писал позднее идеолог рабочего движения Берл Кацнельсон, — был первой попыткой создания в Эрец-Исраэль единой рабочей организации". Шел 1887 год, пятый год Ришон ле-Циона. Рабочие, выходцы из России, воспринявшие революционные теории, начали с создания в поселениях местных рабочих комитетов. "Они явились не для того, чтобы работать ради куска хлеба, а ради духа и жизни", — такими словами определил их идеализм уроженец

Цфата Элазар Роках, в письме в одесское отделение Ховевей-Цион.

Прошло еще тринадцать лет, и в июне 1900 года в Яффе собрались делегаты местных комитетов и постановили создать "генеральный комитет" с центром в Вади-Ханин. Секретарем был избран Эфраим Комаров, один из местных поселенцев. Протокол показали приехавшему в страну Ахадха-Аму, который написал на полях: "Со своей стороны, я нахожу, что организация рабочих — дело хорошее и полезное".

В начале последнего десятилетия прошлого века был период, когда на строительстве только одного поселения (Реховот) было занято, в разное время, до тысячи наемных рабочих. Затем занятость резко сократилась. Начался застой, уход людей, реэмиграция. В 1893 году все поселения держали по найму в общей сложности менее 400 рабочих (Петах-Тиква — 60, Ришон ле-Цион — 80, Зихрон-Я'аков — 50, Верхняя Галилея — 50, Реховот — 20, Экрон и Кастина — 30. Еще 30 рабочих находились на положении безработных). К 1894 году число их сократилось до 300, и Иехошуа Айзенштадт-Барзилай забил тревогу, указывая в своем письме к Ховевей-Цион, что еще человек сто рабочих будут вынуждены эмигрировать из страны. Одесса, обшарив свою тощую кассу, выслала в помощь безработным 60 тысяч франков. Пройдут еще шесть лет, и делегация бедствующих рабочих обратится за помощью к ЕКО, к которому только что перешли поселения Ротшильда. В ответ она услышит, что все, что ЕКО готово сделать для безработных, — это оплатить дорожные расходы по эмиграции из Эрец-Исраэль. Но ни в коем случае не "содержать их в стране искусственным путем".

Форпост в Нижней Галилее

Первые поселения уже подошли к порогу своего третьего десятилетия, однако на всем пространстве от Рош-Пинны и до Зихрон-Я'акова еще не было ни единого еврейского населенного пункта. И тут ЕКО, которое прежде отмежевывалось от сионизма и чуралось Эрец-Исраэль, преподнесло ишуву сюрприз, появившись в 1899 году в этом заброшенном районе и основав первое еврейское поселение в Нижней Галилее — Седжеру. Было это за год до того, когда уже существующие поселения перешли к ЕКО из усталых рук Ротшильда.

Так появилось первое из недостающих звеньев в цепи еврейских поселений между севером и югом. Спустя еще три десятилетия — в 1932 году — Всемирная сионистская организация объявит о "Поселении тысячи" — мероприятии, целью которого было поселить тысячу сельскохозяйственных рабочих в Эмек-Хефер, южнее Хадеры, и создать тем самым второе, завершающее, звено, связующее обе части страны.

Земли Седжеры были приобретены у двух слегка чудаковатых евреев-идеалистов: Хаима Якова Кришевского и врача Якова д'Арбеле, директора Ротшильдовской больницы. Десять лет назад они купили землю в том месте, где в древности стоял Шазур, и разбили палатки посреди пустоши. Историк Седжеры Бен-Цион Михаэли бесплодно пытался выяснить, чем они там занимались. Пахали землю? Сеяли? Известно только про болезни, жуткое одиночество и страх перед разбойными нападениями арабов из деревни Лубия и со склонов горы Тавор. Окруженный преклонением жестокий шейх племени, обитавшего на этой горе, убил своего собственного брата и сам был убит в отмщение за это. Его похоронили под раскидистым деревом, которое и сегодня покажут вам местные арабы, вместе с развалинами

постоялого двора, где шейх взимал подать с окрестных жителей. Племя шейха возвело его могилу в ранг святыни, возле нее, как в самом надежном месте, оставляли личные вещи в полной уверенности, что отсюда никто не осмелится их украсть. Разбойники заправляли всем краем.

Доктор д'Арбеле разошелся со своим партнером и оставил Шазур. Кришевский продолжал жить один в своей хибарке. Одиночество его и спасало: уважение, питаемое арабами к отшельникам и отшельничеству, защищало его от окрестных душегубов. Болезни, однако, истощили его настолько, что в конце концов семья забрала его к себе в Ришон ле-Цион.

Тут к землям Седжеры стали присматриваться немцы-храмовники, но их опередило ЕКО.

Со временем Давид Бен-Гурион скажет с грустью: "Счастливейшие дни моей жизни — дни, когда я пахал и сеял в Седжере". И хотя Бен-Гурион недолго пробыл в рабочих, этот его короткий путь начался здесь. По словам местного летописца, "все содеянное Второй алией было посеяно и проросло в Седжере". Элизер Бен-Иехуда считал, что "поселения Нижней Галилеи сформируют еврейского крестьянина, которого поселениям центра страны с их плантационной системой хозяйства вырастить не удалось". Он имел в виду заинтересованность в результатах труда на полях личного хозяйства. И ЕКО, действительно, выделило каждой семье по триста дунамов на индивидуальное хозяйство — вещь, в баронских поселениях немислимая.

Управляющим Седжерой назначили учителя из Микве-Исраэль Хаима Маргалита Калварийского. Он начал с того, что построил учебную ферму, которой предстояло стать кузницей новых идей. Он же обратился к рабочим с призывом идти селиться

в Седжере. Большинство пришли из Верхней Галилеи и старых поселений. На счастье Седжеры в ней поселились также принявшие иудаизм русские крестьяне и репатрианты из Курдистана — те и другие потомственные земледельцы, привычные к тяжелому физическому труду.

Землю в те времена продавали и покупали не по землемерному плану, а на глаз, "отсюда дотуда" — по естественным приметам на местности или из расчета дневной вспашки на быках. Калварийский первым делом поспешил оформить покупку у местного турецкого начальника в Тверии, которому мысль о появлении евреев во вверенной ему местности совсем не улыбалась. Запретить сделку он не мог, но ничто не мешало ее сорвать. Поэтому выход в поле для определения границ земельного владения он назначил на Йом-Киппур⁸⁷, совершенно уверенный в том, что в этот день никто из еврейских покупателей не явится на место и площадь Седжеры можно будет хорошенько обкарнать. Хаим Маргалит Калварийский чтит еврейскую традицию и святые дни. Но в этот день он не колеблясь рассудил так: "На первом месте земля Израилева... Упустив срок, упустим ее... Перед заветом о ней даже завет о дне Йом-Киппур отступает...". И, не снимая с себя талита⁸⁸ и не выпуская из рук молитвенника, он явился в Седжеру.

Со временем отношения Калварийского с руководителями ЕКО стали прохладными. Последние, вероятно, нашли, что он слишком далеко заходит в своих сионистских высказываниях и намерениях. Так или иначе, из Седжеры его перевели. Поставили заведовать организацией новых колоний ЕКО в округе, а в Седжеру назначили его питомца из Микве-Исраэль 23-летнего агронома Элияху Краузе, ставшего впоследствии известным руководителем этого поселения.

При Элияху Краузе Седжера прославилась своими нововведениями. Отсюда, например, распространилась такая революционная новинка, как издольщина. Ее практическая суть состояла в постепенном и условном на первых порах переходе к крестьянской жизни. За первым этапом — работой на учебной ферме — следовало испытание на пригодность к самостоятельному хозяйствованию. На этом-то этапе хозяйство и велось на условиях издольщины. Лишь после нее садились на землю окончательно и начинали настоящую крестьянскую жизнь. Вызванный в Седжере землемер из Петах-Тиквы Элияху Сапир, сравнивая далекое прошлое с настоящим, записал: "Когда-то галилеяне отличались усердием и широким кругозором... Среди новых поселенцев начал проявлять себя подлинно галилейский тип".

"Лучший элемент в ишуве"

Конюха седжерской учебной фермы звали рабби Аврахам ха-гер — "прозелит Аврахам". Фамилия его была Куракин. Он принадлежал к группе русских крестьян, принявших иудейскую веру и переселившихся в Эрец-Исраэль в конце прошлого века. Их приезд совпал по времени с эпохой новой еврейской колонизации. Они разбрелись по поселениям, часть осела в Галилее, где можно было заняться привычным им земледелием без искусственного орошения. Они прекрасно освоились в новой среде, быстро пустили корни. Хаим Калварийский сказал о них с доброй завистью, что они — "лучший элемент в ишуве". Он имел в виду их потомственную крестьянскую хватку, выносливую мужицкую силу и терпеливость. В Седжере их было восемь семей. В заметке, посланной в газету Элизера Бен-Иехуды "Ха-шкафа", Калварийский рассказывал о

женщинах из этих семей: "Работают и на огороде и в поле, а после смерти мужа занимают его место и полностью выполняют его работу, в отличие от жен еврейских крестьян".

Рабби Аврахам ха-гер, старик Куракин, был человек гостеприимный и любил рассказывать гостям, угощая их русским чаем, каким образом пришел он в России к истинной вере. В своей деревне Куракин был звонарем и на Рождество, как всегда, полез на колокольню. Внезапно у него закружилась голова. Присев на перекладину, чтобы не полететь вниз, забормотал для поднятия духа стих из Псалтыри: "Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего обитает". Встал, попробовал взяться за веревку раскатать колокол — руки не слушаются, в глазах темно. Он продолжал бормотать: "Крылом своим Он укроет тебя и под крылами Его найдешь убежище", — как вдруг услышал голос свыше: "С небес было указано мне перейти в израильскую веру, ибо откуда молитвы? От нее". В колокола не звонил, все дни Рождества рассказывал о бывшем ему откровении и слушали его с большим вниманием. После праздника запрягли лошадь в телегу, сложили туда висевшие по домам иконы и отвезли батюшке: "Прими, отец, не веруем в них боле". Тот всплеснул руками, закричал, стыдя и увещевая — напрасно. Тридцать семь семей, сто шестьдесят три души, продали дома и переехали из своей деревни в село к субботникам, которые не признают Христа за сына Божьего, а там нашли ходы в соседний город к евреям, отправили посланцев к раввину, человеку мудрому и знающему русскую речь. Раввин поначалу испугался. Свяжешься — власти предержавшие покарать могут всю общину. Но мужики стояли на своем и настояли: раввин дал согласие послать к ним наставника, а также молитвенники с переводом на русский. Эти молитвенники они привезли с собой в Эрец-

Израэль, по ним молились. И рабби Аврахам хагер запевал, по-русски, разумеется, тот псалом 91, что наставил его на путь истины: "Воззовет ко Мне, и я отвечу ему... Долготою дней насыщу его и явлю ему спасение Мое".

Куракин рассказывал о том, какие строгости чинила им царская власть; о том, как снялись они с места и пошли в Вильно, в самую гущу еврейского населения; как через полтора года отправили их в Одессу к Ховевей-Цион и Меир Дизенгоф посадил их на пароход, идущий в Яффу. Из Яффы попали они в Ришон ле-Цион, затем в Хадеру. В конце концов осели в Галилее и — "благодарим Создателя: хорошо нам".

"Лазутчики"

В последующие за Седжерой годы Еврейское Колонизационное общество заложило еще несколько поселений: Яму — Явнеэль, Месху — Кфар-Тавор и Мелхемию — Менахемию. Необходимость освоить эти земельные владения побудила возглавлявшего дело Калварийского подбирать поселенцев из людей с опытом, который позволил бы им выстоять во враждебном арабском окружении. Он обратился к бывшим поселенцам Харана, к молодежи Верхней Галилеи и Зихрон-Я'акова. Молодежь откликнулась, в частности, потому, что в старых поселениях почти уже не осталось земли, где взрослые дети первых поселенцев, отделившись от родителей, могли бы завести собственное хозяйство. Таким образом, Калварийскому удалось вскоре доложить в Париж: "Молодые и сильные сумели завоевать в округе репутацию настоящих храбрецов". Со временем о них скажут словами Иосифа Флавия: "Галилеяне никогда не знали страха".

Первыми в Явнеэльскую долину спустились

”харанцы”; две женщины из семьи Сахиных первыми обжили брошенные арабские землянки. Метульцы и зихронцы, наученные горьким опытом жизни под началом ротшильдовских управляющих, поступили, как древние евреи, которые перед вступлением в Эрец-Исраэль отправили в нее своих лазутчиков. Нынешние ”лазутчики” первым делом выслушали в Тверии Калварийского, заверившего их: ”Я сионист...”. Успокоенные относительно этого пункта, двинулись на юг, в долину. Среди того малого, что было о ней известно, передавали, что почва там самого высокого качества. Говорили, что в Хайфу ежегодно приходит из Италии специальное судно за пшеницей из этой долины — отборным зерном, из которого получают замечательные макароны. Добрый знак. Правда, названия тамошних арабских деревень, переводимые как ”Лихорадка” и ”Мать скорпионов”, не сулили ничего хорошего. ”Идите, идите, найдете там всякую холеру”, — злорадно напутствовал уходящих управляющий Зихрон-Я’акова. Но это уже никого не могло напугать. Второе поколение поселенцев с детства было привычно ко многому.

С севера явились ”лазутчики” метульцев: десять вооруженных всадников. Их прибытие взволновало Тверию. Перед тем как въехать в город, они завернули на окраине на еврейскую цитрусовую плантацию передохнуть и утолить жажду. Хозяин, гостеприимный сефард, услышав о цели, ради которой приехали гости, произнес *ше-хехейану* — что дóжили — традиционное благодарение Богу по случаю всякого большого радостного события или известия. Вместе с тем предупредил: ни в коем случае не появляться и не селиться в Месхе (нынешнем Кфар-Таворе) на склоне горы Тавор. Там обитает худшее из

разбойничьих арабских племен. На постоялом дворе в самой Тверии их встретили со смешанными чувствами: хорошо, что будут новые поселения, но при этом придется сказать "прощай" доходной торговле с арабами, которые уйдут с купленных евреями земель. В конце пути, в Яме, метульцы увидели те две землянки, где уже жили первые в этих местах евреи: семья Сахиных. Сахины поделились с гостями своим первым опытом: "У нас вода лучше, чем в Месхе. Днем, правда, она грязная, но зато на рассвете совсем прозрачная". Пользоваться этой водой явнеэльцы будут с крестьянским терпением десятки лет.

Зихронцев направили в Милхемию (будущую Менахемию). Сердце у них упало. Как смогут они, горные жители, существовать в этой низменности? Комаров туча, зной такой, что нечем дышать. В первый вечер почти уже решили: вернемся. Но Иордан, представившийся их взорам с первым светом утренней зари, заставил позабыть про прохладные зихронские ночи. "Мы остались, — рассказывал Меир Розенцвейг, — только из-за любви к Сиону". Приехав во второй раз, чтобы окончательно обосноваться в новом поселении, зихронцы спустились в долину верхом на конях. Ужасно хотелось появиться с бело-голубым флагом, но мысль о недреманном турецком оке удержала их от этого шага. И все же выход был найден: всадники повязали головы на арабский манер платками — белым и голубым. Выпущенные их концы забились на ветру, сливаясь в бело-голубое мелькание. Приученные первым духовым оркестром Зихрон-Я'акова к парадному шагу, они двинулись строем, по двое в ряд, распевая гимны о Сионе. Так вступило на свою землю второе поколение поселенцев.

”Край настоящих земледельцев”

Второе поколение Первой алии во многом определило облик и характер поселений Нижней Галилеи. Выросшие дети первых поселенцев жили без разлагающей и унижительной опеки баронской администрации, питавшей пресмыкательство и бунты. ЕКО не стесняло поселенцев. И очень скоро Нижняя Галилея стала местом паломничества для молодежи Второй алии. В записках того времени нередки восторженные излияния чувств на эту тему: ”Какое великое счастье побывать в краю настоящих земледельцев!”.

Особенности земледелия в Галилее отвечали идеалам сионистов-социалистов: ”В классе крестьян хотим мы создать крестьянскую партию, ту партию, которая в странах диаспоры у нас отсутствует, — а добиться этого можно только через земледельческий труд, ибо плантационное хозяйство носит капиталистический характер”, — говорится в уставе организации сельскохозяйственных рабочих ”ха-Хорэш” (Пахарь). Эта организация, основанная в Седжере, соответствовала своему названию: не просто рабочие, а рабочие-земледельцы. Их орудие уже более не мотыга на ”капиталистической плантации”, а плуг ”подлинного крестьянства”. ”Фалха”, пахотное земледелие, обещало другой образ жизни.

Новшества следовали одно за другим. В недалеком будущем возникнет *квуца*⁸⁹, позже — кооперативное хозяйство. Но ни то, ни другое еще не обозначились на горизонте, когда первые приобретения Национального фонда на обоих берегах Иордана потребовали немедленных действий. Это был новый вид владения землей, общенародный, относительно которого

не существовало никакого опыта. Купленные площади лежали втуне и, согласно османскому законодательству, могли уйти из еврейских рук, если их не будут обрабатывать три года подряд. Поэтому, временно, обработка этих земель была передана арабам. Пока же обсуждалась идея открыть на них ферму для подготовки кадров еврейских сельскохозяйственных рабочих.

Наличие общенациональных земель требовало быстрых, решительных действий и нового организатора, принципиально отличного и от Ротшильда, с его попечительским рогом изобилия, и от ЕКО, с его холодно-расчетливой, до копейки, администрацией. Такой руководящей силой могла стать только Всемирная сионистская организация — пока еще слабая, страдающая от безденежья, организационно неустоявшаяся, но неуклонно развивающая свои учреждения. Вопрос о том, где и когда она примет на себя функции заселения страны, стал лишь вопросом времени.

В "краю настоящих земледельцев" вышла на арену новой истории Эрец-Исраэль коммуна. Сначала, правда, — через боковые ворота. Началось с того, что в 1908 году решили построить учебную ферму на берегу озера Киннерет у Иордана и поручили дело директору Керен каемет агроному Моше Берману. Незадолго до того он руководил посадкой масличной рощи в память умершего Герцля на общенациональных землях в районе Бен-Шемена. Работу, как было заведено повсюду, он поручил арабам, не догадываясь, какое это вызовет возмущение: "Как такое возможно? На национальных землях!..". Столкнувшись со взрывом негодования, он принес публичные извинения и пригласил для продолжения посадок бригаду из Петах-Тиквы — группу молодежи, которая и образовала вскоре первую коммуну. Но

еще до прибытия группы на место возмущенная местная молодежь выкопала посаженные арабами саженцы и на их месте насадила новые, дабы всем стал ясен лозунг еврейского труда на еврейской земле. Закончила закладку рощи бригада-коммуна из Петах-Тиквы.

История эта не забылась, и, когда Берман взялся за строительство учебной фермы в Галилее (с помощью той же коммуны), это вызвало настоящую бурю. "Только не Берман!" — закричали в один голос галилейские члены "Ха-хореша". На общем собрании, созванном по этому поводу в Явнеэле, температура была такая, что раздались требования объявить учебной ферме бойкот, пока ею руководит человек, нанявший арабов работать на общенациональных еврейских землях. Членов коммуны тоже пригласили, но участвовать в голосовании им не дали. В конечном итоге верх взяло предложение умеренных: "Ха-Хореш" хотя и объявит бойкот, но только "пассивный", то есть не будет сотрудничать с коммуной, но и не станет ей мешать. И 8 июня 1908 года коммуна в составе восьми человек поселилась в заброшенном домике бывшего хана, стоявшего у старинного караванного пути через Иордан, на юру, открытом всем ветрам.

Идиллические отношения между Берманом и его коммуной быстро испортились. Бригада оставила Киннерет и возвратилась на юг, на сей раз в Хадеру. История, однако, на этом не остановилась. Требовалось найти евреев, чтобы заселить земли на другом берегу Иордана. "Усадьбу" решили предложить рабочим, с тем, чтобы они вели хозяйство на свою ответственность, без всяких администраторов.

На сей раз галилеяне откликнулись и дали свое согласие. Но и тут упустили шанс: шесть

парней и одна девушка, поселившиеся за рекой, вскоре вернулись оттуда, и пришлось снова идти на поклон к коммуне, просить возвратиться в Галилею и принять в свое полное распоряжение землю, ферму — все что есть. Так возникло ядро будущего киббуца Дгания-Алеф. Передача хозяйства квуче состоялась осенью 1910 года. А земли фермы Киннерет, на этом берегу Иордана, передали другой квуче.

8 июня 1908 года стало исторической датой, обозначившей начало заселения Эрец-Исраэль под руководством Всемирной сионистской организации.

ЗЕМЛЯ, ТЕКУЩАЯ МОЛОКОМ И МЕДОМ

”Сельское хозяйство всегда будет
краеугольным камнем любого общества...

Если есть сельское хозяйство — есть и
страна”.

Моше Смилянский

Соседи из арабской деревни

С возвращением евреев на старую родину, в стране появились телега и упряжь; 16-летний кузнец из Ришон ле-Циона совершил агротехнический переворот в 1883 году, сработав по образцу непрочной деревянной сохи арабского феллаха металлический плуг (как уже говорилось, европейский плуг в условиях почв и климата Эрец-Исраэль оказался непригоден); было усовершенствовано возделывание полевых сельскохозяйственных культур, завезены и освоены новые породы домашних животных и новые сорта фруктов. Так, коротко и образно, профессор Шмуэль Авицур подытоживает перемены, происшедшие в традиционном сельском хозяйстве.

Что же было до этого? Какая картина представилась глазам первых переселенцев?

Кое-где еще оставались уцелевшие еврейские крестьяне. Еврей-горожане тоже иногда промышляли сельским хозяйством, предоставляя арабскому феллаху тягло — быков, или ссужая деньги на семена за половину урожая. Доход арабского издольщика — в ту пору, когда среди евреев Иерусалима и Цфата возникла идея о возвращении к земледелию, — был ниже пособия, распределявшегося среди членов ашкеназийской общины (сефардам, напомним, такой порядок был почти неизвестен). Зависимость феллаха от заправил своей деревни и земельных арендаторов была куда более свирепой, чем зависимость евреев, живших на пособие, от казначеев своих общин.

Арабская деревня в эпоху первых поселенцев представляла собой нагромождение домишек без окон, спрятавшихся от посторонних взглядов за стеной из необожженного кирпича. Окна в арабских постройках на селе появились только к концу прошлого века. Феллах и в собственном доме был не хозяин, а, как бы мы сейчас сказали, "винтик" своей *хамулы* — клана, насчитывавшего иногда одновременно до пяти поколений, ходивших под началом старшего в роде, слово которого решало все, от женитьбы до последнего гроша, обычно тоже отсутствовавшего.

Сама деревня зависела от милости кочевников-бедуинов, устраивавших на нее разбойничьи набеги. От грабежей спасала только регулярная мзда, которая деликатно именовалась "братским налогом". Взимавшие этот "налог" патроны обязывались жестоко карать всякого другого грабителя, посягнувшего на жизнь и имущество плательщиков мзды. Однажды в Петах-Тикву явились люди из клана Абу-Кишека и потребовали от евреев как от своих союзников участвовать в карательной экспедиции против людей эмира эль-Харти из Эмек-Хефер, ограбивших арабскую деревню, находившуюся под покровительством Абу-Кишека. Чтобы избежать участия в таком деле, поселенцы откупились от соседей, снабдив их рисом, кофе и сахаром.

В арабском селе преобладало богарное земледелие — посевы без искусственного орошения. Когда скупали урожай, его мерили не на вес, а по объему, к невыгоде производителя. Какую бы мерку ни предлагали феллаху посланцы закупщика — "ровную", то есть вровень с горлом кувшина, для чего излишек смахивали линейкой, или "полную", то есть с горкой, пока зерно само не начнет осыпаться, — феллах все равно терпел от обмана. Жалкое его положение словно притягивало к нему хищников. Овощи

он выращивал на небольшом участке внутри своего двора, и лишь ничтожная часть их шла на базар. Картофель появился только в конце века, как и помидор. Как Давид Шуб, основатель Рош-Пинны, соблазнился родниками (не оправдавшими себя) в Галилее и забраковал легкие почвы Шарона, так и феллахи долгое время считали их негодными. Пока не выяснилось, что на них отлично произрастают цитрусовые и арбузы (кстати, "специалисты" забраковали почвы Кфар-Сабы уже тогда, когда это было известно). Арбуз, в сущности, был пионером сельскохозяйственного экспорта: еще отцы Хадеры, которые держали бахчи арбузов в компании со своими соседями-феллахами, обратились к османским властям с прошением поставить таможенный пост на берегу у причала, откуда баркасы ходили в Турцию и обратно, чтобы можно было грузить в них "экспортный" хадерский арбуз.

"До первой жатвы"

На втором году своего существования истощенная Рош-Пинна оказалась перед непосильным долгом в 10510 французских франков, но уже в январе 1884 года газета "Ха-мелиц" могла сообщить благую весть о приезде из Парижа ангела-спасителя по имени Михаэль Эрлангер. Специальный комитет, назначенный поселенцами, составил контракт о передаче покупателю всей усадьбы и имущества: 2140 дунамов земли, 19 домов, два хлева, две лошади, двенадцать быков, два теленка и осел. Покупатель со своей стороны обязался "позаботиться о недостающих домах для поселенцев, дать на каждый двор одного быка, одну корову, одну лошадь и одного осла, а также двадцать плугов на весь мошав; построить синагогу, школу и баню; выдавать на каждого

человека по десять франков в месяц на проживание и корма для скота в течение девяти месяцев — до срока жатвы”. Упорная молва утверждала, что за Эрлангером стоит барон Ротшильд.

Никто не сомневался, что главное — это дотянуть до жатвы. Как сожнут пшеницу, так и появятся деньги. Так рассуждали все первые переселенцы, не только в Галилее. Основатель Ришон ле-Циона Залман Давид Левонтин записал с горьким сарказмом: “Каждый из прибывающих в Яффу воображал себе, что он за ночь купит землю, вспашет и посеет, а назавтра, собрав урожай и вкусив от него плодов, усядется благоденствовать под виноградной лозой и смоковницей, проклиная страну исхода за то, что она не прогнала его еще десять лет назад”.

Левонтин и сам, еще совсем недавно, был не так уж далек от таких взглядов. В год основания Ришон ле-Циона он опубликовал в журнале “Ха-шахар” подробную калькуляцию затрат на поселение одной семьи, весьма фантастическую. “Расходы на поселение одной средней семьи, — уверенно сообщает Левонтин, — должны составить не более 1280 рублей или 3200 франков: восемьдесят дунамов земли, три быка, одна лошадь, две коровы, осел, плуг, машина для уборки зерновых, купленная в складчину, одна на двадцать хозяйств, телега и тачка, дом и скотный двор, семена и (тут-то главное) прокормление в течение первого года”. Другими словами, предполагается, что уже на второй год крестьянин встанет на ноги. Еще дешевле получалось у Давида Шуба: его расчет обязывал переселенцев, основавших Рош-Пинну, привезти с собой по две тысячи франков, которых им, якобы, хватит до первой жатвы. Такое же обещание получили основатели Экрона: деньги нужны только “на прожитие, пока земля не уродит в первом году... А когда пшеница заколосится,

можно будет и женщин с детьми привезти в Святую землю”.

Поистине — ”за ночь построит поселения, а назавтра усядется благоденствовать под виноградной лозой”.

”Под виноградной лозой” — этот библейский поэтический образ заслуженного мира, отдохновения, отвечал заветному желанию, но на этом нельзя было строить экономическую базу. Жители Гей-Они, поселения, предшествовавшего Рош-Пинне, купили у арабов соседней деревни 4200 дунамов (дунам тех времен равнялся 1600 кв.м., а не 1000 кв.м, как сейчас) за 550 турецких фунтов. Половина этой площади состояла из садов и виноградников, которые не пережили засухи, продолжавшейся четыре года и уничтожившей Гей-Они.

Полагаться можно было только на возделывание зерновых. Отцы Рош-Пинны недаром постановили праздновать не день основания поселения, а второе число месяца тевета — день, когда поля Рош-Пинны были впервые вспаханы под пшеницу.

Процветание Петах-Тиквы также было основано на зерновых культурах. ”Дожди прекратились, феллахи боялись голода, но мы тем не менее не отчаялись... Наши соседи прямо говорили, что не видали другого такого красивого и благоустроенного поселения, как Петах-Тиква”. И действительно, едва там появились поселенцы второй волны, как тоже ”купили себе крупный рогатый скот и инвентарь и засеяли свои поля”.

Крестьяне Самарина (Зихрон-Я’акова) сообщали в своих письмах в Румынию, что ”пшеница растет на славу”, что прикупили еще двадцать одного быка для пахоты, что все их земли вспаханы и засеяны яровыми хлебами и что ”через три месяца (письмо Лейбуша Корнфельда, напечатанное в газете ”Ха-маггид” в мае 1883

года) сможет земледелец вкусить от своего урожая и возблагодарит Всевышнего". И это после первой же жатвы. Ришон ле-Циону предстояло стать зерновой колонией, из этого исходили, разрабатывая порядок коллективной обработки земли. Спасительные зерновые.

Спасительные, да ненадолго.

Скудный хлеб

Как уже говорилось, "край настоящих земледельцев" — еврейских феллахов Нижней Галилеи — воспламенял романтическое воображение молодежи Второй алии. Но это случилось спустя двадцать с лишним лет после основания этих хозяйств, когда все выглядело по-другому. А некогда тощие хлеба росли в этом краю, подверженном засухам. После того, как весь цикл полевых работ был завершен, вспоминают местные старики, поселенец убирал зерно, расплачивался с работником, без которого в хозяйстве было не обойтись, с властями и комитетом, вносил платеж в ЕКО согласно контракту, оплачивал ремонт телеги и упряжи, подковку мулов и прочее, что необходимо по хозяйству, — счастлив был тот, у кого оставалось на керосин, оливковое масло и сахар на зиму. На этом да на своей пшеничной крупе и турецком горохе жили от урожая до урожая.

Иные поселения оставались с пустым гумном. Такие запрягали лошадь и ехали в город на заработки — перевозить грузы из одного города в другой. Шестьдесят-восемьдесят грошей в день считались большой удачей. Были такие, что доезжали на своих телегах до самого Иерусалима. В Иерусалим отвозили зерно или чечевицу, оттуда спускались в Иерихон за грузом соли для Галилеи — шесть суток пути. Безопасности ради старались ездить колонной, иногда до десяти подвод.

Тяжек был гнет османских властей. Налог на землю, на дом, на содержание войск, и даже "дорожный" налог ("А где же дороги?" — спрашивали налогоплательщики, но платили беспрекословно). Торговцы зерном, свои и чужие, скупали урожай за полцены. Нерадостно было на сердце у земледельца, когда после всех работ подходил час расчета.

В поселение приезжали турецкие чиновники. Под их наблюдением зерно делили на восемь частей, из которых одну забирали власти. Со временем взимание зернового налога было передано частным сборщикам, и те еще хуже прижали поселенцев. К восьмой части урожая, которую забирали власти, сборщики добавили свои поборы: зерно в возмещение скормленного скотине, зерно за доставку одной восьмой урожая в назначенное властями место и даже зерно из осыпи, которую, вместе с пылью, собирали метлами на корм птице. Так, вместо восьмой части урожая, забирали чуть ли не одну пятую.

После сборщика приходила очередь батрака. Оставшееся зерно раскладывали на пять куч, пятая — батраку. Затем следовали другие государственные налоги, налог в кассу поселения, расчет с пастухами, косарями и уборщиками гороха. В итоге, на семью и на семена оставалось процентов тридцать урожая. В удачный год можно было жить, если продать со двора корову или теленка.

Так жили в "краю настоящих земледельцев", и, чтобы объяснить романтическое отношение молодежи Второй алии к этой жизни, надо сказать, что ее суровость не раздавила галилеян, а наоборот, закалила, зарядила волей и энергией, даже взрывами жизнерадостности, находившими свое выражение в темпераментной пляске — галилейской "хоре".

Первые виноградные лозы

В 1481 году — за четыреста лет до первых еврейских сельскохозяйственных поселений нового времени — путешественник нашел в Газе полсотни хозяйств с виноградниками. Однако первые поселенцы эпохи национального возрождения сеяли хлеб. Это обещало немедленный доход. Позднее, когда агрономы Ротшильда начали вводить виноградарство, отцы Ришон ле-Циона, восхитившись "новшеством", вместе с тем забили тревогу, не зная, как им перебиться в первые годы: "Ибо есть в этом деле одна беда — лоза даст ягоду только на четвертый год, а до того времени нет у поселенцев никакого другого средства к существованию, кроме ф р а н к о в" (как тогда называли баронское пособие), — писали они в газете "Мевасерет Цион", выходящей в Иерусалиме. В отличие от ришонцев, поселенцы Самарина опередили ротшильдовскую инициативу и в первый же год, наряду с пшеницей, посадили 20 тысяч саженцев виноградной лозы. Недаром виноград Зихрон-Яакова позднее оттеснил виноград Ришон ле-Циона.

На втором году существования Ришон ле-Циона выяснилось, что его земли под зерновые не пригодны. 1884 год был "годом изобильного хлеба для всей страны и только Ришон ле-Циону не ниспослал он от своих щедрот", — сообщает иерусалимская газета. Поселенцы засеяли почти все свои земли, однако урожая едва хватило на три месяца. Управляющий, Иехошуа Осовицкий, предложил Ротшильду завести в колонии виноградарство и разбить виноградники на всех землях Ришон ле-Циона: единственный выход.

В 1896 году гвоздем первой выставки продуктов сельского хозяйства из Эрец-Исраэль, открывшейся в Берлине, стало вино. Главы сионистского движения в Германии, надевшие ради исключительного события турецкие фески, радостным взором провожали тысячи посетителей, уносивших с собой бутылку вина, вся притягательная сила которого заключалась в надписи на этикетке, исполненной на "библейском языке".

"Наша сестра Сарра"

Трудно сказать, почему Давид Дов Фельман не примкнул к еврейским поселенцам, а завел плантацию цитрусовых в арабской деревне в двух часах ходьбы от Яффы, где он поселился со своей женой Саррой-Итой, семью детьми и меламедом, учителем его детей, которого он привез с собой. Фельмана, по местным понятиям богача, приехавшего с капиталом в десять тысяч рублей для устройства на новом месте, обхаживали и поселенцы из восстанавливаемой Петах-Тиквы, и жители Ришон ле-Циона, стараясь заполучить его к себе, но тот как остановился под Яффой, так и остался. Возможно, его околдовали тенистые апельсиновые рощи, до двухсот с лишним деревьев на дунам, окружавшие Яффу вечнозеленым поясом, или цитрусовая плантация Монтефиоре — 1417 деревьев беспорядочной, нерегулярной посадки, как во всех старых арабских апельсиновых рощах. А может быть, он восхитился лимонами Микве-Исраэль, плантацией из 1770 деревьев, которую заложил Карл Неттер и год посадки которой — 1880 — считается началом цитрусоводства в новом еврейском ишуве.

Так или иначе, в арабской деревне возник "Сад Давида", как назвал Давид Фельман сорок

дунамов своего хозяйства. Только не довелось ему увидеть плоды своего труда. Работая на окапывании апельсинов, он получил солнечный удар. Единственный яффский врач, крещеный еврей Охлер, ошибся в диагнозе и прописал больному хинин. Фельман скончался, не успев прожить в Эрец и года. Молодая вдова осталась одна с семью детьми.

Добрые евреи, а также раввин-сионист Шмуэль Могилевер и раввин из Бриска, гаон Лейб Дискин, глава иерусалимских ортодоксов, настоятельно советовали Сарре Фельман покинуть страну. Ответом было категорическое и однозначное "нет" Сарры-Иты. Согласно семейному преданию Фельманов, вдова сказала: "Я душу положу за землю, которой мой муж принес себя в жертву". Через несколько недель после смерти мужа умерла одна из дочерей. Не сломившись и не жалея себя, Сарра Фельман продолжала тянуть хозяйство, скотный и птичий двор, а также плантацию цитрусовых.

Пошли годы каторжного труда, которые скрашивали лишь добрые отношения соседей из села Сумель. Уважение к удивительной стойкости совершенно одинокой хозяйки Сада Давида хранило ее от беды в продолжение десятков лет. Когда случалась кража, не кто иной как шейх села находил воров и лично возвращал Сарре украденное. Нагрянут бедуины — сумельские арабы прогонят их из хозяйства. Однажды в водоеме на плантации Сарры нашли утонувшего арабского ребенка, и когда на похоронах заводилы начали подбивать односельчан идти громить Фельманов, толпу остановила мать маленького утопленника. "Мой сын был дорог ей, как мне, — закричала она. — Это наша сестра, Сарра!" Если арабы села Сумель относились к Сарре Фельман

до самой ее старости с завидным почтением, то не меньшее уважение заслужила эта замечательная женщина и у первых еврейских цитрусководов в качестве пионера этого дела.

Память халуцианского подвига, совершенного в селе Сумель, бесследно погребена под асфальтом и железобетоном Тель-Авива. Может быть, только в каком-нибудь забытом архиве еще хранится библиографическая редкость под названием *Мааян ганім* — "Родник садов". Ее автор — сын Давида и Сарры Ахарон Лейб Фельман.

Ночной стук в окно

Странно, но факт: первые наши цитрусовые плантации — пардесы — связаны с... воровством, о чем свидетельствует Ицхак Роках в мемуарной книге под названием "Пардесы рассказывают". Арабские владельцы апельсиновых рощ, опасаясь конкуренции, отказывались продавать евреям прививочные черенки сорта "шамути". В результате евреи начали нанимать смельчаков-сорвиголов, чтобы нарезать по ночам в яффских рощах драгоценный привой. Это занятие было связано с большим риском: рощи охранялись марокканскими и алжирскими караульными, которые открывали огонь по первому шороху. "Человеческую жизнь они не ставили ни во что, и бывало, что дело кончалось убийством". Зато и вознаграждение за согласие на такой поход было соответствующим. Похищенный черенок в ту же ночь приносили заказчику. Ицхак Роках вспоминает, как в детстве его пугал по ночам внезапный громкий стук в окно. "Не бойся, — успокаивал его отец, будущий основатель союза еврейских цитрусководов "Пардес", — это Ахмед из Бейраджи принес для меня черенок..."

У арабов было принято размножать цитрусовые

черенкованием: брали ветку, нарезали из нее 20-сантиметровые саженцы, втыкали в землю и через год, когда саженцы пускали корень, прививали на них побег "шамути" или лимона. Евреи у себя в питомниках завели другой способ: сеянцы. Шимон Роках угощал детей на улице сладкими лимонами, которые он приносил домой, с уговором вернуть ему косточки для питомника. Арабы потешались: "Бортуган сеет, как редиску!". Португальский апельсин был завезен в Эрец-Исраэль в начале восемнадцатого века из Португалии. Арабы прозвали его "Бортуган" — португалец.

Название "шамути" мы заимствовали у арабов. Шамот — обожженная огнеупорная глина — французское слово, которым в Яффе, в докеросиновую эпоху, называли красные глиняные плоские, куда наливалось масло и вкладывался фитиль. Замечательно вкусные плоды апельсин-мутанта, обнаруженного в яффских рощах, напоминали цветом и формой эти плоские и были прозваны "шамути" по такому неожиданному сходству. Предание гласит, что первый "шамути" был найден на плантации Иова близ Яффы — плантации, которая вошла в историю нашего национального возрождения как место, где билуицы нашли свой первый приют.

Занявшись цитrusоводством, евреи стали прилагать усилия к обогащению традиционных сортов новыми. Так, например, известно, что директор Микве-Исраэль Элияху Краузе показал на сельскохозяйственной выставке более двухсот сортов цитrusовых.

Под мостовыми Тель-Авива погребена история не только пардеса Сарры Фельман, который находился в районе нынешних улиц Арлозорова, Ибн-Габириля и Шломо Ха-мелеха. Театр "Табима" и прилегающие к нему кварталы построены на землях цитrusовой плантации, принадлежавшей некоему немцу, который

разорился и продал ее за бесценок трем еврейским компаньонам: старосте Петах-Тиквы Моше Пинхасовичу и братьям Литвинским. Пардесы в окрестностях улицы Левонтина принадлежали братьям Роккам, тем самым Роккам, потомкам крестоносцев, из-за которых будущим основателям Петах-Тиквы, после неудач в Иерихоне и Хевроне, не удалось купить землю и в Доране. Братья перекупили ее и много лет спустя продали основателям Реховота. Продажа их пардеса была связана с кровавым инцидентом: младший из Рокков застрелил Якова Абрамовича, парня из Ришон ле-Циона, за то, что тот осмелился обогнать свадебную коляску Рокка, пустив лошадь в галоп и подняв тучу пыли, которая запачкала наряд невесты... Убийца бежал за границу и нашел убежище в Ватикане. Его семья повела переговоры о компенсации. Чтобы собрать нужную сумму, Роккам и пришлось продать свой пардес евреям.

К тому времени арабы уже утратили монополию в цитрусоводстве. Около половины площадей, занятых пардесами (десять-двенадцать тысяч дунамов) находились в руках евреев, и лишь немногие среди них еще помнили ночной стук в окно...

Шелк из Рош-Пинны

Крестьянские семьи не могли протянуть от урожая до урожая. Богарное земледелие не оправдало себя и в Рош-Пинне. Бедственное положение крестьян отдало их во власть самодурства баронских чиновников. Основатель галилейских колоний Давид Шуб писал в своих воспоминаниях, что баронская администрация смотрела на поселенцев, как на "свору подлых босяков". Порой чиновник заставлял доведенного до голода поселенца чистить ему сапоги, и как в свое время в Ришон

ле-Ционе, так и в Рош-Пинне дошло до бунта.

Но верно и то, что не все чиновники вели себя подобным образом. Лучшая их часть, люди дельные и положительные, старалась изыскать новые пути в хозяйстве. Маслины, миндаль, побольше виноградарства. На севере горные села Ливана показывали пример возможностей шелководства. Разведение шелковичных червей на плантациях тутового дерева — шелковицы — было в Ливане самым распространенным делом, да и самым доходным (пока Европу не завоевали китайские и японские шелка). Так почему же не появиться и шелку из Рош-Пинны?

Шелководство, в сущности, не было новостью среди промыслов еврейского ишува. Еще в начале восемнадцатого века, когда в Газе, Мадждеале (нынешнем Ашкелоне), Бет-Джале и Рамалле ткали хлопок и шерсть, женщины Хеврона, главным образом еврейки, ткали шелк из ливанского сырца. Баронская администрация решила попытаться возродить в современном виде ремесло, уничтоженное результатами всемирной промышленной революции. План предусматривал разведение шелковичного червя на плантациях шелковицы и одновременно изготовление шелковых ниток и тканей. За дело взялись с большим размахом: увеличили площади шелковицы с 498 дунамов в 1890 году до 3020 дунамов в конце десятилетия — в полтора раза больше всех площадей под цитрусовыми. Половина плантаций шелковицы во всей стране была сосредоточена в Рош-Пинне. В 1895 году открыли шелкопрядильную фабрику, оснащенную по последнему слову техники того времени, конкурировавшую с бейрутскими: сорок пять шелкомотальных машин для сматывания нити с коконов, около ста работников, часть из семей поселенцев. В их числе дети, особенно из Цфата. Чтобы дать постоянную работу жителям Цфата

— барон заботился и о них тоже — сырец везли откуда только возможно, покупали и в Ливане.

Но не прошло и десяти лет, как рынками безраздельно завладел Дальний Восток. Дело лопнуло.

Старики Рош-Пинны утверждают, что и первая рабочая стачка произошла на шелкопрядильной фабрике. Коли так, этого следовало ожидать: труд был каторжный. Один из старожилов рассказывал: "Зимой вставали в четыре утра, работали при свете ламп до восьми. После получасового перерыва на завтрак продолжали до двенадцати, затем час отдыха, работа до четырех, перерыв двадцать минут, работа до восьми вечера. При лампах начинали, при лампах заканчивали".

Платили от трех до семи с половиной грошей. Штрафы за брак, но и премии за отличную работу. Управляющий помыкал людьми, бил мальчишек. Однажды, застав подростка из Цфата без дела, управляющий приказал его выгнать. Мальчик не подчинился, набросился на управляющего и вместе со своим товарищем поколотил его. Это небывалое происшествие подстегнуло общее недовольство, рабочие объявили стачку. Два месяца простояла фабрика. Управляющего убрали, вместо него приехал француз из Парижа, специалист-текстильщик. Он также повел себя круто, только теперь ему пришлось иметь дело с представителями рабочих. Для него это было внове, он не знал, как ему быть и как справиться с ними. А они — через его голову — обратились к главному администратору. Тут делегатов ожидала встреча в духе того времени: "Доложу о вас властям! Попадете в тюрьму! Закрою фабрику!..". Так и было. Администрация заперла фабричные ворота на засов. Нашла коса на камень, обе стороны

стояли на своем, пока рабочие, лишившиеся заработка, не разбрелись кто куда. Часть работников из Цфата осадила дом администратора и таким образом добилась для себя ничтожной денежной компенсации. Прядильные машины разобрали, часть оборудования отправили обратно во Францию. Двигатель, "мотор", как его звали, перевезли в Яффу и установили качать воду в городской бане.

Не состоялся шелк из Рош-Пинны...

Духи из Йесуд ха-Ма'алы

С самого начала поселенчества в Эрец-Исраэль сельскохозяйственное производство сопровождалось промышленной переработкой его продукции. Широкую известность приобрели винодельни Ришон ле-Циона и Зихрон-Я'акова, но о том, что винодельни были построены также в Реховоте и в Рош-Пинне, знают далеко не все. В попытке разнообразить ассортимент виноградарства в Галилее, баронская администрация завезла лозу малаги и даже пригласила из Испании специалиста по изготовлению этого сорта вина. В Тантуре Ротшильд поставил стекольный завод, который снабжал баронские винодельни бутылочной тарой. Производством здесь заведовал молодой инженер Меир Дизенгоф — будущий первый мэр будущего Тель-Авива. Для морских перевозок Ротшильд завел три суденышка, стоявшие у причала Хадеры. Но конец баронского "флота" был печальным: все три затонули в хайфском заливе. Ротшильд предусмотрел также устройство промышленного производства и в Йесуд-ха-Ма'але: парфюмерную фабрику. Барон тешил себя мыслью, что его поселение может стать со временем вторым Грасом (центр парфюмерной промышленности Франции).

Озеро Хула и его окрестности рисовались Ротшильд в виде некоей "Ривьеры", может быть, еще и потому, что его администраторы в своих отчетах сильно приукрашивали это излюбленное ими место отдыха; берег озера был благоустроен, для начальства держали специальную лодку. После того как проект парфюмерной фабрики в Йесуд ха-Ма'але был осуществлен, Ротшильд мог с удовлетворением узнать из путевого очерка французского литератора Виталья Кавинье, что "аромат цфатских духов грозит отодвинуть в тень французские духи". Измученная лихорадкой Йесуд ха-Ма'ала предстала в новом облике: селение, овеянное ароматом духов и утопающее в розах.

Розы завезли из Болгарии по распоряжению Йехошуа Осовицкого. Осовицкий, поощрявший еще и эксперименты по возделыванию чайного куста, а также индийского ананаса и даже мака для приготовления медицинского опия, пригласил в колонию яффского "короля цветов" Бехора Алхадефа. Об этом первом воспитаннике Микве-Исраэль уже рассказывалось в нашей книге. Напомним, что Алхадеф работал в Яффе садовником в парке, принадлежавшем русскому вельможе Платону Устинову.

По субботам Устинов открывал свой парк для яффских евреев. В Йесуд ха-Ма'але Алхадеф заложил плантации болгарской розы на 300 дунамах. Осовицкий дал ему в помощь и ученье двадцать пять цфатских подростков, и вскоре Эрец-Исраэль удалось поразить мир знатоков сообщением о том, что из тонны розовых лепестков в Йесуд ха-Ма'але добывают два килограмма эссенции — в три раза больше, чем в Грассе.

О жителях Йесуд ха-Ма'алы, поселившихся на болотах у живописного озера за четыре года до того, как Ротшильд увидел их по пути в Дамаск и

проникся симпатией к их мученической выдержке, сохранились очень лестные отзывы. Один из известных общественных деятелей того времени, Иехошуа Айзенштадт-Барзилай докладывал о них в Одессу Ховевей-Цион: "По складу своему они близки к тому типу еврейского земледельца, который мы хотели бы видеть на земле наших предков".

Баронская администрация нежилась в тихой заводи, которую соорудили для нее на озере Хула, а поселенцы и их семьи усердно трудились. "У них водятся деньги, — свидетельствовал Барзилай, — и положение их неплохое". Местные интеллигенты были увлечены начинанием, обещавшим превратить их край в "малую Швейцарию", однако крылья их мечтам подрезала экономическая арифметика. Воду для плантации роз качали из колодцев, выкопанных по распоряжению администрации, и подавали ее в оросительные каналы. Медленные ручейки не успевали напоить триста дунамов, прокаленных летним зноем, и розовые кусты погибали на солнце от болезней. "Календарь Эрец-Исраэль" А.М.Лунца за 1896/97 год радостно извещал о том, что "в Йесуд ха-Ма'але начали изготавливать душистую воду лучше европейского одеколона", но не прошло и пяти лет, как тот же календарь грустно сообщил: "Под конец убедились, что расход выше дохода и возделывание роз прекратилось".

ВСЛЕД ЗА ПЕРВОЙ БОРОЗДОЙ

**”В тот день, когда еврейский землепашец
встанет за плуг, решится еврейский вопрос”.**

Т. Герцль.

Итоги первых десятилетий

В свой последний приезд в страну, на девяносто первом году жизни, когда до кончины ему осталось десять лет, Моше Монтефиоре сказал евреям Иерусалима: "Если вы спросите меня, какой момент самый подходящий, я вам отвечу: начните еще сегодня, не опоздайте!". И сто лет спустя нам приходится изо дня в день повторять эти слова.

Шел 1875 год. Уже существовала Микве-Исраэль. Уже успели забыть, как первопечатник Исраэль Бек из Цфата основал в конце тридцатых годов село Бен-бли-Шем на горе Джермак. Теперь его внук, Элазар Роках, агитировал евреев Цфата восстать против "дармового хлеба милостыни". Группа, объединившаяся вокруг раввина Меира Ойербаха в Иерусалиме, все еще вела упорные поиски земельного участка. Спустя три года ею будет основана Петах-Тиква на болотах Шарона.

Почин в освоении земель Эрец-Исраэль (Гей-Они и Петах-Тиква) принадлежал старому ишуву. После четырехлетнего перерыва — в 1882 году — его подхватили переселенцы из-за морей и пустынь: билуйцы, выходцы из Йемена и другие халуцы.

Репатриантами из Йемена двигали мессианские чаяния. Билуйцы (около шестидесяти юношей и девушек, прибывших в страну из пятисот участников движения) несли с собой новую социальную идею, и в этом их приоритет. Но переворот в национальной жизни — возвращение к сельскохозяйственному труду на родной земле — совершили низы, бесформенная

масса. Меньшинство, видевшее в возвращении в Землю Обетованную высокую жизненную задачу, заложившее основу сионистской колонизации, составили лишь крупицу того, что историк Явнеэли в "Книге сионизма" называет "первой массовой алией". Определение слишком лестное. Термин *алия* предполагает идейную подкладку, а у массы речь шла о простой *эмиграции*, об одном из маршрутов, к тому же второстепенном, бегства от катастрофы, угроза которой сметала евреев с насиженных мест. В те дни это были декреты царского правительства и погромы, ужас которых не идет ни в какое сравнение с Катастрофой Второй мировой войны. Но у современников эти погромы заслужили название: *суфóт ба-Нéгев*⁹⁰.

История повторяется: слух о первых поселениях породил надежду на заработок и хлеб в Эрец-Исраэль. Позднее такую же роль сыграла возможность свободного въезда в Эрец-Исраэль — единственные открытые врата в герметически закрытом мире. Движению Хиббат-Цион удалось высечь искру в сердцах лишь у нескольких тысяч. Политический сионизм, выросший из движения энтузиастов-непрофессионалов, позднее распространил свои учреждения почти по всей планете. Подобно любой эмиграции, вплоть до сегодняшнего дня, эмиграцию 1881 года сопровождали успехи и неудачи, разочарования и подъем, разгул страстей, появление руководства, укоренение на новом месте одних и реэмиграция других. Даже самая знаменитая алия, Вторая, начавшаяся в 1904 году, которую принято считать образцом идейной алии, оставила в Эрец лишь немногих из 30—40 тысяч человек, поднятых ее могучей волной. На четвертом году Второй алии (в 1908 году) заселением Эрец-Исраэль стала заниматься Всемирная сионистская организация. На этом поприще, исторически и хронологически,

она явилась третьим организатором — после Ротшильда и ЕКО.

Нет большого проку от домыслов типа "если бы...", особенно по поводу исторического прошлого. И тем не менее: если бы Петах-Тиква встала на Иордане, в окрестностях Иерихона, как хотели ее основатели, а Ришон ле-Цион — южнее Газы, если бы два поселения, основанные в районе Хорана (Бней-Иехуда и Тиферет-Биньямин) продолжали бы существовать, какими были бы границы страны к моменту Войны за независимость? Существование Метулы — вот что сберегло нам север страны во время переговоров о разделе территорий бывшей Османской империи между победителями в Первой мировой войне. Границы 1967 года мы обрели благодаря Шестидневной войне. Но, может быть, меньше крови пришлось бы пролить, если бы еврейский плуг провел свою борозду в Иерихоне, Газе и на Голанах еще до начала Войны за независимость...

В первом десятилетии колонизации первые поселенцы не занимались подобными политическими домыслами. Их проблемы были вызваны изобилием, подчас развращающим, которое обеспечивал Ротшильд — с одной стороны, и гнетом его администрации — с другой. В Вади-Ханин (будущей Нес-Ционе) в подвале, где жил каменотес Ахарон Айзенберг, зарождались проекты новых поселений, независимых от опеки барона, — Реховота и Хадеры. Тогда-то Иехошуа Ханкин из Ришон ле-Циона и начал завязывать нужные связи, придумывать ухищрения, делающие возможным оформление сделок по приобретению земель, которые изменили характер страны, хотя и были завершены лишь тридцать лет спустя.

Летопись национального возрождения отпустила Первой алии 25 лет — с 1881 по 1904 год. Исторически ничтожный срок, однако за немногие

свои годы Первая алия посеяла семена будущих богатых всходов. Последовавшие за ней волны репатриации надолго заслонили собою ее вклад. Лишь восемьдесят лет спустя после основания первых поселений вспомнят о ней, признают ее и скажут, что она заложила прочные устои будущего.

Суфóт ба-Нéгов

Приоритета Первой алии не зафиксировали статьи и брошюры того времени. Из страны исхода везла она с собой тяжкий опыт бедствий, гонений и погромов. Тоска по Сиону еще не привела к национальному возрождению и не выкристаллизовалась в политическую идею. В 1881 году стихи Бялика дышали безысходностью.

”Встань и беги в степную ширь, далече;
Там, наконец, рыданьям путь открой,
И бейся там о камни головой,
И рви себя, горя бессильным гневом,
За волосы, и плачь, и зверем вой —
И вьюга скроет вопль безумный твой
Своим насмешливым напевом...”

(Перевод В. Жаботинского)

Евреи бежали, гонимые ветром погромов, в западном направлении, куда глаза глядят. Пускай неизвестность, лишь бы не столь ужасная действительность. Это бегство с юга России получило в истории сионизма, как уже говорилось, образное название: *Суфóт ба-Нéгов*.

В пограничном городе Броды вскоре скопилась огромная масса беженцев (еврейская пресса говорила о десятках тысяч, хотя это явное преувеличение). Евреи на Западе начали совещаться

относительно убежища для своих соплеменников. Броды превратились в имя нарицательное (не напоминает ли это нынешние Вена и Рим?..). Скопление беженцев стало миной замедленного действия, которую необходимо было обезвредить. Альянс в Париже и Комитет еврейских общин в Лондоне принялись выдвигать проекты. Может быть, сельскохозяйственные колонии в Америке? Или близкая Босния (где, согласно официальным разъяснениям, под защитой Австрии, достаточно плодородных земель для множества переселенцев)? Аргентина? Канада? Мексика? Может, Сан-Доминго? Алжир? Турция? Предлагали даже Испанию, в пользу которой выступил член Хиббат-Цион (!) и родственник Монтефиоре Хаим Гедалия. Противники эмиграции в Эрец-Исраэль либо не верили в ее возможности, либо боялись реакции неевреев ("что скажут гои?") на массовое возвращение евреев на свою историческую родину. Сторону малOVERов принял, поразив этим Ховевей-Цион, даже основатель Микве-Исраэль Карл Неттер. Позднее он пожалеет о том, что опубликовал свои возражения сторонникам Эрец-Исраэль, и о вреде, причиненном этой публикацией. Последние дни жизни Карл Неттер провел в Микве-Исраэль. Что касается одержимых страхами, то им пришлось услышать клич, хорошо известный и в наше время: "Евреи — в Палестину!".

Как обычно, еврейские общественные деятели произносили речи, преувеличивали, шумели и сотрясали воздух. Появились предложения превратить Стамбул, куда также стекались беженцы, во "вторые Броды" на пути в Эрец-Исраэль. Пароходы все везли евреев, среди них и нищих, которые по дороге не переставали выпрашивать подаяние. Турция перепугалась: немусульманские меньшинства на окраинах

империи уже достаточно испортили ее отношения с европейскими державами. Османы пытались освободиться от чрезмерной власти иностранных консулов. Кроме того, они подозревали, что евреи скупают земли, основывают поселения и поощряют своих соплеменников иммигрировать в Палестину фактически для того, чтобы отторгнуть этот край от Турции. Подобное уже имело место в середине века, во времена мятежа Мухаммада-Али в Египте и его пасынка Ибрахима-паши в Эрец-Исраэль. Совладелец иерусалимской газеты "Ха-леванон" Иехиэль Бриль утверждал, что Шмуэль Гирш намекнул иерусалимскому паше о том, что у евреев "мечты и фантазии" основать в Палестине республику, но "только таких, у кого помутился разум, много не нашлось". Эта история была разглашена секретарем Гирша, упрекавшим своего шефа в том, что он "додумался вложить в руки паши меч во зло Израилю и что с того дня вышел приказ паши, не разрешавший сходить на берег в Яффе евреям, которые прибывают из России и Румынии". Лет через десять — в 1891 году — хлынула новая волна беженцев из царской России. Врач Хиллел Яффе записал свой разговор по этому поводу с турецким министром полиции: "Султан милостью своей согласен, чтобы гонимые евреи направлялись, по собственному желанию, в любую из турецких провинций, где им будут бесплатно предоставлены земельные участки. Однако правительство не желает эмиграции евреев в Палестину... К Палестине обращены взоры всех стран". Министр назвал две причины: "Правительство опасается возникновения еще одного "вопроса", подобного армянскому; и второе — вмешательство консулов может привести к неприятностям и трениям". В Иерусалиме рассказывали, что доброжелательно настроенный к евреям Тауфик-паша выражал своим еврейским друзьям удивление по поводу

того, затем понадобилось называть еврейские поселения "колониями", а еврейских крестьян — "колонистами". Разумней было бы назвать эти поселения просто селами, а поселенцев — феллахами. Тогда это не вызвало бы подозрений, что евреи копируют в стране тактику англичан в колониальной Африке. Османы болезненно реагировали даже на присвоение поселениям имен членов семьи Ротшильда, олицетворявших в их представлении Европу, которая навязала Турции неравноправный договор.

Осенью 1882 года на паспортах въезжающих в пределы Османской империи стали проставлять штемпель: "кроме Палестины". Евреи сначала полагали, что речь идет только об иерусалимской области, так как Иудея с Самарией считались частью южносирийской провинции. Вскоре выяснилось, что запрет на въезд касается всей страны. Пошли слухи, что штемпель введен по совету еврея из штата помощников владельца концессии на строительство железных дорог на севере Сирии. Последний, якобы, был заинтересован в поселении евреев на землях вдоль железнодорожных трасс из коммерческих соображений.

Евреев задерживали беспощадно. Часть пробралась в страну тайком, другая рассеялась по свету. Одна маленькая группа очутилась на попечении у миссионеров, намеревавшихся создать еврейское поселение на севере Сирии. И наконец, известная часть беженцев, как и в Бродах, повернула из Стамбула восвояси — назад в Россию.

После всех пертурбаций, вызванных *суфот ба-Негев*, сохранились лишь поселения в Эрец-Исраэль. Им предстояло стать убежищем евреев, уцелевших от такого урагана, как Катастрофа во время Второй мировой войны.

Турецкая "Белая книга"

Через десять лет после *суфот ба-Негев* бегство из России возобновилось и, соответственно, был возобновлен и ужесточен турецкий запрет. В самой Эрец-Исраэль его проведение в жизнь то ослабевало, то усиливалось. Евреи пытались проникнуть в страну на парусниках из Порт-Саида, высаживаясь в районе Тантуры и Неве-Рубина. Шли через горы из Бейрута. В Яффе и Иерусалиме местные власти вели себя то непреклонно, то снисходительно. То устраивали на берегу засады, то смотрели на нелегальную иммиграцию сквозь пальцы, в зависимости от ветра, дующего из Стамбула, и от готовности евреев раскошелиться. Бакшиш действовал безотказно, но и рос согласно поговорке об аппетите, который приходит во время еды. Вначале достаточно было двадцати франков, и при удаче можно было немедленно, прямо в порту, стать обладателем справки, удостоверяющей ваше османское подданство. По мере того как напор иммигрантов усиливался, росла и взятка, достигая временами двухсот франков. Бакшиш регулировался законом спроса и предложения.

Но бывало, что не помогал и он: властями овладевали приступы строгой дисциплины. Тогда в Яффе устраивались уличные облавы на евреев, а тех, кто не успел ступить на берег, заворачивали назад в море или сажали в тюрьму, если капитаны отказывались брать их в обратный рейс. Вдобавок к "красному билету", как на жаргоне переселенцев называлось разрешение на временное пребывание в стране, выдававшееся вместо паспорта, который власти забирали в залог, в 1891 году вышел новый указ, самый суровый в серии законодательных мер против земельных сделок на имя иностранных подданных.

Как уже говорилось, это была реакция на

новый наплыв беженцев из России, вызванный внезапной высылкой евреев из Москвы, запретом селиться и проживать вдоль русской границы в полосе шириною 50 верст, а главное — страхом перед так называемым "указом мер и весов", как в народе прозвали готовившийся, по слухам, запрет евреям вести торговлю, даже мелочную, — дабы оградить "честных христиан" от "еврейских мошенников". Раввины объявили пост, как в Судный день, постились и неверующие. Еврейские массы пришли в движение. Молва, направившая их в сторону Эрец-Исраэль, утверждала, что все желающие смогут получить там землю, которую распределяют Ховевей-Цион. На расстоянии небо над Эрец-Исраэль представлялось синим и безоблачным.

Те, кому удавалось сойти в Яффе на берег, сталкивались с иной действительностью. Скученность. Нелегкий хлеб. В отличие от переселенцев середины века, направлявшихся в Цфат и в Тверию, нынешние оседали в Яффе или пытались закрепиться в ее окрестностях. Нужда заставляла срочно искать работу, любую, пускай даже батрацкую. В Ришон ле-Цион иммигрантам ходу не было: баронская администрация не забыла крестьянский бунт, первый рабочий союз, изгнание из колонии Михаэля Гальперина. Поневоле обходя закрытый для них Ришон ле-Цион, иммигранты нашли прибежище южнее его, в развалившихся домишках Вади-Ханин, вокруг которых вырос барачный лагерь. Работали на полях свободного от баронской опеки Реховота — и понять не могли, зачем приехали.

Безнадежность. Таким останется положение, по меньшей мере, еще лет десять, пока в начале двадцатого века ЕКО не согласится оплатить отъезд из страны еврейских сельскохозяйственных

рабочих, лишь бы не увековечивать сложившуюся "искусственную ситуацию".

В начале второго десятилетия существования сельскохозяйственных поселений, когда евреи снова постучались в ворота Яффы, а поселения под крылом легендарного и всемогущего патрона превратились в несомненную и устойчивую реальность, спутником иммиграции стала "земельная лихорадка" — погоня за участками под новые и новые поселения. И вот тут-то слабые османские власти, вынужденные приспособляться к условиям договора, который изъясил из их юрисдикции иностранных подданных, смогли, наконец, безнаказанно нанести удар по определенной группе "иностранцев", по евреям, найдя их уязвимое место. Новый турецкий земельный декрет был практически первой "Белой книгой" — задолго до британской "Белой книги"⁹¹ и ее декретов. Новые ограничения подорвали начинания первого еврейского руководства, формировавшегося в Яффе.

Возглавлял это ядро еврейского самоуправления представитель Ховевей-Цион Зеев (Владимир) Темкин, которому тогда было немногим более тридцати лет. Вдвоем с Йехошуа Ханкиным они вступили в борьбу с безудержной спекуляцией и мошенничеством, бурно расцветшими на использовании неопытности мечущихся по стране пылких посланцев переселенческих обществ. "Торгуют поселениями, которых нет и не было в помине", — писал основатель Рош-Пинны Давид Шуб. Темкин и его товарищ решили укротить стихию и ввести ее в упорядоченное русло. Они добились этого, заслужив доверие посланцев и сосредоточив в своих руках большие деньги, поступавшие из России. Однако инициатива, с которой они выступили и которую можно было только приветствовать, обернулась против них. Они еще только налаживали и упорядочивали

дело приобретения земель, когда османские власти занесли над ним свою плеть. "Белая книга" навела страх на переселенческие общества в России. Они прекратили свои взносы и, хуже того, потребовали возвратить переведенные деньги. Ховевей-Цион отозвали своего представителя в Россию для объяснений и назад, в Эрец-Исраэль, больше не вернули.

Темкин пробыл в стране всего несколько лет, но влияние его сохранилось надолго. Формирующийся ишув впервые почувствовал становление своего руководства. "Эпоха Темкина" вошла в историю заселения Эрец-Исраэль как время смелых и значительных начинаний. Три года его пребывания в стране связаны с приобретением "долинных" земель: Эмек-Изреэль, Эмек-Хефер и Эмек-Хула. Пожалуй, вернее всего определили Темкина арабы. Они называли его "рас-эль-иехуд" — "председатель евреев". И не напрасно. Деятельность Темкина, как некогда основание Петах-Тиквы, была ответом на старый призыв: *кум ве-асé* — встань и действуй.

На втором десятилетии эпохи "малых дел" Ховевей-Цион в их тихую заводь ворвался одержимый политик — Теодор Герцль. Все предыдущее развенчал, объявив его попыткой работы под чужим суверенитетом, "просачиванием", строительством на зыбучих песках. Будущее тому, что делается в Эрец-Исраэль, можно обеспечить, только добившись политических прав на нее, путем "чартера". "Венский фельетонист затеял игру в дипломатию", — возмущался Нахум Соколов в газете "Ха-цфира".

Юный Хаим Нахман Бялик послал Ахад-ха-Аму сатирическое стихотворение на ту же тему. Последний, как рассказывает Амос Эйлон в своей

книге о Герцле, стихотворения не напечатал, хотя и был одного мнения с автором. Не прошло и года, как Соколов превратился в преданного сторонника "фантазера". Переменил свое мнение и Бялик. В отличие от них Макс Нордау загорелся сразу. "Коли вы безумец, будем безумцами вместе!" — воскликнул Нордау. И тотчас был удостоен награды: Герцль пообещал ему портфель министра образования в еврейском государстве. Пророческое "безумие" отталкивало и притягивало сердца. Пугало. Покоряло. "Избранник Божий!" — так отозвался о Герцле главный раввин его родного города Вены, в прошлом его противник.

Но в отношениях между двумя центральными фигурами еврейского возрождения не произошло, увы, того, что современный жаргон называет "химией", — взаимопонимания, притяжения, симпатии. Деловой человек, "отец ишува", и интеллигент, вписавший навечно свое имя в историю нашего народа как провозвестник государства, не нашли общего языка... На закате жизни Ротшильд, намного переживший Герцля, скажет: "Сионисты и я были подобны роющим туннель. Хотя мы начали с двух разных концов, нам суждено было встретиться". Герцль умер, не дождавшись этого признания Ротшильда.

Отстаивая идею политического урегулирования в качестве обязательного предварительного условия поселенчества, Герцль скептически относился к выкупу земель и поселению на них евреев до получения "чартера". Практика показала, что в этом пункте Герцль заблуждался. Она опровергла его недоверие к "работе под чужим суверенитетом". Государство Израиль было создано не благодаря "чартеру", а добыто борьбой и потом тех, кто трудился на земле Эрец-Исраэль. Если бы провозвестник государства дождался осуществления своего предсказания, он, вероятно, повторил бы написанное им однажды: "В тот

день, когда еврейский земледелец встанет за плуг, разрешится еврейский вопрос”. Записывая это, Герцль, конечно, не догадывался, что своей фразой он объединяет в единый исторический процесс предшествовавшую ему эпоху со своей, а свою — с эпохой провозглашения еврейского государства.

29 августа 1897 года в Базеле собрался Первый сионистский конгресс. 3 сентября Герцль записал в дневник: “В Базеле я основал еврейское государство! Скажи я об этом во всеуслышание, ответом мне были бы сплошные насмешки. А лет через пять, и уж несомненно через пятьдесят это поймет каждый”. Через пятьдесят лет после Базеля, 29 ноября 1947 года Организация Объединенных Наций провозгласила право евреев на государственную независимость. Герцль ошибся всего на три месяца. В этом решении нашли свое выражение как государственные устремления Герцля, так и работа первых поселенцев-халуцов, сказавших торжественно и просто: “Мы вступаем в эпоху *кум ве-асé* — встань и действуй”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Халуц* (ивр.) — букв. "пионер"; впоследствии так стали называть активных участников еврейского заселения и освоения Эрец-Исраэль. В основу девиза легла клятва, которую дали Моисею воины колен Реувена и Гада: "Пойдем впереди всех (*наавор халуцим*) по пути Господа".

² *Ишув* (ивр.) — букв. "поселение"; в переносном смысле название еврейского населения Эрец-Исраэль до создания государства Израиль.

³ Термин "колония" обозначал тогда поселение группы людей на выкупленной у иноплеменных владельцев (чаще всего — арабов) заброшенной или необжитой земле с целью ее освоения.

⁴ Первый премьер-министр государства Израиль Давид Бен-Гурион (1886—1973) принадлежал к поколению, впитавшему опыт первой русской революции; стремление к национальному возрождению сочеталось у представителей этого поколения с требованием социальных преобразований. Евреи старого ишува встретили новых переселенцев настороженно, а к их социалистическому мировоззрению отнеслись крайне отрицательно.

⁵ *Галут* (ивр.) — букв. "изгнание"; вынужденное пребывание еврейского народа на чужой земле. В сходном значении употребляется термин "диаспора".

⁶ Название этой части "Страна запустения" (*эрец ло ношават*) связано с выражением, встречающимся в Книге Исход. Бог обещает народу Израиля привести его в *эрец ношават* — землю заселенную, обжитую, устроенную. *Ло ношават* — состояние обратное, т.е. запустение и разорение.

⁷ Равби Овадия Бертиноро (Бартиноре, Бартинура; родился около 1450 г. в Италии, умер около 1516 г.). Известный

комментатор Мишны, духовный руководитель еврейской общины Иерусалима.

⁸ Рамбан (1194—1270) — аббревиатура имени Рабейну Моше бен Нахман. Знаменитый законоучитель, философ и врач. Известен также под именем Нахманид.

⁹ *Миньян* (ивр.) — кворум, необходимый для совершения публичного богослужения и ряда религиозных церемоний (10 взрослых мужчин).

¹⁰ Моше Монтефиоре (1784—1885) — еврейский меценат и общественный деятель. Жил в Англии; оказывал поддержку различным еврейским общинам; способствовал развитию поселенчества и ремесел среди еврейского населения Эрец-Исраэль.

¹¹ Дуб плача (*алон бахут*) — так патриарх Иаков назвал дуб, под которым он похоронил Дебору (Двору) — кормилицу своей матери.

¹² *Кум ве-асе* (ивр.) — букв. "встань и действуй"; совокупное название ряда заповедей, выполнение которых обязательно для верующего еврея.

¹³ *Цаддик* (ивр.) — букв. "праведник"; человек, отличающийся особенно сильной верой и набожностью; духовный вождь хасидской общины.

¹⁴ Terra Sancta (лат.) — Святая земля.

¹⁵ См. примечание к предисловию.

¹⁶ О билуйцах см. главу "1882 год — переломный", раздел "Их было всего шестьдесят".

¹⁷ Элизер бен-Иехуда (1858—1922) — инициатор возрождения иврита как разговорного языка; преподаватель, журналист, издатель, один из создателей Академии языка иврит.

¹⁸ Бен-бли-Шем (ивр.) — букв. "сын без имени".

¹⁹ *Брит мила* (ивр.) — обрезание крайней плоти у мальчика на восьмой день после рождения, символ завета, заключенного еврейским народом с Богом. Первым был обрезан праотец Авраам.

²⁰ *Сар* (ивр.) — уважаемый человек, предводитель, воинский начальник. В современном значении — "министр".

²¹ Дунам — мера площади, равная 0,1 га.

²² *Талмид-хахам* (ивр.) — букв. "ученик мудрого"; почетный титул лиц, сведущих в Священном писании.

²³ Давид Елин (1864—1941) — один из руководителей еврейского ишува в Эрец-Исраэль; педагог, писатель, ученый, профессор

Иерусалимского университета. Вместе с Э.бен-Иехудой и И.Пинесом основал Академию языка иврит.

²⁴ Национальный комитет (*Va'ad leумми*) — исполнительный орган еврейского собрания депутатов в подмандатной Палестине; защищал интересы евреев Палестины в Лиге наций; последнее свое заседание Национальный комитет провел 14 мая 1948 г. — за несколько часов до провозглашения государства Израиль.

²⁵ Локоть (*амá*) — мера длины, равная 0,68 м.

²⁶ Альянс (*Alliance Israelite Universelle*) — Всемирный еврейский союз. Основан в Париже в 1860 г. для оказания помощи евреям во всем мире. Первая современная международная еврейская организация, заложившая основы еврейской дипломатии, стремившаяся улучшить социальное и правовое положение евреев. Альянс основал в разных частях света школы, учительские семинарии, коммерческие училища.

²⁷ *Парашат ха-шавуа* (ивр.) — букв. "глава недели" — глава Торы, которую, согласно религиозным предписаниям, читают в данную неделю.

²⁸ Цви Хирш Калишер (1795—1874) — раввин, один из основателей палестинофильского движения в Германии.

²⁹ "Ха-Тиква" — с 1905 г. гимн Всемирной сионистской организации, а с 1948 г. — государственный гимн Израиля. Текст был написан Нафтали Герцом Имбером (1856—1909) в 1878 г.

³⁰ *Гер* — нееврей, принявший иудаизм. *Гер-цедек* — "истинный гер", тот, чей переход в иудаизм совершился под влиянием искреннего желания стать евреем и быть причастным к судьбам еврейского народа, а не был продиктован посторонними соображениями (например, невозможностью иначе вступить в брак и т.д.).

³¹ В Книге Даниила рассказывается о конце света и страшном суде.

³² Субботники — в данном случае название христианской секты адвентистов седьмого дня, выделившейся в середине XIX в. из баптистов Северной Америки; члены этой секты, хотя и приняли основанный на Ветхом завете закон празднования субботы и запрет есть свинину, остаются чисто христианской сектой.

³³ Петах-Тиква (ивр.) — букв. "врата надежды".

³⁴ Антипатрида — город, основанный царем Иудеи Иродом и названный в честь его отца Антипатра. Впоследствии служил военным лагерем римлян, крестоносцы построили на его месте

замок, а турки — форт; развалины Антипатриды сохранились до нашего времени (находятся недалеко от городка Рош ха-Аин).

³⁵ *Ше-хехейану* (ивр.) — букв. "что дожили"; благословение, произносимое в дни праздников и радостных событий: "Благословен Ты, Господи, Царь Вселенной, что дал нам дожить и просуществовать и сохранил нас до сего дня".

³⁶ Ханукка (ивр.) — букв. "освящение"; ежегодный восьмидневный праздник (приходится на ноябрь-декабрь) в память о чуде при освящении Иерусалимского храма после победы Маккавеев над греко-сирийскими войсками (164 г. до н.э.), когда одного освященного сосуда с маслом хватило для светильников Храма на целую неделю, поэтому во время Ханукки зажигают традиционный светильник, который называется хануккия.

³⁷ *Седер* (ивр.) — букв. "порядок, установление"; торжественная трапеза в первую ночь (вне Эрец-Исраэль — в первые две ночи) праздника Песах.

³⁸ *Гвур* (идиш) — богач или один из влиятельных членов общины.

³⁹ Уджа (Авджа) — арабское название реки Яркон.

⁴⁰ Ховевей Цион (ивр.) — букв. "любящие Сион"; палестинофилы, участники движения Хиббат Цион ("любовь к Сиону"), возникшего в России в начале 80-х годов XIX в. Первый съезд Ховевей Цион состоялся в Катовицах (Силезия) в 1884 г. и был приурочен к празднованию столетия со дня рождения Моше Монтефиоре; тогда же в память о нем был создан "Мазкерет Моше".

⁴¹ Михаэль Гальперин (1860—1919) — сионист-социалист; во время еврейских погромов в России участвовал в организации отрядов еврейской самообороны. В Эрец-Исраэль работал сельскохозяйственным рабочим и охранял еврейские поселения.

⁴² Моше Лейб Лилиенблюм (1843—1910) — еврейский общественный деятель, один из идеологов палестинофильского движения, считавший, что возрождение еврейского народа возможно только на земле предков, в Эрец-Исраэль.

⁴³ В "Дневнике билуйца" Хаим Хисин рассказывает, что Моял принял предложение Ховевей Цион быть их представителем в Палестине и всячески помогал билуйцам. В тот день, когда заново строили конюшню, Моял пригласил шейхов Катры в свой дом и, осыпав комплиментами, расположил к себе и своим подопечным. Билуйцам же он посоветовал сделать следующее: когда арабы вызовут из Газы офицера, ему следует передать

поклон от Мояла и напомнить о двухсот лирах, которые офицер ему должен, после чего все образуется. Сценарий Мояла оказался точным.

⁴⁴ Дон Иосеф Наси, герцог Наксосский (1524—1579) — выходец из семьи португальских марранов; переехав в Стамбул, открыто вернулся к иудаизму; занимал высокое положение при дворе султана Сулеймана I, который предоставил ему право расселять евреев в Тверии и семи прилегающих к ней деревнях. Иосеф Наси использовал свое влияние для оказания помощи евреям, подвергавшимся преследованиям в других странах; он призывал евреев переселиться в Тверию и ее окрестности и заняться ремеслами, земледелием и выращиванием тутовых деревьев (разведение в Палестине шелковичных червей началось по инициативе Иосефа Наси).

⁴⁵ Во Второзаконии говорится: "...тот, кто боязлив и робок сердцем, пусть идет и возвратится в свой дом".

⁴⁶ Рабби Шимон Бар-Йохай (II в. н.э.) — выдающийся еврейский законоучитель; во время правления римского императора Адриана подвергался преследованиям за обучение Торе и вынужден был в течение 13 лет скрываться в пещере; похоронен на горе Мерон близ Цфата.

⁴⁷ Йесуд ха-Ма'ала (ивр.) — букв. "основание (начало) восхождения"; выражение из Книги Эзры, где оно употребляется при описании исхода евреев из Вавилона.

⁴⁸ См. прим. № 43.

⁴⁹ *Шива* (ивр.) — букв. "семь" — обычай семидневного траура, обязательный, по еврейской традиции, для членов семьи покойного.

⁵⁰ Еврейское колонизационное общество (ЕКО) — филантропическая организация, основанная бароном М.де Гиршем в 1891 г. для содействия колонизации Аргентины евреями-эмигрантами из Восточной Европы; впоследствии общество оказывало помощь евреям и в других странах.

⁵¹ *Маханаим* (ивр.) — временная стоянка, лагерь. В Книге Бытие говорится, что патриарх Иаков однажды расположился на ночь большим станом в месте, которое он назвал Маханаим.

⁵² Ахад-ха-Ам (ивр.) — букв. "один из народа"; псевдоним философа и публициста Ашера Гирша Гинцберга (1856—1927). Ахад-ха-Ам был противником политического сионизма. По мнению Ахад-ха-Ама, Эрец-Исраэль должна стать духовным центром мирового еврейства, следствием чего может быть массовое сознательное переселение евреев в свою страну.

⁵³ Группа названа по имени древней еврейской крепости в Галилее, защитники которой героически сражались против римлян во время Иудейской войны (66—70 гг.).

⁵⁴ Гамла — древний город-крепость, во время Иудейской войны (66—70 гг. н.э.) оказал римлянам упорное сопротивление; при защите крепости погибло все население города, за исключением двух женщин.

⁵⁵ *Ховевей Цион ве-Шавей Цион* (ивр.) — букв. "любящие Сион и возвращающиеся в Сион".

⁵⁶ Новые иммиграционные законы не были сугубо антиеврейскими. Их целью было просто ограничить приток иностранных подданных, желающих поселиться на территории империи.

⁵⁷ Биньямин из Туделы — знаменитый еврейский путешественник XII в.; его книга "Путешествие рабби Биньямина" содержит массу сведений географического, экономического и культурного характера; особое внимание автор уделяет описанию жизни разных еврейских общин.

⁵⁸ См. примечание к предисловию.

⁶⁰ Суккот — букв. "Кущи"; ежегодный восьмидневный праздник (приходится на сентябрь-октябрь) в память о скитаниях евреев в пустыне после Исхода из Египта, когда они жили в кущах — шатрах (шалашах).

⁶¹ Каждая буква еврейского алфавита имеет числовое значение; общее числовое значение слова равно сумме значений составляющих его букв. Такая система называется "гематрия".

⁶² Зеев (Владимир) Жаботинский (1880—1940) — писатель и публицист, один из лидеров сионистского движения, основатель ревизионистского движения, официально провозгласившего целью сионизма создание еврейского государства по обе стороны реки Иордан.

⁶³ Нили — (аббревиатура слов *Нецах Исраэль ло ишакер* — "Бог Израиля не оставит", из Книги Самуила) — подпольная организация еврейской молодежи в Эрец-Исраэль, сотрудничавшая с англичанами во время 1-й мировой войны.

⁶⁴ Во время 1-й мировой войны в составе английской армии в Галиполи сражался еврейский воинский контингент — Отряд погонщиков мулов, созданный по инициативе И. Трумпельдора и З. Жаботинского.

⁶⁵ Ицхак Бен-Цви (1884—1963 — второй президент государства Израиль.

⁶⁶ Шим'он Бар-Гиора — выдающийся иудейский военачальник времен Иудейской войны (66—70 гг. н.э.).

⁶⁷ Палмах (аббревиатура слов *Плугот махац* — ударные отряды) — добровольческие регулярные подразделения Хаганы для выполнения специальных заданий.

⁶⁸ Эцел (аббревиатура слов *Иргун цваи леумми* — Национальная военная организация) — вооруженная подпольная организация в подмандатной Палестине, часть членов которой ранее принадлежала к Хагане.

⁶⁹ *Эрец ха-цви* (от ивр. *цви* — газель, олень) — поэтическое название Эрец-Исраэль.

⁷⁰ Моше Гесс (1812—1875) — общественный деятель и писатель; в процессе духовных исканий прошел путь от призыва к ассимиляции евреев и участия в социалистическом движении (сторонник Ф. Лассаля) до признания необходимости сохранения национальной самобытности еврейского народа, что возможно лишь при условии существования национального государства. См. книгу М. Гесса "Рим и Иерусалим", Библиотека-Алия, 1979 г.

⁷¹ Моше Мендельсон (1729—1786) — философ-рационалист, просветитель, переводчик Торы на немецкий язык, основоположник *Хаскалы* — еврейского Просвещения, стремившегося сочетать верность иудаизму с участием в европейской культурной жизни.

⁷² Кир (Кореш) — персидский царь VI в. до н.э., считался благодетелем евреев, т.к., завоевав Вавилон, разрешил переселенным туда после разрушения Первого храма (586 г. до н.э.) евреям вернуться на родину и отстроить Храм.

⁷³ Зрубавел, Эзра и Нехемия — вожди еврейского народа в период исхода евреев из Вавилона (VI в. до н.э.).

⁷⁴ Эдмон де Ротшильд скончался в 1934 г.; в 1954 г. его останки были перезахоронены в Эрец-Исраэль, неподалеку от Зихрон-Я'акова.

⁷⁵ Цитата из "*Пиркей авот*" ("Поучения отцов") — талмудического трактата, содержащего, главным образом, предписания этического характера.

⁷⁶ Реховот — название происходит от слова *рахав* (ивр.) — "широкий", "просторный".

⁷⁷ Теодор Герцль (1860—1904) — основатель политического сионизма, провозвестник еврейского государства, создатель Всемирной сионистской организации.

⁷⁸ Сэмюэл Монтегю (1832—1911) — банкир, общественный деятель и филантроп.

⁷⁹ Менахем-Мендель Усышкин (1863—1941) — выдающийся деятель сионистского движения, один из ближайших

помощников Герцля в организации Первого сионистского конгресса (1897 г.), руководитель сионистского руководства в Эрец-Исраэль, председатель правления Национального фонда (Керен каемет).

⁸⁰ Чартер (англ.) — хартия; руководство Всемирной сионистской организации стремилось получить от великих держав хартию — документ, удостоверяющий право евреев на заселение Эрец-Исраэль.

⁸¹ Это выражение встречается в Книге Левит. Господь повелевает сынам Израиля "выручить", "спасти" землю, т.е. выкупить ее из чужих рук.

⁸² "*Менуха ве-нахала*" (ивр.) — букв. "(место) покоя и удел"; одно из поэтических названий Эрец-Исраэль, встречающееся в библейской Книге Второзаконие.

⁸³ Тель-Хай — еврейское поселение на севере Эрец-Исраэль, подвергшееся в 1920 г. нападению арабов; в ходе героической обороны Тель-Хая погибло восемь поселенцев, в том числе Иосеф Трумпельдор (1880—1920).

⁸⁴ *Херем* (ивр.) — отлучение от общины, одна из самых суровых мер наказания духовным судом.

⁸⁵ В 1929 г. арабы устроили в Хевроне резню, в ходе которой было убито 59 евреев, еще семеро скончались позднее от ран.

⁸⁶ *Ту би-шват* праздник, отмечаемый в месяце шват (пятый месяц еврейского календаря, приходящийся на январь-февраль); другое его название — Новый год деревьев.

⁸⁷ Йом-Киппур (Судный день) — день поста, покаяния и отпущения грехов, приходится на десятый день месяца тишрей (сентябрь-октябрь).

⁸⁸ *Таллит* (ивр.) — прямоугольное молитвенное покрывало из шерсти (или шелка) с черными или голубыми полосами вдоль коротких сторон с *цицит* (кистями) по краям.

⁸⁹ *Квуца* (ивр.) — букв. "группа"; коммуна из 10—12 членов.

⁹⁰ *Суфот ба-Негев* (ивр.) — букв. "бури в Негеве"; слово "Негев" означает не только пустыню на юге Израиля, но и юг вообще; с этим связано употребление данной идиомы применительно к погромам, происходившим в южных губерниях Российской империи.

⁹¹ "Белая книга" — отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. Ряд "Белых книг" ограничивал права евреев на въезд в Палестину и приобретение в ней земель.

КНИГИ ИЗД-ВА „БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 - 1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов.
26. Элиззер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ

32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ

68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллиз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА „ЭКСОДУС-1947”
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муля М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...

136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М. Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскис. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Манн. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Рутенберг. ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ
И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА
156. И. Башевис-Зингер. Сборник рассказов
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. Амос Оз. СУМХИ
5. Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. Й. Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ
И ПНИНОЙ
8. Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. Сами Михаэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...

11. Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
12. Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
13. Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ
14. И. Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов и сказок для детей
15. Эстер Файн. ХАДАС
16. Н. Гутман и Э. Бен-Эзер. МЕЖДУ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ
17. АНТОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Книга 1
18. АНТОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Книга 2

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
P.O.B. 4140
91041 Jerusalem
Israel**

